

ГЛЕН КУК

СЛАДКОЗВУЧНЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ БЛЮЗ
ЗОЛОТЫЕ СЕРДЦА С ЧЕРВОТОЧИНКОЙ
ХОЛОДНЫЕ МЕДНЫЕ СЛЕЗЫ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

Глен Чарльз Кук
Сладкозвучный серебряный
блюз. Золотые сердца
с червоточинкой.
Холодные медные слезы
Серия «Звезды новой фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166932

*Сладкозвучный серебряный блюз. Золотые сердца с червоточинкой.
Холодные медные слезы: Азбука, Азбука-Антикус; Санкт-Петербург;
2021*

ISBN 978-5-389-20129-3

Аннотация

Все перемешалось в мире, где живет Гаррет. Гоблины и тролли здесь соседствуют с гномами и людьми, а огнедышащий дракон в небе такое же обыденное явление, как самолет над городами Европы. В этом странном мире отсутствует огнестрельное оружие, поэтому частному детективу Гаррету больше приходится применять физическую силу и магию. А еще у него есть хороший помощник – живой мертвец, восстающий по мере надобности из праха и вновь отправляемый на покой, когда разгадана очередная загадка. Загадок же здесь хоть отбавляй, и все они сопряжены

с риском, поэтому Гаррету и приходится что ни день идти по лезвию бритвы.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Сладкозвучный серебряный блюз[1]	7
1	7
2	15
3	22
4	28
5	35
6	40
7	49
8	53
9	60
10	68
11	76
12	85
13	90
14	96
15	103
16	106
17	113
18	118
19	128
20	133
21	136
22	144

23	154
24	167
25	172
26	179
27	189
28	199
29	203
30	211
31	221
32	225
33	227
34	231
35	235
36	242
37	248
38	254
39	260
40	268
41	274
42	282
43	288
Конец ознакомительного фрагмента.	290

Глен Кук
Сладкозвучный
серебряный блюз. Золотые
сердца с червоточинкой.
Холодные медные слезы

Glen Cook

SWEET SILVER BLUES

Copyright © Glen Cook, 1987

BITTER GOLD HEARTS

Copyright © Glen Cook, 1988

COLD COPPER TEARS

Copyright © Glen Cook, 1988

All rights reserved

© К. М. Королев, перевод, 1996

© Г. Б. Косов, перевод, 1996

© Е. Г. Полякова, перевод, 1996

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Сладкозвучный серебряный блюз¹

1

Бам! Бам! Бам!

Кто-то перепутал дверь с наковальней. Я перекатился на бок и разлепил налитые кровью глаза. Никого не видно, впрочем сквозь замызганное стекло можно лишь с трудом разобрать начертанные на нем слова:

ГАРРЕТ

ДЕТЕКТИВ

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

Я изрядно потрянул мощной, покупая это стекло, – и все слова пришлось выписывать на нем самому.

Стекло было мутным, как вода, в которой всю неделю мыли посуду, но все же сквозь него пробивался свет нарождающегося утра. Проклятое солнце еще не взошло! А я почти всю ночь мотался по барам, выслеживая одного парня, который мог бы вывести меня на другого парня, а тот, в свою очередь, – на третьего. Да и результатов никаких, только голова раскалывается.

– Убирайтесь! – прорычал я. – Меня нет дома!

¹ Перевод Г. Косова.

Бам! Бам! Бам!

– Катитесь к дьяволу!

Теперь я знаю, как чувствует себя яйцо, которое только что раскололи о край сковороды. Интересно, нащупаю ли я вытекший желток, если подниму руку к затылку? Но, ох, это требует чрезмерных усилий. Лучше спокойно умереть.

Бам! Бам! Бам!

Завести меня ничего не стоит – особенно с похмелья, и я был уже на полпути к дверям с увесистой дубиной в руке, когда в разболтанный желток вернулись проблески здравого смысла.

Кто же это такой напористый? Небось явился с холма предложить мне работу, слишком скользкую для его парней. С другой стороны, может, кто-нибудь снизу – предупредить, что я накатил не на того, на кого следует.

Во втором случае дубинка не помешает.

Я рывком распахнул дверь.

Женщину я заметил не сразу. Она едва доходила мне до груди. Поверх ее головы я уставился на трех парней: такого количества железа хватило бы на вооружение армии. Что ж, я был бы не прочь броситься в атаку, да только двоим из них было лет пятнадцать, а третьему – не меньше ста пяти.

– Неужели на страну напали гномы? – простонал я. Ни один из посетителей не превосходил ростом стоящую в дверях даму.

– Это вы и есть Гаррет? – спросила она с нескрываемым

разочарованием.

– Нет. Постучите в третью дверь. Всего хорошего!

За третьей дверью обитал работающий по ночам могильщик, которому доставляло удовольствие действовать мне на нервы. Я решил, что теперь его очередь.

Я поковылял к постели. Меня не оставляло смутное подозрение, что я уже где-то видел этих людей.

Добравшись до цели, я свернулся клубком, как старый пес. Когда ты с похмелья, устроиться удобно невозможно, будь то пуховая постель или голые доски. Но едва я успел вернуться в горизонтальное положение, как снова началось: бам! бам! бам!

Пальцем не пошевелив, поклялся я себе. Они должны понять намек.

Не поняли. Казалось, от грохота вот-вот обрушится потолок. Нет, доспать, видно, не удастся.

Я осторожно поднялся, выдул кварту воды и, залив ее прокисшим пивом, вернулся к гнусному состоянию духа.

Бам! Бам! Бам!

– У меня нет привычки разбивать черепа дамам, – заявил я крошке, открыв дверь. – Но ради такого случая могу и отступить от правил.

Угроза не произвела на нее никакого впечатления.

– Папа желает вас видеть, Гаррет.

– Великолепно! Это, конечно, оправдывает появление банды карликов, пытающихся сломать дверь. Итак, что угод-

но от меня королю гномов?

В дело вступил престарелый коротышка:

– Роза, совершенно очевидно, что мы потревожили мистера Гаррета в неподходящее время. Мы уже прождали три дня, и несколько лишних часов погоды не сделают.

Роза? Эту Розу я уже где-то видел. Но где?

– Мистер Гаррет, меня зовут Лестер Тейт, и прежде всего я хочу принести извинения от имени Розы за то, что мы побеспокоили вас в столь неурочный час. Она упрямый ребенок, мой брат всегда относился к ней слишком снисходительно, и теперь она считается лишь со своими желаниями.

Он говорил мягким, чуть утомленным голосом человека, которому постоянно приходится бороться с ураганами.

– Лестер Тейт? – переспросил я. – Дядюшка Денни Тейта?

– Да.

– Теперь припоминаю. Семейный пикник на Слоновых Утесах. Я пришел вместе с Денни.

Пикник всплыл в памяти, наверное, потому, что Роза вела себя в тот день как последняя стерва.

– Возможно, вид вашего арсенала вынудил меня забыть ваши лица.

Мы познакомились с Денни Тейтом около восьми лет назад, но уже много месяцев не встречались.

– Как поживает Денни? – несколько виновато поинтересовался я.

– Денни умер, – пролаяла в ответ нежная сестренка Роза.

Мы с Денни были героями кантардских войн. Это означало, что мы отслужили свои пять лет и при этом ухитрились остаться в живых. Многим это не удалось.

Хотя нас призвали примерно в одно время и службу мы несли всего в двадцати милях друг от друга, встретились мы позже здесь, в Танфере, в восьмистах милях от полей сражений. Он служил в легкой кавалерии, а я был морским пехотинцем и большую часть времени провел на борту корабля «Империял Киммсвик», приписанного к Фулл-Харбору. Мы дрались на островах. Денни же скакал по всему Кантарду, то гоняясь за венагетами, то удирая от них. Перед уходом со службы мы оба стали сержантами.

Это была отвратительная война. Собственно, такой она остается и по сей день. Правда, теперь, когда я нахожусь вдали от нее, она мне не столь противна.

Денни пришлось куда хуже, чем мне. Сражения на море и на островах были второсортным представлением. Ни мы, ни венагеты не тратили на них магических сил. Блеск, ярость и мощь волшебства сберегались для битв на континенте.

Так или иначе, оба мы пережили свои пять лет, к тому же провели их примерно в одном и том же регионе. Это было то общее, что объединило нас при первой встрече и сохраняло наши отношения до тех пор, пока они не переросли в дружбу.

– Так вот в чем дело! И вы стали ходячим арсеналом?!

Что это? Вендетта? Может, вам лучше войти?

Роза закудаhtала, как курица, снесшая кубическое яйцо.

Дядюшка Лестер тоже рассмеялся, но это был смех совсем иного рода.

– Заткнись, Роза. Еще раз прошу простить нас, мистер Гаррет. Мы прихватили оружие только для того, чтобы утолить страсть Розы к драматизму. Она думает, что, если мы появимся в этой местности безоружными, здешние головорезы ее изнасилуют.

Утро выдалось тяжелое (правда, редкие утра оказывались легкими), и я брякнул, не думая:

– У головорезов в моей округе еще сохранился кое-какой вкус. Ей не стоит беспокоиться.

И попробуй оправдаться похмельем!

Дядюшка Лестер ухмыльнулся, а Роза глянула на меня так, словно я собачье дерьмо, прилипшее к ее туфле.

Я постарался замять бестактность:

– Кто это сделал? И чем я смогу вам помочь?

– Никто ничего не делал, – ответила Роза. – Он свалился с лошади, проломил себе череп, сломал шею и еще с десятков костей.

– Трудно поверить, что столь искусный наездник мог так кончить.

– Это произошло среди бела дня на людной улице. Нет никаких сомнений, что это был несчастный случай.

– Тогда не понимаю, зачем вам я? Тем более когда солнце

еще не возшло.

– Об этом вам скажет папа, – ответила Роза.

Строптивая девица исходила яростью. И эта ярость явно кипела в малютке еще до того, как я дал повод.

– Притащить вас – его идея, а не моя, – закончила Роза.

Я знал отца Денни достаточно хорошо и мог бы обращаться к нему по имени, если бы был сопляком, не знающим слова «мистер». Старик был преуспевающим сапожником. Он сам, Денни и пара помощников общались с клиентами и занимались торговлей, а дядя Лестер с дюжиной подмастерьев тачали обувь для армии. Война была прибыльным делом для папочки.

Правда, если верить поговорке, злые ветры никому не приносят добра.

Так или иначе, но я проснулся окончательно. Пиво и увлекательная беседа несколько опохмелили меня, и нестерпимый грохот в башке превратился всего лишь в размеренный топот легионов. Кроме того, я чувствовал себя виноватым, что не выкроил времени и не повидался с Денни до того, как его оседлала безноса. Я решил выяснить, зачем папаше Уилларду понадобился человек моей профессии. Ведь у него не было сомнений в причине смерти сына.

– Дайте мне время на сборы, и я готов идти с вами.

Роза зловеще ухмыльнулась, и я понял, что подогрел ее врожденную склонность к убийству.

Пришлось поторопиться и не дать этой склонности про-

явиться немедленно.

Уиллард Тейт был не выше остальных сородичей. Типичный гном. Макушка его сверкала, зато из-за ушей до плеч свисали седые пряди. На затылке они были еще длиннее. Сгорбившись над рабочей доской, он загонял крохотные бронзовые гвоздики в каблуки женских туфелек. Было видно, что он овладел вершиной своего ремесла. Да и квадратные очки в стиле Тан-Хагин по дешевке не купишь.

Он был полностью поглощен работой. Я помнил, как он перенес смерть жены, и решил, что в труде папаша стремится утопить свое новое горе.

– Мистер Тейт?

Он знал, что я здесь. Добрых двадцать минут я топтался под дверью, ожидая, когда ему сообщат о госте.

Вогнав последний гвоздь одним великолепным ударом, он удостоил меня взглядом поверх очков:

– Мистер Гаррет, мне сказали, что вы позволили себе издеваться над нашим ростом.

– Я становлюсь злобен, когда меня выволакивают из постели до восхода солнца.

– Это все Роза. Если ей приспичит кого-нибудь увидеть, она этого добьется. Я плохо воспитал девочку. Почаще вспоминайте ее, когда будете растить своих деток.

Я промолчал. Если хочешь сохранить с человеком друже-

ские отношения, не стоит афишировать, что скорее согласишься ослепнуть, чем обзавестись отпрысками. Лжецом тебя, может, и не сочтут, но уж психом – наверняка.

– Быть может, вы относитесь с предубеждением к невысоким людям, мистер Гаррет?

У меня в голове роилось не меньше шести остроумных ответов, но я не выпустил их на волю. Старик был сама серьезность.

– Нет, конечно. Иначе Денни не был бы моим другом. Почему вы спрашиваете? Это имеет какое-то значение?

– В некотором смысле. Вы не задавались вопросом, почему все Тейты столь малы ростом?

– Нет.

Я действительно никогда над этим не задумывался.

– Это кровь. Небольшая примесь крови эльфов. С обеих сторон за несколько поколений до меня. Запомните это, чтобы потом лучше все понять.

Я нисколько не удивился: я об этом догадывался, видя, как Денни управляется с животными. В жилах многих людей течет кровь эльфов, но они это тщательно скрывают. Большинство обывателей страдают предрассудками в отношении полукровок.

Состояние мое улучшилось, но ненамного, я все еще оставался чрезмерно нетерпеливым.

– Может, перейдем к делу, мистер Тейт? Вы хотели дать мне работу или нет?

– Я хочу, чтобы вы нашли одного человека. – Старик поднялся со скамейки и сбросил кожаный фартук. – Следуйте за мной.

Я последовал. Он вел меня в таинственный мир клана Тейт, расположенный за мастерской. Денни никогда этого не делал.

– А вы неплохо устроились, – заметил я, когда мы вступили в прекрасно обустроенный сад. Я и не подозревал о его существовании.

– Да, ухитряемся кое-как.

Вот бы мне так ухитриться.

– Куда мы идем?

– В жилье Денни.

Сад окружали стоявшие бок о бок дома. С улицы они выглядели как бесконечный мрачный пакгауз. Трудно поверить, но со стороны сада дома эти были так же прекрасны, как и все здания на Холме. Оказывается, они просто не выходили фасадами на улицу и потому имели столь угрожающий вид.

Интересно, умертвили они строителей, когда те закончили работу?

– И здесь обитает весь род Тейт?

– Да.

– Не очень-то уединишься.

– Напротив. У каждого из нас свое помещение. Некоторые из них имеют выход на улицу, как у Денни, например, – со

значением произнес старик.

Мое любопытство все возрастало. Тон его выдавал: Уиллард был возмущен, как это Денни имел секреты от своего папочки.

Он провел меня в жилье Денни. Там было жарко и душно, как бывает летом в закрытых помещениях. Ничего не изменилось с тех пор, как я побывал здесь однажды (через уличную дверь), ничего, только Денни здесь не было. И разница чувствовалась.

В комнате было чисто и пусто, как в новеньком гробу. У Денни всегда были привычки аскета, он никогда не намекал о той роскоши, в которой купается его семейство.

– Все находится в подвале.

– Что все?

– То, что вам надо бы увидеть до того, как я начну объяснения.

Уиллард выбрал подходящую лампу и зажег ее длинной спичкой, которую оставил горячей.

Через несколько секунд мы были в подвале, оказавшемся таким же безукоризненно чистым, как и первый этаж. Старый Тейт и его спичка отправились в путь, запалая лампы вдоль стен. Я же, как кот, которому лень облизать свою лапу, остался торчать на месте с открытым ртом.

Когда Тейт повернулся ко мне, его лицо светилось самодовольной улыбкой.

– Что вы на это скажете?

Кот с таким вдруг отяжелевшим языком, как мой, наверное, потянул бы весом на двух снежных барсов.

Я очутился в логове дракона. Только там, если верить легендам, могло быть столько драгоценных металлов, сколько окружало меня сейчас.

Когда же я немного пришел в себя, оказалось, что драгоценностей не так уж и много. Просто их было больше, чем я мог себе представить в одном месте. Несколько сотен грабителей, трудясь в две смены, вполне могли столько награть за пяток лет.

– Откуда? Как?..

– Большинство ответов мне неизвестно, мистер Гаррет. Я располагаю лишь записями, которые оставил Денни. Мальчик писал их для себя и знал, о чем идет речь. Впрочем, информации достаточно, чтобы представить картину в самых общих чертах. Я думаю, что вы все прочитаете, прежде чем приступить к делу.

Я кивнул, совершенно не слушая. Мой друг Денни. Сапожник с набитым серебром подвалом. Денни, который упоминал о деньгах единственный раз: о причитавшейся ему доле за захват вражеского каравана с драгоценностями после нашей победы над венагетами на Грязной реке.

– Сколько здесь? – прохрипел я.

Лучше мне не стало. Карлик, угнездившийся где-то в затылке, начал вопить истошным голосом. Никогда не подозревал, что один лишь вид богатства может так скверно по-

влиять на меня.

– Шестьдесят тысяч марок в карентийских серебряных монетах. Эквивалент восьмидесяти тысяч марок в серебряных монетах других стран. Четыреста четырехунцевых слитков. Шестьсот двадцать три восьмиунцевых и сорок четыре слитка в один фунт. Сто десять фунтов в больших слитках. Около тысячи золотых марок. Много меди и олова, но они ничего не стоят по сравнению с серебром.

– Конечно не стоят, если от пары медных монет не зависит, выживете вы или помрете от голода. Как он ухитрился это сделать? Только не говорите, что он тачал бальные туфельки для дородных герцогинь. Никто не становится богачом... трудясь.

Чуть было у меня с языка не сорвалось слово «честно».

– Торговля металлами. – Тейт одарил меня взглядом, означавшим: «Не будь идиотом». – Игра на изменениях в разнице цен между золотом и серебром. Покупка серебра, когда оно дешевле по отношению к золоту, и продажа – когда дешевето золото.

Денни начал с денег, полученных в армии. Он ухитрялся совершать сделки в самые благоприятные моменты. Именно поэтому я просил вас обратить внимание на присутствие крови эльфов в наших жилах. Мы, ведущие свой род от эльфов, имеем особое чутье к серебру.

– Не морочьте себе голову, папаша.

– Вы должны согласиться с моими словами. Как иначе он

сумел бы так преуспеть? Уж не думаете ли вы, что богатство нажито нечестным путем?

– Я согласен.

Не убедил он меня, что тут все чисто.

Каждый, кто способен предугадать изменение цен, мог разбогатеть подобным образом. Цена на серебро резко меняется в зависимости от успехов нашей армии в Кантарде. Огромный спрос на металл сохранится до тех пор, пока мир будет заражен неимоверным количеством магов, волшебников и колдунов.

Девяносто процентов мировой добычи серебра сосредоточено в Кантарде. Серебро – основная причина войны, скрытая официальными мотивами, в том числе историческими притязаниями. Может быть, если удастся избавить мир от магов с их ненасытной жадностью к мистическому металлу, кругом воцарятся мир и процветание.

– Итак? – спросил Тейт.

– Что «итак»?

– Вы беретесь за работу?

Хороший вопрос, подумал я.

Я взглянул на Тейта: да он с ума сходит от страха, пытается втянуть меня в какое-то предприятие и дрожит, что я повернусь к нему спиной, как только узнаю всю подноготную.

– Папуля, – спросил я, – взялись бы вы тащить сапоги, не зная размера ноги? Не увидев человека, который собирается их носить? Не ведая, сколько вам заплатят? Я был ужасно терпелив только потому, что вы отец Денни. Но эти игры мне надоели.

Он принялся хмыкать и булькать.

– Кончайте, папочка. Развязывайте мешок и вытряхивайте все наружу. Посмотрим, пищит оно или мяукает.

Его лицо отразило боль, даже мольбу.

– Я всего-навсего остаюсь верным своему сыну. Стараюсь исполнить его последнюю волю.

– Мы воздвигнем ему монумент. Ну как, рыбка заговорит или?..

Или я лучше отправлюсь домой и благополучно пересплю похмелье? И почему люди так поступают? Они вытаскивают вас, чтобы вы им помогли, и тут же начинают врать и скрытничать. Но не перестают визжать, требуя результатов.

– Вы должны понять...

– Мистер Тейт, я должен понять только то, что происходит. Почему бы вам не начать с самого начала: поведайте

мне все, что вы знаете и чего хотите от меня. И ничего не опускайте. Если я примусь за работу и выясню, что вы соврали, то ужасно рассержусь. А рассердившись, стану крайне неприятным.

– Вы уже завтракали, мистер Гаррет? Ну конечно же нет! Роза подняла вас с постели и сразу привела сюда. Почему бы вам не подкрепиться, пока я приведу в порядок свои мысли?

– Да потому, что ничто не бесит меня так, как бессмысленные задержки.

Он побагровел. Старик, видимо, не привык, чтобы с ним разговаривали подобным образом.

– Рассказывайте, или я сваливаю. Мы попусту теряем время, а жизнь и без того коротка.

– Проклятье! Никто не смеет...

Я направился к лестнице.

– Хорошо. Пойдите!

Я остановился.

– После смерти Денни я спустился сюда и увидел все это, – проговорил Тейт. – Кроме того, я нашел завещание. Юридически зарегистрированное!

Многие люди предпочитают не тратить времени на регистрацию, и все же в этом нет ничего особенного.

– Ну и что?

– В этом завещании вы и я названы его душеприказчиками.

– Ах, чертов недомерок! Пенек проклятый! Я бы сломал

ему шею, если бы он сам не поспешил это сделать! Так вот в чем дело! Значит, вы переминаетесь с ноги на ногу и бросаете косые взгляды потому, что он привел чужака?

– Не совсем. Меня смущают условия завещания.

– Вот оно что! Наверное, он сообщает, что думает о своей родне?

– В некотором роде. Все, за исключением нашего с вами вознаграждения, он оставляет человеку, о котором мы даже и не слышали.

Я рассмеялся. В этом был весь Денни.

– Что с того? Он сделал эти деньги и имел право отдать их кому угодно.

– Не смею отрицать. И я, хотите верьте, хотите нет, не стал бы возражать. Но ради Розы...

– Вы знаете, что он о ней думал? Хотите, я вам расскажу?

– Она – его сестра.

– Ну да, здесь Денни ничего не мог изменить. Самые теплые слова, что он говорил о сестренке: «Никчемная, ленивая, вечно скулящая дармоедка, которой все позволено». Несколько раз, помнится, звучало «сука».

– Но...

– Оставьте. Эта тема мне противопоказана. Итак, вы хотите, чтобы я отыскал этого таинственного наследника? И что дальше?

Иногда от вас требуют безумных действий. До меня дошло, зачем Денни зарегистрировал завещание. Из-за Розы с

шипками.

– Просто сообщите ей, что наследство здесь и что она может его востребовать. Получите от нее заявление о намерениях, которое мы сможем приложить к делу об официальном утверждении завещания. От нас уже требуют сообщить, что мы предпринимаем для выполнения последней воли покойного.

Это смахивало на правду. Я знал этих придурков. До того как пивоварня дала мне постоянную работу, я был свободным художником и, чтобы свести концы с концами, проводил для них расследование.

– Она? Все унаследовала женщина?

За все время нашего знакомства Денни ни разу не упоминал о женщинах. Я думал, его это не волнует.

– Да. Старинная подружка, еще с армейских времен. Он, похоже, так и не разлюбил ее. Они постоянно переписывались, хотя девица вышла замуж за другого. Письма помогут вам ее найти. Ведь вы бывали в Кантарде и знакомы с местами, которые она упоминает.

– Кантард?!

– Да, она там. Постойте, мистер Гаррет! Куда же вы?

– Однажды я уже побывал в Кантарде. Но тогда у меня не оставалось выбора. Сейчас же я могу решать. Poiщите себе другого лоха, мистер Тейт.

– Но, мистер Гаррет, вы один из душеприказчиков, а я слишком стар, чтобы пускаться в путешествие.

– Не вешайте мне юридическую лапшу на уши, папочка. Душеприказчик может не вступать в дело, пока не изъявит своего согласия, оставив автограф на первой странице. Пока.

– Мистер Гаррет, закон позволяет отчислять в пользу душеприказчика до десяти процентов от суммы наследства, чтобы компенсировать его моральные и материальные затраты. Состояние Денни, за вычетом налогов, оценивается без малого в сто тысяч марок.

Слова старика меня немного притормозили. Об этом стоило подумать. Секунды две.

– За пять тысяч помирать не стоит, папуля. Мне даже некому их завещать.

– Десять тысяч, мистер Гаррет. Я отдам вам свою долю. Мне она не нужна.

Я начал колебаться:

– Нет.

– Я оплачу все расходы из своего кармана. Вы получите десять тысяч чистыми.

Я замер в немом потрясении. Эту старую плешь, видно, специально натаскивали для работы дьяволом-соблазнителем.

– Сколько это мне будет стоить, мистер Гаррет?

– Почему вам так нейдет отыскать эту особу?

– Я хочу взглянуть на нее, мистер Гаррет. Мне надо увидеть, какая женщина сумела сделать из моего сына мартышку. Назовите вашу цену.

– Все серебро мира окажется мне ни к чему, если дикие псы Кантарда разгрызут мои кости, чтобы полакомиться костным мозгом.

– Назовите цену, мистер Гаррет. Я старый человек, потерявший сына, который должен был последовать по моим стопам. Я состоятельный человек, но теперь мне незачем цепляться за мое богатство. Кроме того, я человек решительный и напористый. Мне необходимо увидеть эту женщину. Итак, еще раз прошу – назовите цену.

Мне следовало, будь он проклят, лучше подумать, на что я иду. Правда, по совести говоря, я прекрасно знал, что мне грозит. Вот уже десять минут я толкую об этом.

– Гоните для начала тысячу под отчет. Я посмотрю, что здесь оставил Денни, и поразнюхаю слегка в городе. Не браться же за невыполнимую работу. Свое решение я вам сообщу.

Вернувшись назад, я придвинул стул к столу, на котором стопками были сложены письма и заметки Денни.

– Меня ждет работа, – заявил Тейт. – Я попрошу Розу принести вам завтрак.

Под звук удаляющихся шагов Тейта я раздумывал о возможностях дорогой Розочки подсыпать мне яду. Вздохнув, я принялся за работу, надеясь, что предстоящий завтрак не станет для меня последним.

Для начала я решил поискать, не пропустило ли чего семейство Денни. У скряг всегда есть что-нибудь, что необходимо припрятать подальше. В подвале вроде этого, каким бы оголенным он ни казался, найдется тысяча нор, куда можно засунуть ценные вещи.

Я как раз обнаружил нужное место, когда на меня посыпалась пыль с потолка, служившего полом верхней комнаты. Я насторожился. Ни звука. Кто-то, осторожно ступая наверх, мог бы выдать себя за кошку.

Мои ноги покоились на крышке стола, и я расширял свои литературные горизонты, когда на сцене появились Роза и мои лепешки. Я посмотрел на нее поверх страницы письма, в котором что-то показалось мне знакомым. Но я не смог как следует вникнуть в прочитанное. Аромат лепешек с медом диких пчел, куриные яйца, горячие тосты с маслом и несколько видов джема целиком завладели моим вниманием, и это было вполне естественно в моем состоянии.

Роза тоже отвлекала от работы. Она улыбалась.

Так улыбаются змеи, перед тем как ужалить.

Когда такая Роза улыбается, надо сразу же убедиться, что за твоей спиной нет амбала с ножом в лапе.

Улыбаясь, она поставила передо мной поднос:

– Здесь всего понемногу из того, что нашлось в кухне. На-

деюсь, что-нибудь придется вам по вкусу.

Такая любезность заставит вас занять боевую стойку спиной к стене.

– Вы скверно себя чувствуете?

Она бросила на меня изумленный взгляд:

– Нет. Почему вы так решили?

– Да по выражению вашего лица. На нем написано страдание.

Никакой реакции. Только вопрос:

– Итак, старик вас уговорил?

– Уговорил на что? – Я удивленно поднял бровь.

– Найти женщину, с которой был связан Денни.

Ее слова, улыбка источали яд.

– Нет. Я сказал ему, что пороюсь в бумагах Денни и поброжу по городу. После этого скажу, что думаю. Это все.

– Вы согласитесь. Сколько он предложил за то, чтобы вы отыскали ее?

С каменным лицом игрока в покер я посмотрел прямо в ее ледяные зрачки. Я совершенно не верю в эту чепуху насчет зеркала души. Мне приходилось видеть слишком много лживых глаз. А тут – ничего, кроме кремня и подернутой инеем стали.

– Я отдам вам двадцать процентов, если вы ее не найдете. Двадцать пять – если найдете мертвой.

С тем же выражением лица я принялся за свой завтрак. На подносе были еще ветчина и сосиски. Чай был настолько

хорош, что я выдул полчайника, прежде чем прикоснулся к еде.

– Я могу быть очень щедрой, – продолжала она, повернувшись и продемонстрировав свои достоинства.

Да, у нее все было на месте, и весьма высокого качества. Превосходная упаковка. Но заполненная гнилью.

– Денни говорил, что вам нравятся маленькие женщины. Одни – больше, другие – меньше, подумал я, а вслух произнес:

– Роза, я взял себе за правило не грубить людям. Поэтому самое сильное, что я сейчас могу сделать, так это заявить – меня ваше предложение не интересует.

Она прекрасно восприняла мой отказ. Просто проигнорировала его.

– Вы знаете, что я собираюсь ехать вместе с вами?

– Со мной? И куда же?

– В Кантард.

– Буду откровенен с вами, леди. Я не стану выполнять для вас грязную работу, а вы вместе со мной даже не перейдете через улицу. Благодарю за завтрак. Я был чертовски голоден и высоко ценю вашу заботу. А теперь убирайтесь и дайте мне возможность найти хотя бы одну причину, чтобы оказаться идиотом и ввязаться в это дело.

– Я упрямая женщина, Гаррет, и обычно добиваюсь своего. Если вы отказываетесь мне помочь, вам действительно лучше не вставать в это дело. Людям, вставшим на моем

пути, бывает худо.

– Если вы не исчезнете до того, как я прикончу эту чашку чая, я переброшу вас через колено, и вы получите все, что ваш папаша должен был вколотить в вас в нежном возрасте, когда это еще могло помочь.

Она отступила к лестнице:

– Я заявлю, что вы меня изнасиловали.

Я ухмыльнулся. Последнее средство негодяек.

– Хоть я и не так богат, как вы, но детектор лжи как-нибудь смогу себе позволить. Валяйте. Посмотрим, как ваш папаша перенесет потерю двоих детей за одну неделю.

Она отправилась вверх по ступеням. Игра окончена.

Я же прошел назад и вытащил темный сверток из тени между двумя балками, покоящимися на внешнем фундаменте. Он вовсе не был спрятан. Все пространство между балками было завалено, и я обратил внимание на сверток только потому, что он был обернут попоной. Денни придавал своей службе в кавалерии большое значение и хранил все напоминающее о ней. Несомненно, то, что завернуто в попону, должно было представлять для него особую ценность.

Я же зашвырнул свой матросский мешок в воду в тот самый момент, когда в последний раз ступил на трап, чтобы оставить службу. Настолько я обожал свое пребывание в рядах Королевской морской пехоты.

Сверток содержал пачку военных карт Кантарда – по большей части наших, но и несколько венагетских. И те и

другие хранить было опасно. Вас запросто могли арестовать за шпионаж. А следователи в наше время, как известно, не перестают задавать вопросы до тех пор, пока вы во всем не признаетесь.

Кроме карт, в свертке оказалось несколько тончайших, почти прозрачных кожаных папок и несколько дорогих на вид, не очень толстых журналов для записей.

Я отнес находку на письменный стол Денни.

В каждой папке находилось описание и критический анализ всех важнейших сражений за последние шесть лет. Приводились имена капитанов судов, командующих и названия воинских частей. В одном из журналов содержались характеристики каждого боевого командира и перечислялись все подразделения.

Что за дьяволыщина? Я не думал, что у Денни поехала крыша на почве военной истории.

Чтение документов кое-что прояснило.

Был там такой список офицеров Королевской армии:

1. Граф Агар. Импульсивен. Чрезмерно агрессивен. Склонен действовать даже при отсутствии достаточных разведданных.

2. Маркграф Леон. Робок. Желает быть во всем уверенным, прежде чем вступить в битву. Быстро теряется в ходе схватки.

3. Виконт Ноа. Нерешителен. В бою безрассуден. Зря транжирит людские и материальные ресурсы.

4. Слави Дуралейник. Лучший командующий под

знаменем Каренты. Блестящий тактик. Способен обучить самых глупых и ленивых солдат. Мешают: низкое происхождение, статус наемника и роль, сыгранная им в Мятеже Сейгода во время службы на стороне венагетов. Слабость – всепоглощающая ненависть к повелителям венагетов.

В журнале был список и венагетских военачальников с перечнем их достоинств и недостатков. Если вы занимаетесь драгоценными металлами, всегда полезно знать, что за тип может контролировать серебряные рудники через несколько месяцев. Денни действовал весьма осмотрительно и не доверялся только фортуне.

Но вся деятельность слегка пахла. Я нутром чуял вонь. Денни начинал бизнес со своей доли за обоз и денег, полученных при демобилизации. Нельзя, не срезав углов, превратить сорок восемь марок в сто тысяч.

В деловом дневнике Денни я нашел кое-какие намеки.

Записка от В: Агент штурмлорда Атто интересовался стоимостью 50 фунт. серебра. Что это, первый признак готовящегося наступления?

Устный доклад З: «Хэрроу» вошел в порт с 200 фунт. серебра, скрытыми в балласте. Необходимо продать прежде, чем Дуралейник захватит Фримантл.

«Хэрроу» отплыл на юг с 1000 фунт. гранулированного серебра в пустотелых балластных брусках. Самая большая сделка из всех. Молюсь о

хорошей погоде.

Письмо от К: Военачальник Айронлок, 20 000 человек + три Властелина Огня третьего порядка из Восточного Круга. Приказано двигаться к Лару. Наступление на Блед? Оборону держит виконт Блаш. Начать скупку серебра в монетах.

«В», «З» и некоторые другие – это, скорее всего, приятели Денни по кавалерии, с которыми он близко сошелся. В бумагах были намеки на то, что дело ведет хорошо спевшаяся группа. Но «К» не был старым армейским дружкой.

Я снова взялся за любовную переписку, но тут передо мной возник один из кузенов.

Оказывается, уже настало время ланча.

– Тащите все, что у вас там осталось. И кварту пива. Да скажите старому Тейту, что он мне нужен.

Настал момент, когда я принялся за письма. И тут же часть меня потянуло вернуться в Кантард. Весь остальной организм отчаянно сопротивлялся этому безрассудству.

– Выглядите так, будто увидели привидение, – сказал Тейт.

Я оторвался от письма, на которое пялился минут пять:

– Что? О... Да. Почти. Мистер Тейт, вы говорили, что это – честно заработанные деньги.

Он промолчал. Подозревал, наверное, что дело все же не совсем чисто.

– Не объявлялись ли у вас неожиданные визитеры? Не задавали ли вдруг вопросов старые приятели Денни?

– Нет.

– Ну так зададут. И очень скоро. Здесь слишком много всего, чтобы они отступились. Будьте осторожны.

– Что вы хотите этим сказать?

Мне показалось, что старик в искреннем недоумении. Не исключено, что он недостаточно знает мир, чтобы понять написанное сыном.

Пришлось ему кое-что объяснять.

Он не поверил.

– Не имеет значения, что каждый из нас думает, – сказал я. – Суть в том, что я заинтересовался делом и решил продолжать. Мне понадобится ваша тысяча. С самого начала предстоят крупные расходы. И еще коробка. Мне нужна большая коробка.

– Я распоряжусь, чтобы Лестер доставил деньги из конторы. Но зачем вам коробка?

– Чтобы упаковать все это хозяйство.

– Нет.

– Что «нет»?

– Вы ничего отсюда не возьмете.

– Я забираю все или убираюсь сам. Если хотите, чтобы я взялся за работу, то позвольте мне ее выполнять. Так, как я хочу.

– Мистер Гаррет...

– Папуля, вы оплачиваете результат, а не право вмешиваться в мои методы. Давайте коробку – и можете вколотить хоть фунт гвоздей в один ботинок. У меня нет времени на хныканье и споры.

Папочка еще не оправился от того, что я сказал о Денни. У старика не осталось сил для борьбы, и он отступил.

Странно, но я почувствовал себя так, словно в чем-то виноват. Будто я доставил ему неприятность лишь для того, чтобы потешить себя. Я не хотел усугублять это неприятное чувство и во всем остальном позволил папе Тейту поступать так, как ему заблагорассудится.

Забавно, как иногда удается самому сделать с собой то, чего не позволил бы никому другому.

Я откинулся на спинку стула и следил, как с потолка сыпалась пыль от шагов следующего посетителя.

Появился кузен с ланчем и пивом. Я был занят едой, когда

дядюшка Лестер притащил внушительных размеров денежный мешок и большую плетеную корзину с крышкой. Залпом прикончив пиво, я вытер губы тыльной стороной ладони.

– Что вы думаете обо всем этом, дядюшка Лестер?

– Не мне говорить об этом, – ответил он, пожимая плечами.

– Почему же?

– Мм... хр...

Как будто у них тут скотный двор – все мычат и хрюкают.

– Вы читали это?

– Да.

– Ваше мнение?

– Похоже, Денни вляпался. Впрочем, вам лучше знать...

– Вляпался. И при этом выступал не как профессионал, а как любитель, черт бы побрал этих новичков, которым везет. Вы догадывались, что он влип во что-то?

– Ни на йоту. Если не считать писем этой женщины. Их вечная переписка казалась мне странноватой. Не очень естественной.

– Вот как?

– Мальчик – мой родич; кроме того, он умер. Никому не хочется говорить плохо ни о родственниках, ни тем более о покойниках. Но этот молодой человек был немного странным. Вечно был один, пока не отправился на войну. Бьюсь об заклад, это была его единственная женщина за всю жизнь.

Если, конечно, была. Вернувшись домой, он ни на одну не смотрел.

– Быть может, скрещивался с другими видами?

Лестер в ответ хрюкнул и облил меня полным презрения взглядом, как будто я ничего не знаю о Тейтах, об эльфах и обо всех гибридах, которых полно развелось.

– Я просто спрашиваю, лично мне казалось, что он вообще этим делом не интересовался. Мы не раз участвовали в попойках, там все хвастают своими успехами. Он же никогда ничего не рассказывал.

– Ну да. Представляю. Вежливо слушал, как меня, когда я рассказывал о приключениях молодости, – с ухмылкой произнес Лестер.

Этим он меня убедил.

Не часто случается так, что Гаррету бывает нечего сказать. Дядюшка ослабилась и произнес:

– На этом я вас оставляю.

Я что-то буркнул ему в корму. Откинувшись назад с закрытыми глазами, я вернулся к видениям прошлого, из которых меня так жестоко вырвали. Такое совпадение просто не могло произойти без вмешательства дьявола.

Кейен Кронк.

Не удивлюсь, если все эти годы Денни действительно хранил в памяти свою любовь. Я сам пережил три тяжелых года, пока не сбросил наваждение.

Оставалось только одно. Отправиться на свидание с По-

КОЙНИКОМ.

Его прозвали Покойником, потому что он был убит четыреста лет назад. Вообще-то, он совсем не покойник, да и не человек вовсе. Он – логхир, а логхир не помирает из-за того, что кто-то ухитрился воткнуть в него дюжину ножей. Тела их проходят все стадии смерти: холодеют, в них возникает трупное окоченение, они становятся мертвенно-бледными с синюшным оттенком. Но не разлагаются. Во всяком случае, настолько, чтобы человек мог это заметить. Скелеты логхиров находили в развалинах на острове Хатар, и они сильно смахивали на высохшие человеческие костяки.

– Привет, Старые Кости! По тебе не скажешь, что ты на диете.

Покойник – это четыреста пятьдесят фунтов сарказма, слегка траченного по краям молью, муравьями и мышами. Он припаркован в кресле в темной комнате дома, который выглядит заброшенным и перенаселенным призраками. И подванивает. Процесс разложения хотя и медленно, но идет.

– Да и ванну принять тебе не мешало бы.

Парапсихический холод, охвативший душу, заставил меня содрогнуться. Покойник спал. С этим кадавром нелегко общаться, даже когда он в лучшей своей форме, но, если его разбудить не вовремя, он становится просто несносным.

«Я вовсе не сплю. Я медитирую».

В моей голове неожиданно зазвонили колокола.

– Ну это как посмотреть.

Парапсихический холод сменился что ни на есть физическим. Из рта при дыхании извергались клубы пара. Пряжки на ботинках покрылись инеем.

Я поспешил начать умиротворяющую процедуру, необходимую, когда имеешь дело с Покойником. Только что срезанные цветы отправились в хрустальную вазу, стоящую перед ним на неимоверно грязном столе. Затем я зажег свечи. Его чувство юмора требовало, чтобы их было тринадцать, черного цвета, и чтобы они непременно горели, пока он дает консультацию.

Насколько я знаю, он единственный логхир, позволяющий использовать свою гениальность в коммерческих целях.

Ему не нужен свет, чтобы видеть цветы или рассмотреть посетителей, но он прикидывается, что не может обойтись без свечей.

«Ага, вот теперь я вижу тебя, Гаррет. Узнаю твою назойливость. Неужели ты не можешь оставить меня в покое? Ты хуже всякой плесени и мышей и появляешься здесь через день».

– Я не видел тебя пять месяцев, Весельчак. И, судя по виду твоей норы, все это время ты медитировал.

Из-под его кресла пырснула нашедшая там убежище мышь. Покойник поймал ее телекинетической мощью своего разума и выбросил из дома. Покрывающая его моль заро-

илась в воздухе, похожая на дым от неожиданного взрыва. Он не мог причинить серьезного зла ни единой козявке, жelaющей сожрать его, но был способен превратить в ад жизнь человека, пытающегося возвратить его к полезной деятельности.

– Тебе следует время от времени трудиться, – сказал я. – Даже покойники обязаны платить за постой. Да и кто-то должен тебя обмывать, убирать в доме и, между нами, обирать с тебя паразитов.

Большой, блестящий черный паук выбрался из похожей на свиную ноздри на конце десятидюймового хобота. Пауку явно не понравился мой вид. Он тут же нырнул обратно.

«Цветы опять дешевые».

Это было вовсе не так. Я никогда не давал ему законного повода для жалоб. А прогнать меня только потому, что ему не хотелось работать, Покойник не мог. Состояние его финансов было мне хорошо известно. Домовладелец уже приходил ко мне насчет платы за прошлый месяц.

«У тебя опять паршивый клиент, Гаррет? По-прежнему вынюхиваешь неверных жен?»

– Тебе лучше знать.

Благодаря ему я давно уже не занимался подобными вещами.

«Сколько заплатишь?»

– Ты уже должен мне квартплату за последний месяц.

«У тебя отвратительный вид самодовольного человека с

гарантированными доходами».

– И что с того?

«Сколько ты сможешь выдать из клиента, прежде чем он завершит?»

– Не знаю.

«Судя по твоему виду, порядочно. Ты похож на типа, наладившего доступ к горшку с золотом у дальнего конца радуги. Приступай к чтению».

– К чтению чего?

«Перестань изображать идиота, Гаррет. Ты слишком стар для этого. Ты приволок сюда корзину мусора, чтобы уморить меня скучищей. Скучать, Гаррет, гораздо хуже, чем быть покойником. Ты ничего не можешь делать».

– Логхиры, пока живы, вообще ничем не занимаются.

«Читай, Гаррет, не испытывай моего терпения».

Итак, я победил. В некотором роде. Покойник внимательно выслушал все, от слова до слова, тщательно изучил все карты. Четкий, профессиональный доклад. Я споткнулся лишь дважды: на имени Кейен и когда он заставил летать вокруг моей головы пищащую мышь. Все это заняло пару часов, и в горле у меня совершенно пересохло. Но я был готов к этому. Не в первый раз.

Один огромный глоток пива – и в моей башке опять зазвучали слова:

«Весьма подробно. Во всяком случае, то, что было произнесено. А теперь выкладывай, что опустил».

– Ничего не пропущено. Перед тобой вся картина.

«Ты врешь, Гаррет. И не очень убедительно. Правда, скорее всего, ты врешь больше самому себе, нежели мне. Ты споткнулся на имени женщины. Какое оно имеет для тебя значение?»

Верно, если вы лжете своему лучшему другу, значит вы лжете себе. Покойник ничего не говорит просто так.

– Оно действительно имеет значение.

«Продолжай».

– Я знал Кейен Кронк, когда служил в Кантарде. Ее отец был одним из Синдиков в Фулл-Харборе. Когда мы встретились, мне было девятнадцать, ей – семнадцать. Я крепко втюрился; думаю, она тоже. Но началась кампания на островах, большую часть времени я проводил в море, и мы встречались не чаще двух раз в неделю. Месяцев через шесть она начала охладевать ко мне. Однажды, когда я сошел на берег, меня ожидало очень милое письмецо: «Я полюбила другого, ты не должен искать со мной встреч» и т. д. и т. п. Обычная чепуха. Больше мы не виделись. До меня доходили слухи, что она встречается с каким-то кавалеристом и что ее папаша недолюбливает его больше, чем недолюбливал меня. До сегодняшнего дня я больше ничего не слыхал о ней. Несколько лет было нелегко: разрыв дался мне тяжело.

Конец исповеди.

Длительное молчание.

«Твой друг никогда не упоминал этого имени».

– Он никогда не говорил о женщинах.

«Странное совпадение, редкое, но не невозможное. Было бы неплохо выяснить, знал ли он имя ее предыдущего любовника. Как ты с ним встретился?»

– Мы встретились в таверне, где обычно болтались ветераны, и сразу понравились друг другу. Ничто не говорило о том, что он обо мне от кого-либо слышал. И он не походил на парня, способного на дружбу с бывшим любовником своей любовницы. Готов держать пари на все его состояние, что он не подозревал во мне того морского пехотинца, с которым Кейен гуляла раньше.

«Ладно, держи пари. Скажи мне, ты понимаешь, что размер наследства очень велик и этим делом неизбежно заинтересуются десятки людей?»

– Именно поэтому я и явился сюда. Мне необходим твой совет.

«Мой главный совет ты все равно отвергнешь».

– Какой?

«Брось это дело. Держись работы на пивоварне. Если не откажешься, тебя могут убить. Скорее всего, в Кантарде. В события наверняка будут вовлечены, пусть и косвенно, весьма опасные типы».

– Каким образом?

«За кого вышла замуж эта женщина?» – ответил вопросом на вопрос Покойник.

– Не знаю. Но почему ты спрашиваешь? Считаешь, это

важно?

«Осмелюсь предположить, что именно в этом суть дела».

– Почему?

«Из писем женщины очевидно, что она имела доступ к информации, весьма ограниченной по своему характеру и исключительно опасной для тех, кто ей владеет. Она передавала не только данные о передвижении войск и будущих планах ваших армий, но и такую же информацию о войсках венгетов. Вывод: она занимала совершенно уникальное положение. У вас, людей, не принято, чтобы особь женского пола достигала высокого положения в результате карьеры. Следующий вывод: она вышла замуж за человека, имеющего высокое положение».

Телепатическая связь Покойника обладала всеми особенностями обычной речи, если вы способны привыкнуть к полному отсутствию жестов и неизменно каменному выражению лица. Сейчас он был страшно доволен собой.

– Думаю, я и сам сумел бы об этом догадаться.

«Примерно к тому времени, когда тебе перерезали бы глотку. Ты пробиваешься нахрапом либо используя грубую силу, вместо того чтобы пораскинуть мозгами, найти обходной путь и миновать препятствие. Это беда вашей расы. Поэтому, все вы считаете использование мозговых извилин либо постыдным, либо чересчур тяжелым делом. Вы обнажаете меч при первом намеке».

Кадавр отправился в свой излюбленный крестовый поход.

Сейчас он начнет воспевать неизбывное превосходство логики и мудрости логхиров. Пришлось отключиться.

Это можно сделать, когда он упивается собственным великолепием, если при этом ничем не привлекать его внимания. Я спрятался за своей кружкой и начал считать в уме. Все это я уже не раз слышал и знал, сколько времени ему нужно, чтобы облегчить душу.

«Гаррет!»

Все же я на несколько секунд промахнулся. Впрочем, он мог и сжульничать. Ведь он меня тоже прекрасно знал. Но на этот раз Покойник оказался необычайно миролюбивым. Ни одной из его обычных детских выходок. Возможно, он был благодарен за то, что я несколько отвлек его от скуки мертвецкого состояния.

– Да?

«Будь внимателен. Я спросил, насколько ты утвердился в решении взяться за это дело».

– Еще не решил.

«Твоя душа клеймит твой же язык за ложь. Я даю тебе совет, поскольку ты, вопреки всякому здравому смыслу, твердо решил приняться за дело. Прежде всего – не действуй в одиночку. Не позволяй эмоциям возобладать над твоими обычно сильными инстинктами. Чем и кем эта женщина ни оказалась бы, помни, она совсем не та семнадцатилетняя девушка, которую ты любил. Да и ты, кстати, уже не тот неоперившийся девятнадцатилетний морской пехотинец. Если ты

хотя бы на секунду согласишься, что те дни можно вернуть, тебе конец. Те дни умерли безвозвратно. Поверь эксперту в делах смерти. Ты не можешь вернуться обратно. Ты живешь памятью о прошлом и фантазиями о том, как все могло бы произойти по-иному. И то и другое может оказаться смертельным, если заставит тебя потерять чувство реальности».

– Ты закончил?

«Да, закончил. Ты меня внимательно слушал?»

– Слушал.

«Но услышал ли?»

– Услышал.

«Это хорошо. Хотя ты и отравляешь мое существование, Гаррет, но ты меня забавляешь. Я пока не хочу тебя терять. Будь осторожен в Кантарде. Там не окажется меня, чтобы спасти тебя от последствий твоих же глупостей. Это выводит меня из равновесия, но, боюсь, мне будет не хватать тебя, твоего высокомерия, непослушания и всего остального...»

Наверное, это были самые приятные слова в мой адрес, которые мне доводилось от него слышать. Надо сваливать, пока мы оба не прослезились.

Я прикончил пиво, а затем обмыл Покойника и привел его логовище в относительный порядок.

Я ушел от Покойника довольно поздно, ближе к вечеру. Тени удлиннились и приобрели цвет индиго. Небо расцвело красками, какие можно увидеть лишь на рисунках эльфов. Это был длинный день, и еще многое оставалось сделать.

Прежде всего следовало повидаться с домовладельцем Покойника и внести плату за жилье за несколько месяцев вперед.

Если я когда-нибудь сорву большой куш, то обязательно куплю для него этот дом, хотя, если бы он захотел, прекрасно мог сделать это и сам. Правда, для этого ему пришлось бы сосредоточенно трудиться не один месяц. Одна мысль о подобной перспективе вызывала у него психические спазмы.

Затем я хотел поискать Морли Дотса, которого имел в виду еще до того, как Покойник настоятельно посоветовал мне оставить тропу одинокого волка. Он совершенно прав. Кантард не то место, куда можно отправляться в одиночку.

Вдруг из-за угла вынырнула чья-то лапища, цапнула меня за руку и сильно рванула.

Выходит, и город может оказаться небезопасным.

Я врезался в стену и увернулся от кулака, который скорее почувствовал, чем увидел. Я провел отвлекающий прямой правой и одновременно ногой пнул противника в голень, как делают девицы, спасая свою честь. Гора мышц и сухожилий,

нависающая надо мной, изобразила танцевальное па и отодвинулась настолько, что я сумел оценить ее истинные размеры. Внушительно.

– Плоскомордый Тарп!

– Привет, Гаррет! Старик, если б я знал, что придется иметь дело с тобой, ни за что не взялся бы за эту работу.

– Чушь! Уверен, ты говоришь это всем, с кем имеешь дело.

– О... не груби, Гаррет. Ты же знаешь, каждый зарабатывает тем, что ему удастся лучше всего.

Краем глаза я заметил знакомую низенькую фигурку, наблюдавшую за нами с противоположной стороны улицы.

Я выудил из кармана пухлый кошелек, хранивший часть щедрот, ниспосланных мне чуть раньше ее дядей.

– Брось, Гаррет. Ты же знаешь, меня не купишь. Я не откажусь от контракта. Нет, правда, мне жаль, что это оказался ты. Но за работу уплачено. Что со мной станет, если по городу поползет слух: «От него можно откупиться»? Я превращусь в безработного. Очень, очень сожалею, Гаррет. Но мне придется сделать то, за что уже получены бабки.

Я и не надеялся, что выйдет, но попытаться все же стоило.

– Ты же знаешь, Плоскомордый, я последний, кто может попросить тебя смыться, не отработав, – заявил я.

– Хо! Очень рад. Боялся, не поймешь.

– Хочу, чтобы ты для меня кое-что сделал, Плоскомордый. Держи пять марок за работу.

– Хорошо. Я буду себя чувствовать лучше, если смогу что-то для тебя сделать. Что?

– Видишь бабенку на той стороне? Ту, что спустила тебя на меня. Когда закончишь здесь, отведи ее на базар, раздень догола, положи на колено и отвесь тридцать хороших шлепков по заднице. Затем отпусти, и пусть валит домой.

– Гольшом? Тогда ей не выбраться с базара, Гаррет.

– Получишь еще пять, если она целой и невредимой доберется до дома. Но пусть и не подозревает, что ты присматриваешь за ней.

– Заметано, Гаррет.

Ослабившись, он протянул похожую на лопату ладонь, и я положил в нее пять марок.

Когда рука опустилась в карман, я врезал ему по голове кошельем, вложив в удар всю силу. Затем я попытался бежать. Но успел сделать лишь два шага.

Он честно отработал полученные от Розы деньги и выполнил договор до последней буквы.

Я, само собой, пытался защищаться, и даже небезуспешно. Не многим удастся целую минуту противостоять Плоскомордому Тарпу. Разок я даже вlepил ему так, что он должен был запомнить этот удар минут на десять.

Он всегда очень заботлив, этот Плоскомордый. Когда я оказался на земле в полной отключке, он сунул под меня кошель, чтобы его не увел случайный прохожий, пока я не оклемаюсь. Затем он отправился навестить следующего по

списку клиента.

Болело все. Площадь ушибов была не меньше двух акров. Плоскомордый лупил по таким местам, о существовании которых я и не подозревал. Тело и душа требовали, чтобы я на недельку отправился на покой. Твердили, что настало время найти Морли Дотса. Даже Плоскомордый Тарп не посмел бы связаться со мной, если бы рядом был Морли.

В свалке и заварухе не найдется никого лучше Морли. А если верить его трепу, лучше Морли Дотса никого нет в любой ситуации. Некоторым хотелось бы, чтобы он схлестнулся с Плоскомордым, и посмотреть, что из этого выйдет. Но оба они без предоплаты и мухи не обижают. А Плоскомордый не идиот, чтобы заключать контракт на Морли. Да и Морли не настолько тщеславен, чтобы связываться с Плоскомордым. Им обоим плевать, кто из них окажется лучшим. Это кое-что говорит об их профессионализме.

Поиски стоило начать с заведения под названием «Домик радости Морли».

Это название – одна из его дурацких шуток. В заведении вечно болтались эльфы, полукровки и прочие существа. Меню предлагалось строго вегетарианское и безалкогольное. Представление было таким бесталанным и унылым, что даже виддохлого логхира по сравнению с ним был бы радостным зрелищем. Но завсегдатаям забегаловки все это, наверное,

было по вкусу.

Когда я вошел, в зале воцарилась тишина. Не обращая внимания на недоброжелательные взгляды разнообразных существ, я захромал по направлению к месту, которое в приличных заведениях именуется баром. Так называемый бармен бросил на меня быстрый, но внимательный взгляд и ода-рил улыбкой, продемонстрировав остроконечные зубы тем-ного эльфа:

– У вас дар восстанавливать против себя людей, Гаррет.

– Посмотрели бы вы на того парня!

– Посмотрел. Он заскочил сюда глотнуть брюссельской капусты. Ни одной царапины.

Позади меня возобновился гул общей беседы. Бармен был любезен не более, чем обычный темный эльф. То есть с тру-дом, но выносил присутствие в своем обществе сомнитель-ной формы жизни более низкого порядка. Я чувствовал себя как обожающая пиво собака в человеческой таверне.

– Значит, слух уже распространился?

– Каждый, кто так или иначе слышал о вашем существо-вании, знает все. Вы сводите счета довольно грязными шу-тками.

– Вот как! Уже и это известно? Ну и как все прошло?

– Она сумела добраться до дома. Думаю, теперь эта пере-пелочка будет действовать иначе.

Он загоготал так, что по спине у меня поползли мураш-ки. Такое чувство, словно видишь кошмарный сон, хочешь

проснуться и не можешь.

– В следующий раз крошка просто наймет кого-нибудь перерезать вам глотку.

Я уже подумывал об этом. Даже сделал в памяти зарубку, чтобы не забыть достать и почистить кое-что из своих лучших защитных приспособлений. Обычно на работе я полагаюсь на быстроту ног и только в редких случаях утруждаю себя ношением железок.

Сейчас, по-видимому, и наступил тот самый редкий случай.

Покойник предупреждал меня.

– Где Морли?

– Там. – Он ткнул вверх пальцем. – Но он занят.

Я направился к лестнице.

Бармен открыл было пасть, чтобы заорать, но в последний момент передумал. Это могло вызвать заварушку. Своим самым дружелюбным тоном он произнес:

– Гаррет, вы должны нам пять марок.

Я повернулся и одарил его ледяным взглядом:

– Плоскомордый сказал, что вы можете списать их с его счета.

– Вашу улыбку следовало бы отлить в бронзе, чтобы сохранить для потомства.

Его морда расплылась еще шире.

– Этот здоровый увалень не такой дурак, каким старается казаться.

Я повернулся спиной к залу. Не стоило демонстрировать кошель и дразнить ребят. Они уже окосели от принятого са-лата, и кто знает, что им придет в голову.

– Он вовсе не дурак.

Кинув пять монет, я заторопился вверх по ступеням, прежде чем бармен сумел остановить меня.

Я постучал в дверь Морли. Никакого ответа. Я заколотил сильнее. Дверь задрожала.

– Убирайся, Гаррет! Я занят.

Дверь оказалась незапертой, и я влез. Чья-то жена, пискнув, метнулась в другую комнату, волоча за собой одежонку. Я успел увидеть только ее пышный хвост. Кажется, я ее не знал.

Морли выглядел прекрасно. На нем не было ничего, кроме носков на ногах и довольно злобного оскала на роже. Он не мог избавиться от него, хотя и был темным эльфом всего лишь наполовину.

– Ты, как всегда, не вовремя, Гаррет. И манеры твои при тебе.

– Как ты узнал, что это я?

– Магия.

– Хрен, не магия! Ты, наверное, съел что-то не то. Если ты называешь пищей тот силос, который обычно употребляешь.

– Думай, что говоришь. Ты уже должен мне одно извинение.

– Я никогда не извиняюсь. За меня это делает моя мама. Так как же ты все-таки узнал, что это я?

– Переговорная трубка с баром. У тебя, приятель, ужасный вид... Так что ты с ней сотворил?

– Не стал ради нее врать, обманывать и красть. И отверг ее, когда она предложила самую крупную взятку.

– Ты не способен ничему научиться, – рассмеялся он. – В следующий раз бери, что дают, и сваливай. Она станет предаваться воспоминаниям, вместо того чтобы насылать на тебя головорезов.

Его улыбка исчезла.

– Чего ты хочешь от меня, Гаррет?

– Хочу предложить тебе работу.

– Надеюсь, не глупые игры с Плоскомордым?

– Нет. Я получил работу, и мне потребуется прикрытие. Спасибо Плоскомордому, он напомнил мне, чтобы я принимался за нее побыстрее, иначе мое здоровье может сильно пошатнуться.

– Сколько стоит?

– Для меня – десять процентов от ста тысяч марок плюс расходы. Ты представляешь собой чистый расход.

Он издал нечто вроде свиста, вытянув губы, что еще больше исказило и без того асимметричное темное лицо.

– И чем же нам предстоит заняться? Захватить одного из военачальников венагетов?

– Почти угадал. Я должен отправиться в Кантард и отыс-

кать женщину, которая унаследовала здесь сто тысяч. Я должен уговорить ее прибыть сюда для востребования наследства либо отказаться от всего в пользу следующего по линии.

– Дело не из самых крутых. Если бы не надо было двигать в Кантард.

– Кое-кто может думать, что деньги не являлись собственностью покойного. Да и в самом семействе есть люди, которые настроены против передачи столь крупного наследства чужаку. Могут возникнуть сложности и со стороны наследника. Не исключено, что в ее отношениях с завещателем был элемент, как бы это помягче сказать, мм... некоторой противозаконности.

– Мне ужасно нравится, Гаррет, когда ты начинаешь выражаться непристойностями. Мне также нравится, как на вас, людей, действует запах денег. Если бы не это, вы были бы невыносимо скучны.

Мне нечего было возразить. Люди действительно теряют голову при виде больших бабок.

– А чего хочет работодатель? Отдать состояние или удержать его в семье?

– Все может быть.

– Несет такую же невнятицу, как и ты?

– Все может быть. Ты заинтересовался?

– Все может быть.

Я сморщился, как от боли.

Он радостно осклабился:

– Пожалуй, я похожу с тобой немного. Ты ужасно болтливый парень, Гаррет. Я тебя остановлю, когда ты наговоришь достаточно для того, чтобы я смог принять решение.

– Счастливейший день моей жизни! Побывать в твоём обществе – и ничего не платить при этом. Здорово!

– Кто сказал: ничего не платить?

– Я. Кто не играет, тот не получает.

– У тебя могут возникнуть проблемы в отношениях с людьми, Гаррет. Ну да ладно. Что ты намерен сейчас делать?

– Погружу в себя полуфунтовый бифштекс.

Он сморщил нос:

– Из-за этого мяса вы, люди, так неприятно воняете. Так где мы встретимся?

Я удивленно поднял брови.

– Надо завершить одно дело, – сказал он без всяких эмоций.

Покосившись на дверь соседней комнаты, я протянул:

– Понимаю. Я вернусь сюда.

Морли трепался ни о чем, пока не прогнал прекрасное настроение, вернувшееся ко мне после пива и бифштекса.

– Все дело в твоём характере, Гаррет. Думаю, это проблема самооценки. Девяносто девять человек из сотни не задумываясь выпаливают любую глупость, которая придет им в голову. Их совершенно не волнует, что подумают об этом другие. Ты же даже выругаться пытаешься так, будто заключаешь контракт с богами.

Я посмотрел на свой дом. В окнах горел свет.

– Попробуй говорить, не думая, что из этого вытекают какие-то обязательства. Взгляни на меня. Каждое мое слово звучит как божественное откровение, когда я его произношу, но к утру оно уже мною забыто. Видимость искренности гораздо важнее настоящей правдивости. Люди хотят верить лишь время от времени. Им известны правила игры. Возьмем, к примеру, леди, с которой я только что проводил время. Люблю ли я ее? Любит ли она меня? Черта с два! Она ни за что не покажется со мной в обществе. Тем не менее я должен был произнести все приличествующие случаю слова.

Я не помню, почему он заговорил об этом. Это была бессвязная болтовня, и я почти все пропустил мимо ушей.

– Итак, включать тебя в платежную ведомость или нет?

Он посмотрел в сторону моего дома:

– А у нас будет компания.

– Похоже на то.

– Может быть, дружеская?

– У моих друзей хорошие манеры.

– Я-то думал, ты скажешь, что у тебя нет друзей. Войдешь?

– Да. Ты со мной?

– Пока да. Состояние моего кошелька сейчас не таково, каким я хотел бы его видеть. Недавно я пережил некоторые финансовые потери.

– Опять на гонках Д'Гуни?

– Хочешь мигом разбогатеть, Гаррет? Приходи к пруду и посмотри, на что я ставлю. Затем ставь на другого. Какого бы паука я ни выбрал, он сходит с половины дистанции и начинает ходить кругами, пока остальные не достигнут противоположного берега. Правда, иногда его сжирает рыба.

– Гонки выигрывает не обязательно самый быстрый, – глубокомысленно заметил я.

Только эльфы могут делать ставки на гонках водяных пауков, где победитель определяется совершенно случайно.

– Ты готов?

– Валяй, действуй.

Дверь была не заперта. Какая заботливость! Их было четверо. Двое сидели на кровати, остальные оккупировали оба моих кресла. В троих я узнал ветеранов – кавалеристов из

компании Денни. Один из них мог быть «В» в записках Денни. Все четверо старались выглядеть чрезвычайно крутыми.

Думаю, они искренне считали себя таковыми: ведь им удалось выжить в Кантарде. Но им явно не хватало той жесткости, которая появляется у людей, воспитанных улицей.

– Очень рад вам, ребята, – сказал я. – Чувствуйте себя как дома. Сообразите себе выпивку. Мой дом – ваш дом.

– Посмотри, Куинн, есть ли у него оружие, – бросил Васко.

– Он вооружен, – произнес из-за моей спины Морли. – Поверьте мне на слово.

– Глянь-ка, «В», – давясь смехом, проговорил один из гостей. – Темный полукровка, а одет как человек.

– Дилетанты, – произнес Морли.

– Дилетанты, – согласился я. – Но ведь все профи начинают дилетантами.

– Некоторым из них учеба достается тяжело.

Он хотел этим сказать, что каждый, действующий на грани закона, должен знать Морли.

Васко жестом остановил невоздержанного на язык типа:

– Мне кажется, Гаррет, ты знаешь, почему мы здесь. Но я хочу, чтобы ты все осознал до конца.

– Дилетанты, – повторил я. – Профи уже поняли бы, что проиграли.

– Эти деньги не принадлежат Денни, Гаррет. По меньшей мере на две трети.

– Кроме того, профессионалы не кладут все яйца в одну корзину и не ставят корзину там, где не смогут взять. На вашем месте, ребята, я занялся бы чем-нибудь другим. Без связей Денни ваш старый бизнес превратится в дерьмо.

Васко помрачнел. Я слишком много знал.

– Мы предусмотрели это, Гаррет. Нам надо всего лишь получить бумаги Денни и изучить его стиль. Он не употреблял ни секретных кодов, ни шифров. На том конце не обязательно знать, что Денни нас оставил.

А ведь это могло сработать. Может быть, ребята не такие уж олухи.

Записи, письма, карты действительно могли оказаться настоящими серебряными копиями.

– Куда ты их подевал, Гаррет?

– Вот мы и добрались до сути дела?

– Да. Послушай эту суть. Мы готовы плюнуть на серебро, если получим все бумаги, а ты будешь держаться подальше от Кантарда. Мы бы предпочли получить и денежки, но ничего не поделаешь. Мой тебе совет – прячь в карман задаток и сваливай. Конечно, ты можешь разыграть спектакль. Уехать на несколько дней из города, а потом заявить, что не нашел ее. Или подделать отказ от наследства.

– Неплохо звучит, – заметил я. – Прекрасный выход из положения.

Они явно почувствовали облегчение.

– Сложность лишь в том, парни, что, уходя из морской

пехоты, я поклялся себе, что никому никогда больше не позволю распоряжаться собой. Вы сами служили в армии и знаете, что это такое.

Это их ошеломило. Придя в себя, Васко произнес:

– Судя по твоему виду, Гаррет, сегодня ты уже свое получил. Мне бы не хотелось наносить тебе ушибы на свежие синяки. Подумай, может, изменишь свою точку зрения?

– Ты свое сказал. Я изложил свою точку зрения. Теперь вам лучше удалиться. Вообще-то, я не очень люблю незваных гостей.

Васко вздохнул. Так обычно вздыхал мой сержант в учебной команде, когда ему попадался особенно тупой новобранец.

– Куинн, последи за полукровкой.

Я подобрался, уже продумав следующий шаг.

– Двинься вбок, Гаррет, – прозвучал за моей спиной чуть дрожащий от сдерживаемого возбуждения голос. – Настало время продемонстрировать волшебную силу эльфов.

– Васко?

– Возьми его, Куинн.

Когда Морли вступает в дело, кажется, что у него вырастает еще с полдюжины конечностей. Он с такой скоростью пользуется всеми четырьмя, что вы просто не успеваете заметить их движений. А когда он не пинает ногами или не работает руками, он кусается, бьет головой, отшибает в сторону бедром или орудует коленом.

Он открыл сражение высоким прыжком, влепив Куинну – бах! бах! – каблуками между глаз. Не приземляясь, он долетел до следующей жертвы. Куинн же, смежив веки, отправился в страну сновидений.

Васко принялся за меня.

Да, шутки плохи, если имеешь дело с парнем, который почти так же хорош, как ты, но при этом твое тело задеревенело и болит от предыдущих побоев.

Васко вошел в клинч, после чего мы оказались на полу и перешли в партерную борьбу двух гигантских медведей. Он пытался ударить лбом в висок. Я же исхитрился захватить зубами его ухо и сжать челюсти. Это его малость обескуражило. Он приподнялся, и тут я, лежа на спине, выбросил вверх ногу и впалял ему в основание черепа. Противник, пошатываясь, отступил.

Я вскочил и, схватив его за шиворот и за штаны пониже спины, отправил к дверям, сопровождая полет подходящей к случаю полузабытой сентенцией об армейских недоумках, которые забывают о естественном превосходстве над ними представителей славной морской пехоты.

Громкий звон разбиваемого стекла заставил меня повернуться и броситься на помощь Морли.

Эльф, оказывается, уже наводил последний лоск. Глядя на распростертого на полу Куинна, он сказал:

- Возьми его с другого конца и помоги выбросить.
- Ты разбил мое окно.

– За это дело, Гаррет, тебе придется платить мне в двойном размере. Ты сам их спровоцировал.

– Не получишь от меня ни гроша. Ты вышвырнул кого-то через окно.

– Нет, ты не слышал ни слова из того, что я говорил об искренности и правдивости. Что тебе мешало закрыть дело, прислушавшись к совету «В»: прихватить задаток и сбежать. Так нет же! За спиной Гаррета стоит Морли Дотс, и Гаррет может болтать черт знает что, провоцируя хороших ребят.

– Я сказал бы то же самое, даже если бы тебя здесь не было.

Он вздернул голову и посмотрел на меня так, как смотрит птичка на незнакомую козявку.

– Жажда смерти. Суицидальные склонности. И знаешь, Гаррет, откуда это у тебя? Диета. Точно. Чересчур много мяса. Тебе же требуется больше отрубей. Если у человека плохой стул, у него неизбежно возникают опасные для жизни разрушительные настроения...

– Кое-кто собирается улучшить свое пищеварение. Ты обязательно должен был вышвырнуть кого-то из окна, разбивая его вдребезги?

– Оставишь ты в покое это проклятое окно?!

– А ты знаешь, сколько в наше время стоят стекла? Имеешь представление?

– Сотую долю того, во что тебе обойдется сейчас твое нытье, Гаррет, если ты его не прекратишь. Хорошо, хорошо!

В следующий раз вежливо попрошу их проследовать к дверям, как благовоспитанных мальчиков. А сейчас давай пробежимся.

– Пробежимся? Куда? И зачем?

– Избавиться от избытка нервной энергии. Израсходовать кипящие в нас боевые гормоны. Пяти миль будет достаточно.

– Я скажу тебе, куда я побегу. Я покрою расстояние отсюда до кровати. После этого моим единственным движением останется дыхание.

– Ты шутишь. Завалиться спать в этом состоянии? Если ты не заставишь сейчас поработать все мышцы, а затем их постепенно не расслабишь, то завтра их сведет так, что ты и пальцем не шевельнешь.

– Знаешь что? Пробеги-ка ты и мои пять миль. Тогда я, может, забуду то, что ты сотворил с моим окном. – Рухнув в постель, я добавил: – Эх, сейчас бы галлон охлажденного пива...

Морли ничего не ответил. Он уже ушел.

Бам! Бам! Бам!

Утро – это прекрасно. Единственный его недостаток – оно всегда приходит не вовремя. Когда ранние пташки, распевая свои песни, отправляются в полет, поднимая на ноги всех любителей полюбоваться рассветом. И почему-то меня в их числе.

Бам! Бам! Бам!

Два утра подряд. Интересно, может, я оскорбил ненароком Семь Великих Демонов Модрела?

Я выдал обычную порцию проклятий и ругательств. Не помогло. Морли бы порадовался, увидев меня. Все мышцы сведены именно так, как ему хотелось. Прошло полных три минуты, пока я сел и свесил ноги.

И увидел: в разбитое окно на меня пялилась бородавчатая зеленая морда шириной в пол-ярда. Я смог вразумительно произнести: «Блюп...»

Морда осклабилась.

Это был гролль – гибрид человека, тролля и твари с даром речи (о ней обычно не принято упоминать в приличном обществе). Я осклабился в ответ. Гролли неспешны разумом, но зато быстро выходят из себя.

Гигантская жабяя пасть распахнулась, и из ее глубин возник низкий рев, который гролли выдают за разумную речь.

Я не уловил, что он сказал. Понял лишь, что рев был обращен не ко мне.

Стук в дверь прекратился.

– Я тебя тоже приветствую, – прохрипел я, заставляя себя подняться на ноги.

Лучше открыть дверь самому, чем ждать, пока его терпение истощится и он войдет сквозь стену.

За дверью оказался еще один. Выглядел он точно так же – «большой, широкий и безобразный». Уж никак не меньше двадцати футов в носках на босу ногу. Если, конечно, носки входят в его туалет. Вообще-то, на нем не было ничего, кроме тряпицы, обернутой вокруг бедер, пояса с гнездами для нужных вещей и пустого выючного мешка.

Тряпица не очень прикрывала его прелести.

С этого момента я буду их обоих называть «Он» (с заглавной буквы). Мулы, глядя на Него, загнулись бы от зависти.

Оба гролля, заметив мое изумление, ослабились еще шире. Такое вот чувство юмора у этих созданий.

– Я бы пригласил вас войти, если бы вы смогли влезть, – сказал я.

С гроллями стоит быть вежливыми всегда, независимо от ваших расовых предрассудков. Иначе вам придется срочно пересматривать свои взгляды, оказавшись промеж двух огромных лап.

Вдруг из-за большого существа выступило еще одно – маленькое.

– Думаю, что помешусь, – произнесло оно. – И, по правде говоря, я был бы не прочь выпить.

– Кто вы такие, дьявол вас побери?

– По правде говоря, меня зовут Дожанго. А это мои братья – Марша и Дорис.

– Братья?

– По правде говоря, мы – тройняшки, – ответил он. – Хотя, по правде говоря, у нас разные матери.

Тройня с разными матерями. Бывает. Вопросов задавать я не стал. И так частенько приходится напрягаться, пытаюсь понять, что имеют в виду обычные человеческие существа. А здесь – гролли.

– Какого дьявола вам здесь надо?

– По правде говоря, нас прислал мистер Морли.

– Но для чего, по правде говоря?

Один из больших гроллей слегка заворчал.

Я повернулся к нему и двумя пальцами растянул губы в подобие улыбки.

– Чтобы помочь в Кантарде.

В этот момент на сцене возник и сам злодей Морли Дотс.

– Итак, ты соизволил принять предложение? – спросил я.

– В данный момент я нахожу в нем определенную привлекательность. Принимая во внимание настроение моих кредиторов, весьма удобно получить работу за пределами этого города, – отвечал Морли.

– И что, воспользовавшись столь привлекательным пред-

ложением, можно приглашать ко мне всех своих друзей? Может, ты полагаешь, что мой работодатель не поставил никаких ограничений на затраты?

– Если бы ты был способен использовать хотя бы половину своих хваленых способностей детектива, ты восславил бы мощь моего предвидения.

– В такую рань я не способен даже припомнить, как меня зовут. Просвети же меня, о ясновидящий.

– Ты подумал о мулах?

– Мулах? Они еще тут при чем?

– Мы отправляемся в Кантард. Ни один дурак не рискнет дать нам в аренду лошадей или вьючных животных. Нам придется их покупать. С другой стороны, вся плата Марше и Дорису не превысит цены пары мулов. А гролли способны поднять груза вдвое больше и тащить его вдвое дальше – и совершенно незаменимы в драке.

Все это было не так глупо. Но...

– А как насчет нашего друга Дожанго?

– Да, Дожанго Роуз... – вздохнул Морли. – Знаешь, Гаррет, они не желают разлучаться.

Я охотно ему поверил и, скривившись, спросил:

– На хрена нам этот балласт?

– Дожанго в силах поднять клинок. Он может вынюхивать воду и поддерживать костер. Он понимает Маршу и Дориса. Если не спускать с него глаз, то он даже способен приготовить нечто съедобное, не спалив при этом всю округу.

– Сейчас у меня просто слюнки потекут от предвкушения всех его достоинств, – сказал я и оглядел тройню, у которой были разные матери.

Улыбки на их рожах сияли дружелюбием гролля. Ребятки поняли, что Морли припер меня к стенке.

– Держи Дожанго подальше от спиртного – и он будет в полном порядке, – закончил Дотс.

Всем известно, что эти полукровки не могут устоять перед выпивкой. В улыбке Дожанго появилось смущение.

– И во сколько же мне обойдется весь этот бродячий цирк?

Морли назвал несусветную цифру. Я захлопнул дверь и бросился назад в постель. Негодяй использовал одного из тройни, чтобы тот поднял его повыше. Теперь он начал торговаться через разбитое окно. Я нарочито похрапывал, пока до моего слуха не начали долетать вполне приемлемые предложения. Морли оказался крайне покладист, что говорило о серьезном обострении его отношений с кредиторами.

– Твое ослиное упрямство, Гаррет, – прямой результат твоей диеты. И это тебе прекрасно известно. Все мясо, которое ты в таком количестве поглощаешь, пропитано флюидами ужаса убиваемых животных. Кроме того, ты избегаешь физических упражнений и не изгоняешь яд с потом из своего организма.

– Я и сам дошел до этого, Морли. Слишком много пива и мало сочных зеленых листьев.

– «Кошачий хвост», Гаррет, – вот что тебя спасет. Белая луковица корня молодого побега. Мелко шинкуешь и добавляешь в салат. «Кошачий хвост» не просто вкусный, он имеет почти мистическое свойство облегчать груз вины, отягощающий душу пожирателей мяса.

– «Конское дерьмо», Морли. Гораздо полезнее жрать «конское дерьмо».

Однажды, когда я служил в морской пехоте, мы высадились на одном из островов, и венагеты, не теряя времени, отрезали нас от десантных судов и загнали в болото. «Кошачьи хвосты» оставались основным и единственным блюдом нашего рациона до тех пор, пока военное счастье снова не повернулось к нам лицом. Что-то не припоминаю, чтобы эта диета смягчила нравы наших сержантов и капралов. Напротив. По мере поглощения белых луковиц они становились все кровожаднее и были готовы сожрать своих подчиненных по малейшему поводу. Да и мы не оставались в долгу.

Пришло время, и вся эта ярость обратилась против венагетов.

Может быть, все обстояло бы иначе, начни я питаться «кошачьими хвостами» в более нежном возрасте.

– Морли, когда-то я работал на университетского профессора. Он любил поразглагольствовать на разные темы. Так вот, как-то раз уважаемый ученый сказал, что в мире существует двести сорок восемь видов овощей, фруктов, зелени и клубней, которые едят люди. Из них свиньи едят двести

сорок шесть. И не прикасаются только к зеленому перцу и луковицам «кошачьего хвоста». Это убедительно доказывает, что свиньи ведут себя разумнее, чем так называемые разумные существа.

– Пытаться спасти тебя, Гаррет, видимо, то же, что метать бисер перед свиньями. В своем медленном самоубийстве ты решил идти до конца. Скажи-ка лучше – ты берешь ребят?

– Беру. Надеюсь, мне не придется пожалеть об этом.

– Когда мы отправляемся?

– Ты торопишься, Морли? Хочешь побыстрее выбраться из города? Вот почему ты так охотно согласился двинуться в Кантард?

Дотс пожал плечами.

Ответ был достаточно красноречив.

Напугать Морли с его талантами и репутацией могла только очень мощная сила. Я перебрал в уме и смог остановиться только на одном человеке. Самом большом. Король преступного мира.

– С каких это пор, Морли, Колчек начал играть на паучьих бегах?

Он тут же свалился куда-то вниз, и со мной остался только его голос:

– Ты слишком большой умник, Гаррет. И это не принесет тебе счастья. Настанет денек, когда твоя проницательность сыграет с тобой злую шутку. Пока! Буду держать связь. За мной, увальни! Дожанго! Немедленно положи это на место!

Дорис!

Так орет погонщик мулов, заставляя бедных животных стронуть с места тяжелый фургон.

Я отправился обратно в постель, размышляя, не пустить ли мне часть денег Тейта на ремонт окна. На новое, броское стекло с моим именем, выписанным яркими красками.

Старушка Вселенная забывает о слове «милосердие», когда речь идет обо мне. Едва я начал посапывать, как дверь снова затряслась под чьими-то ударами.

– Что-то надо предпринять, – бормотал я, сползая на пол. – Может, тайно сменить квартиру?

Распахнув дверь, я увидел дядюшку Лестера с двумя племянничками.

– Надеюсь, вы пришли сказать мне, что вся программа отменяется?

Я заметил, что парнишки влипли в неприятную историю. Их физиономии были разукрашены синяками и пластырями, а у одного рука болталась на перевязи.

– Что случилось?

– Недружественные посетители. Уиллард хотел бы поговорить о них с вами.

– Хорошо, иду.

Пришлось задержаться, чтобы привести себя в порядок, глотнуть воды и прихватить любимую дубинку.

Уиллард Тейт был в подавленном состоянии. Он ждал меня, заламывая руки. Всю жизнь я слышал это выражение, но само действие видел только у моей тетушки, для которой каждый вздох являлся актом высокой драмы.

– Что случилось?

Дядюшка Лестер оставался нем как рыба. Может быть, опасался, что, узнав страшную правду, я тут же брошусь спасаться бегством.

Папаша Тейт зажал мою руку в своих ладонях и качал ее, как рукоятку насоса, приговаривая:

– Я так благодарен вам за ваш приход. Так благодарен. Я просто не знал, что предпринять.

– Что случилось? – снова спросил я, пока он, судорожно вцепившись в мою руку, тянул меня за собой, как упрямого ребенка.

Дядюшка Лестер и мальчики шли следом. Когда мы пересекали сад, направляясь к жилью Денни, я заметил очень бледную Розу, наблюдавшую за нами.

Тейт ничего не сказал.

Помещение было буквально разгромлено. Подмастерья все еще занимались уборкой. Некоторые из них щеголяли синяками, а кое-кто и повязками. Какой-то умник догадался заколотить дверь на улицу толстыми досками.

Уиллард взглядом указал на центр комнаты.

Там был труп. Он лежал на животе, одна рука была вытянута в сторону двери.

– Что случилось? – спросил я в очередной раз.

– Все произошло примерно в полночь. Я оставил здесь мальчиков на страже: вы говорили со мной таким тоном, что я начал беспокоиться. Пять человек вломились через улич-

ную дверь. Мои ребяташки оказались на высоте. Один сумел поднять всех на ноги. Остальные укрылись в засаде и позволили налетчикам спуститься в подвал. Мы атаковали врагов, когда они собирались уходить. Мы хотели просто схватить их, но они запаниковали и начали отбиваться, не стесняясь при этом в средствах. И вот что мы теперь имеем.

Я наклонился рассмотреть убитого. Он уже начал распухать, но порезы и царапины, которые покойный получил, вылетая из моего окна, были еще заметны.

– Они что-нибудь утащили?

– Я посчитал, – ответил дядюшка Лестер. – Золото и серебро не тронуты.

– Они явились не за золотом или серебром.

– Вот как?

Все Тейты так и сияют. Но прячут свой свет под сосудом. Наверное, это рефлекс торговца.

– Они охотились за бумагами Денни. Его письмами той женщине. Я все надежно спрятал, но здесь могло остаться что-то, чего я не заметил. Эти бумаги дороже всего металла, который они смогли бы унести.

Старый Тейт был ошарашен. Пришлось рассказать ему о нашей недолгой встрече с партнерами его сына. Он не хотел мне верить:

– Но это же...

– ...ведение торговых операций с врагом, если сорвать прикрывающие срам одежды и взглянуть правде в глаза.

– Я знаю своего сына, мистер Гаррет. Денни не мог предать Каренту.

– Разве я говорил что-нибудь об измене?

Правда, мысль об этом меня посещала. Причем более конкретного свойства: что сделают с дураками, когда их схватят за торговлю с венагетами? Меня лично это не коробило. Эта война была разборкой между двумя враждующими бандами аристократов и чародеев, пытающихся установить контроль над копиями, что означает господство над миром. И вызвали войну те же мотивы, что приводят к схваткам уличных шаек здесь, на улицах Танфера.

Будучи карентийцем, я, конечно, предпочитал, чтобы в сваре победила банда, стоящая во главе моей страны. Я обожаю оказываться победителем. Как, впрочем, и все остальные. Но меня совсем не задевает, если кто-то еще, помимо лордов, сумеет извлечь небольшую прибыль из схватки. Все это я постарался разъяснить Тейту.

– Дело в том, что связь с той стороной не прервалась, – сказал я. – И некоторые очень крутые парни желают ее сохранить. При этом они почему-то не хотят, чтобы мы вмешивались в их дела. Улавливаете?

– И они желают заполучить письма и бумаги Денни, чтобы можно было сохранить контакты с этой женщиной?

– Вы, папочка, быстро соображаете. Эти бумажки откроют им путь к металлу. Денни вечно будет жить в письмах, которых никогда не писал.

Он немного поразмышлял. Часть его души советовала сграбастать подвернувшийся под руку большой куш — пока не поздно. Но видимо, другая часть отличалась диким упрямством. Может, если бы он был беднее...

Так или иначе, он принял решение и отлил его в бронзе. Изменившиеся обстоятельства не смогли его поколебать.

— Я должен встретиться с этой женщиной, мистер Гаррет.

— Что ж, вы рискуете головой. — Я выдержал многозначительную паузу. — И головами членов семьи. Здесь на полу мог валяться и кормить мух один из ваших мальчиков.

На этот раз я его достал. Он надулся, покраснел и выкатил глаза — типичная для эльфа-полукровки реакция. Челюсть отвалилась, и папочку начала бить дрожь.

Но старик не дал страху овладеть собой целиком. Через полминуты он произнес:

— Вы правы, мистер Гаррет. Степень риска мне следовало оценить более тщательно. Если эти типы, как вы утверждаете, бывшие солдаты, прошедшие через Кантард, то нам очень повезло, что погиб этот несчастный парень, а не несколько моих ребят.

— Как вы изволили заметить, они запаниковали и решили просто сбежать. Но в следующий раз они ни перед чем не остановятся.

— Вы уверены, что будет следующий раз? После того как их уже почти схватили?

— Мистер Тейт, вы не совсем поняли, что здесь поставлено

на карту. За восемь лет Денни и его парни ухитрились превратить горстку монет в сто тысяч марок.

«И это не считая того, что они потратили на свои развлечения», – подумал я про себя, чтобы не лишать старика последних иллюзий.

– Только представьте, сколько можно накопить за следующие восемь лет, располагая таким капиталом.

И, возможно, попасться. Большое богатство всегда привлекает внимание. Но думаю, Денни это понимал и собирался действовать осмотрительно.

– Не могу представить, мистер Гаррет. Я всего лишь сапожник. Мои интересы не идут дальше отношений отца с сыном. Я стремлюсь соблюдать семейные традиции, которые сохраняют у нас многие поколения. Традиции умерли вместе с Денни.

Плешивый старец явно рассердился. Думаю, он все понял и решил наплевать на последствия.

– Так вы уверены, что они вернутся?

– Изрыгая огонь, папочка.

– В таком случае я должен предпринять некоторые шаги.

– Лучшим шагом было бы любовное соглашение.

– Только не с этими наглыми свиньями. Они... и та женщина соблазнили моего сына. Сбили его с пути...

Я отключился и занялся подвалом. Насколько я мог заметить, ничего не изменилось. Похоже, они не нашли ничего, что я мог пропустить.

– Что? – спросил я. – Простите. Я не расслышал последних слов.

– Знаю, что у тебя со слухом, – обжег он меня взглядом. Но когда в тебя упирается острое копьё, не дашь волю чувствам, поэтому Тейт спокойно сказал:

– Я спросил, не знаете ли вы, кого можно было бы нанять для охраны помещения.

– Нет.

Конечно, кое-кого я знал. Меня. Но я был сыт по горло длинными холодными ночами, когда в одиночестве приходится ждать чего-то, что не происходит, а если и происходит, то несет с собой смерть.

Но вдруг меня осенило:

– Подождите. Может быть, найдем. Парни, которых я предполагаю взять с собой в Кантард. Если мы разместим их здесь, то оба окажемся в выигрыше.

А особенно Морли, если в доме сапожника ему удастся укрыться от неприятностей.

Тейт страшно изумился:

– Так вы собираетесь поехать? Из ваших слов я понял, что вы категорически против.

– Я и сейчас категорически против. Это так же нелепо, как залезать в гнездо птицы Рух. Не вижу в этом никакого смысла. Но я сказал вам, что подумаю. Пока же окончательно ничего не решено.

Уиллард улыбнулся. Широко осклабился. Я испугался,

что от радости он шлепнет меня по спине и травмирует почку. Однако папаша сдержался. Он вообще сдержанный парень, этот старый Тейт.

Он тут же стал серьезным:

– Что вы можете сделать с трупом, мистер Гаррет?

Я прикинул, к чему это может привести:

– Ничего.

– Как?

– Ничего. Это не моя проблема.

Старикан аж задохнулся. Но застенчивый сапожник все же взял в нем верх и выступил осторожно, на цыпочках:

– Вы настаиваете на дополнительной оплате? Я согласен. Сколько?

– Не утруждайте себя. Вам просто не хватит денег. Я пальцем не дотронусь до жмурика. Я такими делами не занимаюсь. Но могу дать бесплатный совет. Обратитесь к властям, вам нечего бояться – негодяй был убит во время грабежа.

– Нет. Я не желаю, чтобы власти совали нос в мои семейные дела.

– Тогда прикажите вашим людям забрать его и выбросить в реку или свалить в темном переулке у подножия холма.

По утрам из реки частенько вылавливают трупы. И мало кто обращает на это внимание, даже если это была важная шишка.

Тейт понял, что ничего не выжмет из моей страсти к наживе, и оставил дальнейшие попытки.

– Кончайте здесь и присылайте своих людей как можно скорее. Меня ждет работа. Держите нас в курсе дел.

Старик свалил. А я продолжил осмотр, раздумывая, не означает ли хищный блеск в глазах мистера Тейта его тайного намерения возложить заботу о жмурике на Морли и тройняшек.

С потолка сыпалась пыль. Несколько раз, еще до ухода Тейта. Я подумал, что моя любезная подружка Роза опять подслушивает, и решил не обращать внимания.

Я все осмотрел, пропаж не обнаружил и уселся, чтобы продумать все с самого начала. Дело просто пухло от таящихся в нем угроз, а я неумолимо приближался к моменту, когда следовало принять окончательное решение.

Здесь, в городе, все решится само собой. Здесь нечего расследовать. Но зато там...

Мне пока не хотелось думать о другом конце цепи. Даже при самом благоприятном развитии событий там не ждет ничего хорошего. Мне становилось плохо от одной мысли, что снова придется побывать в Кантарде.

Где-то над моей головой хлопнула дверь. Тут же до меня донесся разговор двух женщин. Один голос жутко сварливый, наверняка Розин. Интересно, кто ее собеседница?

Ее появлению в подвале предшествовал восхитительный аромат. Передо мной возникло очаровательное крошечное создание со жгучим взором, длинными прямыми рыжими волосами и парой высоких твердых грудей, отважно выпирающих из-под шелковой кружевной блузки. Между блузкой и телом не было ничего, кроме моей мечты.

– Где они вас прятали? – спросил я, поспешно вскакивая,

чтобы принять из ее рук поднос. – Кто вы?

– Я Тинни. А вы Гаррет. Когда вы меня видели в последний раз, я была всего-навсего тонконогой пигалицей.

Она взглянула мне прямо в глаза и широко улыбнулась. У Тинни оказались белоснежные острые зубки. Захотелось протянуть руку и дать ей укунить себя.

– Ноги и сейчас могут оказаться тонковатыми. С такой юбкой разве поймешь.

Юбка доходила до лодыжек.

– Возможно, однажды вам улыбнется удача, и вы их увидите. Кто знает, – игриво произнесла она.

Моя удача была уже тут. Только она не улыбнулась, спустившись в подвал по лестнице.

– Тинни! Ты закончила дело? Убирайся отсюда!

Мы проигнорировали Розу.

– Ведь вы не сестра Денни? Он никогда о вас не упоминал.

– Кузина. Здесь вообще не говорят обо мне. От меня сплошные неприятности.

– Вот как? А я-то думал, что это привилегия Розы.

– Нет. У Розы просто несносный характер. Это никого не беспокоит. Мое же поведение заставляет Тейтов стыдиться. Роза злит и раздражает людей. А мои поступки вызывают пересуды соседей.

Роза залилась краской и начала медленно закипать.

– Увидимся позже, Гаррет, – подмигнула Тинни.

Хорошо бы. В этой крошке столько женщины, что она мо-

жет заставить любого мужчину сесть и завывать на луну. Проходя мимо Розы, она вильнула бедрами и исчезла на лестнице.

Впрочем, если вас не пугает паучий нрав, то и Розу не стоит сбрасывать со счетов. Ее упаковка скрывала первосортный продукт, изготовленный из первоклассного сырья.

Покачивание ее бедер, казалось, сулило фейерверк наслаждений – если бы она того захотела. Но увы, я знал, что этот фейерверк вспыхивает вам прямо в физиономию.

Мы пялились друг на друга, как пара котов перед дракой, и пришли к заключению, что и на этот раз ее задумки не сработают. Девушка немного нервничала, потому что ничего нового в ее головку не приходило.

– Вам не мешало бы продумывать план прикрытия, когда вы на что-то решаетесь, – сказал я ей. – Как, к примеру, в деле с Плоскомордым Тарпом.

– Вы правы, Гаррет, будьте вы прокляты! И как это вам при вашем упрямстве удалось дожить до такого возраста?

– Правильно предугадывая ход событий. А вы могли бы быть неплохой девочкой, если бы в вашем мире нашлось место для других людей.

На какое-то мгновение мне показалось, что ей хочется, чтобы в ее мире действительно был другой человек.

– Очень жаль, что мы не встретились при других обстоятельствах, – сказала она.

– Да, – подтвердил я, совершенно не разделяя ее чувств.

При любых обстоятельствах от нее были бы одни неприятности. Так она устроена.

– Мы так и не найдем общий язык?

– Боюсь, что нет. Во всяком случае, пока вы не измените отношения к брату. Я любил Денни. А вы?

Похоже, я задел наконец какую-то струнку в ее душе.

– Какая несправедливость! Умереть так нелепо. Он был лучшим парнем из всех, кого я знала, хоть он и мой брат. Эта кантардская сука...

– Ну-ка полегче! – вырвалось у меня.

Возглас выдал меня. Она раскрыла рот и задумалась.

– Чего вы ищете в этом деле, Гаррет? Хотите набить карманы? Деньги – единственное, ради чего стоит отправляться в Кантард.

Когда она это сказала, я тут же вспомнил Морли Дотса. Затем подумал о себе. Зачем ты-то туда едешь, Гаррет, крутой парень? Тебя же никто не может подчинить. В мире нет силы, которая могла бы управлять тобой. И вот сейчас ты готов совершить такое, что ни одному идиоту в здравом уме не придет в голову.

Как и старик Тейт, я хотел увидеть женщину, которой удалось захомутать Денни.

Мы с Розой обменялись взглядами. Она решила, что я могу уступить.

– Будь осторожен, Гаррет. Постарайся остаться в целости и сохранности. Когда все кончится, дай мне знать о себе.

– Ничего не получится, Роза.

– А это могло бы быть забавным.

Она тронулась вверх по ступеням.

Снизу Роза смотрелась великолепно. Может быть...

Через несколько секунд после того, как за ней захлопнулась дверь и здравый смысл начал праздновать победу, в дверной проем просунулось обрамленное медью волос личико.

– Даже и не думайте об этом, Гаррет. Иначе я вас разлюблю.

И Тинни тут же исчезла.

Я набрал побольше воздуха, несколько раз произнес «ух», принялся, взял след и загалопировал за ней.

Пока я доскакал до верхних ступеней, она уже испарилась, оставив меня наедине с покойником. С дружкой Денни. Я выглянул в сад и не увидел никаких признаков Розы или Тинни. Закрыв дверь, спустился обратно и обшарил карманы трупа.

Какой-то стервятник обошел меня. Карманы были пусты.

Старик Тейт как-то избавился от трупа. Думаю, бросил в реку. Я не спрашивал и ничего не слышал. О тех, кто отправился в свой последний заплыв, редко удается услышать.

Морли с тройняшками я разместил в жилище Денни; Морли решил, что идея замечательная. Весь вечер я провел в его забегаловке, ловя на себе колючие взгляды полукровок и надеясь, что меня озарит и я пойму, почему Дотс с такой радостью согласился принять участие в моем безумном предприятии.

Озарило меня разве что пламя свечей. И еще я понял, что не был там единственным наблюдателем.

С течением времени у вас вырабатывается шестое чувство. Так вот, мое уже через пятнадцать минут выделило парочку тяжеловесов. Один из них был человеком и на вид вполне мог бы сразиться с самим Плоскомордым Тарпом. Второй был настолько уродлив и так глубоко угнездился в темном углу, что я не мог определить, какой он породы. Наверняка полукровка. Наверняка в нем есть и тролль, и кобольд, но не только они. Его можно было бы поставить на бок, и он не стал бы ниже. Морду его, судя по всему, пришлось переделывать несколько раз, и не исключено, что после этого она стала лучше.

Бармен знал, что у нас с Морли деловые отношения. Он

держался в рамках вежливости, и я поинтересовался у него, что это за типы.

– Я их не знаю. Уродина был здесь и прошлым вечером. Сидел всю ночь в своем углу и нянчил пиво, которое приволок с собой. Если бы он не заказал жратвы, я вышиб бы его отсюда.

– Хотел бы я взглянуть на это представление.

Я взял пинту воды, которую здесь выдают за пиво, и дал ему на чай, чтобы он раскололся.

– Может, ребята босса?

– Да нет, разве что из пригорода.

Так я и думал. Я их не знал, но смотрелись они как ходячее преступление.

Впрочем, мне-то что? Пока меня не задевают.

Расправившись с пинтой, я вылез из тошниловки. Есть и другие места, где можно приложить ухо к земле и понять, что происходит. Пошарив в нескольких местах, я ничего не обнаружил.

Забавно.

По пути домой я размышлял, начал ли стекольщик работу. Я не испытывал угрызений совести, поставив починку окна в счет Тейту.

Новое окно оказалось на месте и было прекрасно, как блондинка в наряде Евы. Я не успел порадоваться, как пришлось продолжить путь, вобрав голову в плечи и потихоньку замедляя шаги.

Не исключено, что я не смогу попасть домой.

Возникли определенные проблемы. Одну из них воплощал тип, торчащий под дверью могильщика. Даже не видя огонька его трубки, я чувствовал запах «травки». Вторая проблема находилась в моем жилище. Кто бы это ни был, он зажег все лампы, транжиря масло и повергая меня в уныние.

Я знал одного любителя «травки». Еще одного дружка Денни. Еще одного бывшего солдата, по имени Барбера, который накуривался так, что никогда не знал, в нашем он мире или в потустороннем. Парень этот вызывал жалость: его можно было подбить на что угодно, и он постоянно попадал впросак. Барбера был из тех, о ком Денни проявлял заботу.

И теперь приятели Денни решили, веселясь и хихикая, натравить Барберу на меня.

Я отступил в тень на углу квартала и уселся спиной к стене, которой не мешало бы иметь хоть один выступ. Вид отсюда был столь же приятен, как пейзаж с мусорной кучей.

Довольно долго ничего не происходило, не считая вспышек, когда охотник за мной в очередной раз раскуривал трубку, или появления алкашей, нагрузившихся настолько, что их не пугали ночные улицы. Наконец я кое-чего дождался: два человека появились проверить, как идут дела у любителя «травки».

Они прошествовали мимо, не заметив меня. А я их рассмотрел: мои добрые приятели Васко и Куинн.

Выходит, ребята, это вы захотели учинить мне пакость?

Я не двинулся с места, хоть и хотелось раскроить парочку черепов. Но меня все больше беспокоили лампы в моем доме. Васко и Куинн не пытались вступить в контакт с теми, кто там находился. Быть может, тот, кто укрылся в доме, не из их компании?

Тогда кто это?

Мой друг-могильщик вернулся из ночной смены, как всегда, пьяным в стельку. Когда я бывал не в духе, я частенько желал, чтобы он навсегда остался в одной из выкопанных могил.

Сейчас он подгреб к моему окну и заглянул внутрь. То, что он увидел, явно его заинтересовало. Он пялился с минуту. Бросив взгляд по сторонам и никого не заметив (что придало ему храбрости), парень подкатил к моим дверям и толкнул их.

Двери распахнулись.

Барбера выскочил из тьмы, бросился на могильщика и молотил его, пока тот не свалился. Покончив с этим делом, Барбера направился в мою сторону.

Итак, послание предназначалось мне, но почтальон спутал адреса.

Я решил, что оставить его без ответа было бы невежливо.

Я выступил из темноты, когда Барбера поравнялся со мной. Он успел заметить меня боковым зрением.

– Привет, – сказал я.

Его глаза округлились. Он хотел было развернуться, но

тут я врезал ему по уху дубинкой.

Ветеран не упал. У него лишь подогнулись колени и помутнели глаза. Я ударил его ногой, нанес крюк левой и обрушил дубинку на лоб.

Он зашатался чуть сильнее.

Этих травокуров не так просто уложить, когда они под кайфом. Пришлось выдать ему по полной норме и немного добавить сверх нее. Когда он уже не понимал, на какой планете находится, я схватил его за задницу, отвел в темный проулок и отвесил еще несколько ударов дубинкой. Затем взял кисет с «травкой» и, отловив пьяную помесь гнома с гоблином, заплатил ему, чтобы тот доставил кисет Васко. И велел передать, что бывший кавалерист зря тратился на охоту за морским пехотинцем.

Покончив со всем этим, я решил заняться типом, который вторгся в мой дом.

Мне не пришлось ничего делать. Когда я дошел до места, откуда была видна дверь, то увидел вступающий в мое жилище взвод Тейтов. Они перешагивали через воющего могильщика, словно через кучу конского навоза. Почти сразу же они появились снова, волоча за собой недовольную, упирающуюся Тинни.

Так вот в чем дело. Всегда мне так везет. Скажем, если на конце радуги я вдруг нашел бы горшок с золотом, то по дороге к нему обязательно сломал бы ногу и лежал, со стонами

наблюдая за клоуном, сгребавшим мое золотишко.

Я подождал, пока улица не очистилась. Затем вошел в дом, запер дверь и устроился с ведром пива. Больше меня никто не беспокоил.

Я собирался всех изумить, появившись у Тейтов на рас-свете полностью готовым к отъезду. Но ночью мне пригре-зился скелет логхира.

Это могло быть следствием выпитого пива. Пиво тоже было зеленого цвета. Но игнорировать такие сны не стоит. Вдруг это зов Покойника?

Самое скверное в утренних прогулках то, что на небе си-яет солнце. Его лучи лупят прямо в глаза, и, войдя в дом, вы ни черта не видите.

Так и случилось, когда я вступил в обиталище Покойника. Там было темно, как в склепе.

«Почти вовремя, Гаррет. Ты что, добирался сюда через Хафе?»

– Значит, это был не сон?

«Нет».

– Чего тебе надо?

«Я не смогу издали следить за твоими похождениями. Ес-ли ты нуждаешься в моей помощи и советах, тебе придется время от времени меня информировать».

Я подумал, что это очень похоже на признание, что он пе-редо мной в долгу. Если тебе дают, надо хватать.

– Что ты хочешь знать?

«Все, что ты услышал или узнал со времени нашей по-

следней встречи. Как можно детальнее».

Я рассказал, ничего не пропуская.

Он некоторое время размышлял.

«Запасись отравленными перстнями, Гаррет, а за голенищем носи нож».

Я ждал не такого совета:

– Зачем?

«Ты известен тем, что пользуешься подобным оружием?»

– Нет.

«Веди себя непредсказуемо».

– И ради этого я должен был сюда переться?

«Это самое лучшее, что я могу посоветовать, исходя из того, что ты мне рассказал».

Опять сделал виноватым меня. Как это на него похоже!

Я немного убрал помещение и сжег серные свечи, чтобы укрепить дыхательную систему облепивших Покойника паразитов. Интересно, что сказал бы Морли насчет пользы вдыхания испарений зеленых с мясистыми листьями растений?

Затем я последовал совету Покойника, отправился в оружейную лавку и до ушей нагрузился разнообразными смертоносными предметами. Даже обзавелся несколькими волшебными трюками, о которых слышал еще в морской пехоте. Теперь пусть они только попробуют сунуться. Я готов ко всему.

Лошади. Неизбежная неприятность в ходе длительного путешествия. Если, конечно, не отправиться пешим ходом. Морли Дотс очень высоко ценил верховую езду как прекрасное физическое упражнение. Лично я никогда не любил добровольно причинять себе боль или неудобства.

Я направился к знакомому военному поставщику – черному гиганту по кличке Плеймет. Он был человеком, но явно с примесью чьей-то крови. Девять футов роста и племенные шрамы на щеках придавали ему весьма зловещий вид. А на самом деле это был настоящий милашка и добрейший из людей.

Жуткие черты лица прояснились, когда Плеймет увидел, как я пересекаю его двор. Он бросился мне навстречу, раскинув руки и с такой улыбкой, словно я собирался экипировать целый батальон. Я увернулся, потому что в своем энтузиазме он вполне мог раздавить меня в объятиях. Он мог бы стать первоклассным профессиональным борцом, обладай он хоть каплей инстинкта убийцы.

В свое время я помог ему получить должок. Заставив того парня платить, я спас Плеймета от банкротства. Теперь он чувствовал себя в долгу передо мной. Но думаю, почти так же тепло он приветствовал бы любого незнакомца, заглянувшего к нему с улицы.

– Чем могу быть полезным, Гаррет? Назови, и это – твое на любой срок. Бесплатно.

– Пара лошадей и все необходимое для лагеря месяца на

три-четыре.

– Получишь. Решил попробовать себя в охоте? Неужто здесь дела идут так плохо?

– Получил работу. Потребуется выехать из города.

– За три-четыре месяца можно проделать немалый путь.

Куда же ты направляешься?

– В Кантард.

Я не очень-то уживаюсь с лошадьми. Могу ездить верхом, но очень плохо и когда нет другого выхода. Я городской парнишка и никогда не имел ни возможности, ни желания общаться с животными. Плеймет несколько притормозил. Он посмотрел на меня как на безумного кузена, сморозившего вопиющую глупость:

– Кантард? Гаррет, ты великий человек, и моя вера в тебя не имеет границ. Если какому-нибудь штафирке и удастся живым выбраться из Кантарда, это будешь ты. Но я не настолько уверен в моих животных.

– Я не хочу, чтобы ты отдал их мне просто так. Я собираюсь их купить.

– Не надо говорить со мной таким тоном, Гаррет.

Каким тоном? Я совершенно не собирался обижать парня.

Мы вступили в берлогу, принадлежащую их сатанинским величествам лошадям. Двадцать пар огромных темных глаз следили за мной. Я чувствовал, как они на своем тайном языке оценивают между собой мои стати, плетя против меня заговор.

– Вот это – Громовой, – Плеймет указал на огромного черного жеребца со злобным оскалом, – очень горячее животное, частично тренированное для боевых действий.

– Не надо.

Пожав плечами, мой приятель перешел к чудовищу чалой масти:

– А как насчет Урагана? Быстрый, сообразительный, хотя немного непредсказуемый. Совсем как ты. Вы прекрасно уживетесь.

– Не надо. А также мне не требуется ни Буря, ни Торнадо. Ничего такого, что напоминает о стихийных бедствиях. Мне нужна старая кобыла с кличкой вроде Одуванчик и с соответствующим нравом.

– Это ужасно, Гаррет. Мужчина ты, в конце концов, или мышь?

– Перестань скрипеть! Лошади и я – мы плохо уживаемся вместе. Последний раз, когда я взбирался в седло, тварь ухитрилась посадить меня лицом к хвосту. Потом отказалась двигаться и при этом смеялась.

– Лошади не смеются, Гаррет. Они животные серьезные.

– Побудь со мной, и ты увидишь, как они умеют смеяться.

– Если у тебя такие проблемы с животными, зачем же пускаться в путь посуху? Садись на речную барку, отправляющуюся в Лейфмолд, а там найди каботажное судно, идущее на юг. И ты избежишь шестисот миль утомительного путешествия.

Почему-то такая мысль не приходила мне в голову. Иногда так глубоко забредаешь в заросли, что за деревьями перестаешь видеть лес. Мне не хотелось ехать в Кантард, и я решил проделать вынужденное путешествие как можно быстрее. Считается, что самый быстрый путь – самый короткий. А самая короткая дорога в Кантард проходит по суше.

Тяжелая, как окорок, лапа шлепнула меня по спине.

– Гаррет, ты выглядишь как человек, на которого только что снизошло религиозное откровение.

– Так и есть. И первым апостолом моей церкви будет святой Плеймет.

– Согласен, если для этого не надо принимать мученический венец.

– Главное – верить, мой друг. И делать щедрые добровольные пожертвования. Это все, что потребует от тебя новая церковь.

– Все только и ждут новых откровений. Я тебе не рассказывал, как чуть было сам не основал религию?

– Нет.

– Я серьезно подумывал об этом, когда чуть было не потерял конюшни. Решил, что если существо моего размера облачить в подходящие одежды, то получится прекрасный пророк. Жителям такого тесно населенного богами города, как Танфер, постоянно хочется чего-нибудь новенького.

– Вот уж не думал, что ты такой циник!

– Я? Циник?! Да что ты! Когда тебе снова понадобится

лошадь, Гаррет, заходи. Буду рад.

Появившись у Тейтов с дорожным мешком на плече, я обнаружил, что Морли и тройняшки выглядят крайне самодовольно.

– Ну что, парни, отработали свой хлеб? Или вы просто попрактиковались в терпеливом ожидании нового появления безносой?

Морли оторвался от морковки, чтобы пробурчать:

– Утром пришлось проломить несколько черепов, Гаррет.

Дорис радостно закивал и что-то прорычал на своем диалекте.

– Утверждает, что лично проломил двадцать, – перевел Морли. – Он преувеличивает. Их всего-то было не больше пятнадцати. Некоторых я узнал. Все – второй сорт. Тот, кто их нанял, хотел сэкономить. Что заплатил, то и получил.

Интересно, узнал кто-нибудь из нападавших Морли?

– Что они сумели унести?

– Много синяков и несколько переломов.

– Я имею в виду что-нибудь предметное.

– Разве то, что я назвал, беспредметно?

– Кончай валять дурака. Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– С утра изволим пребывать в скверном настроении? Ты так и не усвоил, что я говорил тебе о пользе богатой клетчаткой пищи.

– Морли!

– Нет, ничего не унесли.

– Наконец-то! Благодарю тебя.

– Что у тебя в мешке?

– Все, что нужно для путешествия. Мы трогаемся.

– Сегодня?

– У тебя есть причины задержаться?

– Вообще-то, нет. Просто я не ожидал.

– Обо всем договорено. Твои ребята к путешествию готовы. Мы немедленно отправляемся на корабль и прячемся там до отхода.

– Корабль? О каком корабле ты толкуешь?

Лицо Морли окрасилось в мертвенно-бледный цвет, словно он увидел привидение. Тройняшки остались зелеными, они выглядели очень мило со светло-зелеными ободками вокруг дыхательных отверстий.

– Корабль? – еще раз прокаркал Морли.

– Именно. Мы спускаемся на барке до Лейфмолда, а там пересаживаемся на каботажник, идущий к югу. Останемся на борту как можно дольше. Затем сойдем на берег и проделаем остаток пути по твердой земле.

– Я смешиваюсь с водой хуже, чем масло, Гаррет.

– Чепуха. Все великие мореплаватели происходили, как и ты, от эльфов.

– Все великие мореплаватели были безумцами. У меня начинается морская болезнь, когда я слежу за гонками водя-

ных пауков. Возможно, поэтому я никогда ни черта не выигрываю.

– Возможно, твоей диете недостает крахмала.

Он взглянул на меня, как обиженный щенок:

– Давай поедем по суше, Гаррет.

– Ни за что. Я не могу ужиться с лошадьми.

– Ну так пойдем пешком. Тройняшки смогут нести...

– Кто здесь платит, Морли?

Он замолчал и нахмурился.

– Слушай хозяина. Мы плывем как можно дальше к югу и затем двигаемся по суше. Упаковывайся и навьючивай своих парней. Мы отправляемся через пятнадцать минут.

Я ушел, отловил папашу Тейта, сказал, что берусь за работу и уезжаю из города. Мы немного пободались насчет суммы расходов. Все кончилось тем, что мы оба получили, что хотели. Я – деньги, а он – рассказ о плане моих действий.

Естественно, ничто не помешает мне его изменить.

Не люблю никого ставить в известность о своих намерениях. Это подрывает мою репутацию непредсказуемой личности.

Речная барка «Цехин Бинки» напоминала жену лавочника. Среднего класса, среднего возраста, немного потерявшая временем, слегка толстоватая и исключительно упрямая. Убедить ее следовать нужным курсом можно было лишь ценой массы усилий и уговоров. Но очень надежная, теплая и неизменно доброжелательная к своим детям. Морли возненавидел ее с первого взгляда. Он предпочитает длинных, тощих, вызывающе ярких и быстрых.

Мистер Арбанос – шкипер – был гномом-переростком из того этнического меньшинства, которое невежды принимают за хобгоблинов (хотя любому идиоту известно, что хобгоблины никогда не появляются днем, так как солнечный свет сжигает их глаза).

Разместив нас в норе, которую он, посмеиваясь над собой, величал каютой, Арбанос отвел меня в сторону и сказал:

– Мы не сможем отойти до утра. Надеюсь, это не нарушит ваших планов?

– Нет.

Но я от природы любопытный и недоверчивый. Естественно, я поинтересовался, в чем причина задержки.

– Запаздывает груз. Самая важная часть груза. Двадцать пять бочонков «Танферского золотого», которое они не доверяют никому, кроме меня и брата. Только мы можем до-

ставить его вниз по реке, не повредив.

«Танферское золотое» – первоклассное вино, но не любит перевозок.

– Вот и приходится сидеть, – жаловался он, – с восемью тоннами картофеля, двумя тоннами лука, тремя тоннами железа в чушках и сорока бочками соленой свинины для флота, которые наверняка потекут, пока они нянчатся со своим испорченным виноградным соком, доставляя его с Тагенда. Если бы мне не платили за вино больше, чем за весь остальной груз, я бы объяснил им, как следует поступать с этой «Танферской золотой» отравой! Держу пари, объяснил бы.

Декларация судового груза. Потрясающе интересно!

– Ничего страшного. Если мы попадем в назначенное место достаточно быстро.

– Можете не беспокоиться. Несмотря на задержку, мы прибудем почти в то же самое время.

– Вот как? Каким образом?

– Мы отойдем во время прилива, а это даст нам в самом медленном месте течения лишних пять узлов. Я заметил, что ваши друзья не показываются наверху, вдыхая внизу запах рыбы, и подумал, что вам не терпится убраться отсюда. А ваш приятель, как я понял, не выносит запаха трески.

Будучи по природе исключительно вежливым человеком, я не хотел употреблять слово «зловоние» и сказал:

– Раз уж вы подняли этот вопрос...

– Что?

– Подождите!

Один из кузенов (а может, племянников из семейства Тейт) ковылял по пристани, пялясь безумным взглядом на ошвартованные суда. С головы до ног его украшали засохшие пятна крови. Люди расступались и молча смотрели ему вслед.

Заметив меня, кузен заковылял быстрее. Я двинулся ему навстречу.

– Мистер Гаррет! Они захватили Тинни и Розу! Говорят, что если мы не отдадим им бумаги Денни...

Он рухнул. Я подхватил его, взял на руки и отнес на борт «Цехин Бинки».

Шкипер Арбанос свирепо взглянул на меня. Но прежде чем он начал ныть, я успел бросить ему пару марок. Он мгновенно преобразился, как оборотень в полнолуние. Со стороны могло показаться, что наш шкипер – послушный маменькин сынок.

Когда в животе у парнишки забулькала добрая порция бренди, он смог рассказать, что произошло.

Роза и Тинни, как обычно, после полудня отправились за покупками. Их сопровождал Лестер с кузенами и племянниками и кое-кто из кухонной прислуги. Когда они возвращались и слуги с мальчиками тащили овощи и все остальное, разразилась катастрофа в лице Васко и полудюжины бандитов.

– Они схватили Розу и Тинни, прежде чем мы успели бро-

свить покупки и выхватить оружие. Только дядя Лестер сумел... Они убили его, мистер Гаррет.

– Вы нанесли урон противнику?

Парнишка не выглядел бы так скверно, если бы не было попытки отбить девиц. Мне надо было узнать, сколько крови пролито, чтобы понять, остались ли у Розы с Тинни хоть какие-то шансы.

– Небольшой, – сказал он. – Думаю, мы никого не убили. Нам пришлось отступить первыми. Когда они сказали, что вернут заложниц, как только получают письма Денни, его записи и все остальное.

Им незачем идти на новое убийство. Баланс налицо: один из их компании за дядюшку Лестера. Можно начинать торговаться. Сложность в другом: если я начну участвовать в обмене, они поймут, что я отправляюсь на юг.

Я ухмыльнулся.

– Сдается мне, что дело скверно, – произнес Морли.

– А я думал, ты где-то прячешься.

Интересно, долго он сидит сзади на мешке с луком? Надеюсь, недостаточно долго, чтобы услышать лишнее.

Морли пожал плечами.

– Они сказали, где их можно будет найти?

– Да. У «Железного...».

Перед нами материализовался сам Уиллард Тейт. А я-то считал, что папаша никогда не выходит за пределы семейного обиталища. Трясаясь с ног до головы, он взял «Цехин Бин-

ки» на abordаж. Уиллард пыхтел от усилий и пребывал в такой ярости, что мог только брызгать во все стороны слюной.

– Присаживайтесь, папочка, – сказал я. – Мы уже обдумываем ответные действия.

Он плюхнулся на другой мешок лука, удостоив Морли коротким кивком. Шкипер Арбанос был явно недоволен, но держал пасть на замке.

– Суть в том, – сказал я, – что нам следует пойти на обмен.

Тейт брызнул слюной, кивнул и затем выпалил:

– Если бы там была только Роза, у меня возникло бы сильное искушение послать их к дьяволу.

– Полностью с вами согласен. Теперь послушайте. Я сложил письма и все остальное в короб и взял с собой, чтобы эти клоуны не наложили на бумаги свои лапы. Да, я их недооценил. Теперь нам надо организовать обмен так, чтобы получить дам в целости и сохранности. Думаю, я смогу это сделать, но вы должны полностью мне довериться.

Старик снова принялся пускать слюни.

– Он собаку съел в таких делах, мистер Тейт, – вмешался Морли. – Дайте ему использовать свой опыт.

Его тон был гораздо дипломатичнее, чем мой.

– Хорошо. Я слушаю, – сказал Тейт, сверкнув в мою сторону глазами.

– Капитан Арбанос, во сколько мы отправляемся завтра утром?

– В семь часов пять минут.

– Вы, мистер Тейт, идите к этому «Железному...». – Я щелкнул пальцами в сторону кузена.

– «Железный гоблин», – подсказал он.

– В «Железный гоблин». Тому, кто вас встретит, скажите, что женщины должны быть доставлены сюда завтра утром в семь часов пять минут. Иначе – никакого соглашения. Я со-общу, где они смогут достать бумаги, как только буду убежден, что женщины невредимы и их возвращают. Если капитан Арбанос даст мне перо и чернила, я изложу инструкции на бумаге.

Тейт хотел заспорить. Ему постоянно хочется спорить. Даже если вы скажете, что небо синее. Я позволил ему ды-миться, пока царапал записку. Шкипер Арбанос скоро раз-богатеет, оказывая мне услуги.

– Представьте себе, что вы – это я, – сказал я Тейту, за-кончив писать. – Никаких споров. Скажете: или они согла-шаются, или дело закрыто.

– Но...

– Они согласятся. Они не ждут, что я стану им доверять. Они предполагают, что я приму необходимые меры предо-сторожности. И попытаются узнать, что я собой представ-ляю. Они выяснят, что я провел несколько подобных опера-ций и все кончилось так, как хотел я.

Это было чистой правдой. По крайней мере, до сих пор. Но на этот раз обменом дело не ограничивалось. Сам обмен был частью чего-то большего.

Кажется, я тоже начал воспринимать все слишком лично.

Тейт излил наконец свое раздражение, с трудом превратил страх в подчинение, взял мою записку и отбыл. Мы, промыв и перевязав парнишке раны, отправили его домой.

Васко не хотел играть по моим правилам, хотя и привел в порт женщин, появившись для переговоров. И появился вовремя, а значит, все пойдет по-моему, если я сумею проявить твердость.

Он оставил Розу и Тинни в пятидесяти футах от меня под охраной полудюжины своих людей и поднялся на борт.

– Не успокоишься, пока тебе не перережут горло? – поинтересовался я.

Васко сжал губы, но на приманку не клюнул. Там, в Кантарде, сержанты хорошо дрессируют сохранять самообладание. Оглядевшись по сторонам, он не заметил никакой опасности.

А следовало бы заметить. Я потратил массу сил, чтобы сдержать Морли, который рвался атаковать бандитов и заставить их хорошенько искупаться в реке.

– Хочу предупредить тебя, – сказал я Васко, – что лично мне не нужны ни эти девицы, ни бумаги, за которыми ты охотишься. Поэтому я и согласился на обмен.

– Где документы, Гаррет?

– Где женщины?

– Там. Разве ты не видишь?..

– Я не вижу их на борту. Ты ничего не узнаешь, пока я не буду уверен, что у тебя не остается времени надуть меня.

– Но зачем мне тебя обманывать?

– Не знаю. В последнее время твои действия не отличались здравым смыслом.

– Ты не спровоцируешь меня на глупости, Гаррет.

– И не собираюсь. С этим ты прекрасно справляешься без моей помощи. Давай женщин сюда.

Шкипер Арбанос готовился отдать швартовы.

– Какие гарантии, что не обманешь?

Я начал приводить доводы:

– Во-первых, я всегда работаю честно. Тебе моя репутация известна. Во-вторых, мне эти документы ни к чему. В-третьих, я знаю тебя, и мне нет нужды усложнять себе жизнь. В случае чего я всегда смогу до тебя добраться.

– Изображаешь крутого, Гаррет? Смотри обожжешься!

– Может быть, пошлешь Барберу наехать на меня?

Его губы сжались еще сильнее. Резко повернувшись, он спрыгнул на пирс и махнул рукой своим гориллам. Те отпустили женщин. Я поманил их к себе.

Девушки медленно двинулись вперед. Наверное, они думали, что вот-вот прольется кровь.

Васко стоял в нескольких шагах от края пирса.

– Так где же бумаги, Гаррет? – спросил он.

Отвечать пока не следовало. Васко все еще находился между мной и женщинами. Я лениво, как утомленный турист, обвел взглядом порт.

Тут я и заметил тех двоих, которых уже видел в забега-

ловке Морли. Большого и Безобразного. Не рядом. Но оба они болтались поблизости, стараясь ничем не выделяться в толпе портовых зевак и прохожих.

Я отступил на несколько шагов, как бы освобождая пространство, чтобы девицы могли подняться на борт.

– Посмотри-ка на парня, сидящего на тюке хлопка, – шепнул я Морли, который скорчился между мешками с луком.

– Гаррет, живее! – крикнул Васко.

Я проигнорировал его вопль. Женщины были в нескольких ярдах. Даже на кислой физиономии Розы появилась надежда.

Шкипер Арбанос начал отдавать швартовы.

– Вижу, – прошипел Морли. – Что в нем такого?

– Кто это?

– Откуда мне знать? Никогда его не видел.

– Зато видел я. Прошлой ночью. Вместе с тем амбалом, который стоит, опершись на бочки с солониной.

Я хотел было рассказать ему, где я их видел и когда, но решил приберечь рассказ к старости.

– Этого я тоже не знаю, – прошептал Морли.

– Говори же, Гаррет!

Васко решил, что я его обманываю, и двинулся к девицам.

– Бегите! – взревел я. И крикнул Васко: – Бумаги хранятся в коробке, в заброшенном доме на дороге Арлекина, в половине квартала к западу от Руки Чародея!

– Тебе не спасти задницу, Гаррет, если их там не окажется.

– В любое время могу тебе продемонстрировать ее, Васко. В любое время.

Барка начала отходить от пирса. Женщины последовали моему совету, припустили во весь дух и прыгнули. В мои объятия упал очаровательный груз. Морли выскочил из-за мешка и подхватил Розу, пробормотав подходящие к месту слова о нежданно свалившемся сокровище. Я одарил его насмешливым взглядом.

Васко зарысил прочь, отдавая на ходу приказы своему войску.

Я не удержался и хихикнул.

– Что здесь смешного? – спросила Тинни.

Она и не собиралась отлипнуть от меня. Видимо, ее придется оттолкнуть... но не раньше чем через неделю.

– Я представил, что произойдет, когда они попытаются забрать бумаги.

– Вы хотите сказать, что соврали ему?

Мы находились в пятнадцати футах от пирса. Безобразный поднялся с хлопковых тюков. Он не обращал на нас внимания. Мне тоже, честно говоря, было трудно уследить за ним. Тинни держалась крепко.

– Нет-нет. Я сказал правду. Но я не сказал всей правды.

– Дилетанты, – произнес Морли, отрываясь от Розы, которая прилипла к нему, как Тинни ко мне. – Будь они профи, знали бы, что это обиталище Покойника. Ну и скользкий же ты хитрец, Гаррет! Напомни, чтобы я никогда не прихватыв-

вал тебя. Если тебя сильно сжать, ты обязательно выскользнешь и окажешься сверху.

Я посмотрел на двух незнакомцев на берегу и задумался.

– Я же говорила, что поеду с вами, Гаррет, – прокаркала Роза с таким видом, будто это она спланировала всю операцию.

Девушка сумела быстро оправиться от страха.

– Возможно, вы так думали, – сказал я. – Возможно.

Я рассчитывал уговорить шкипера через пару миль придержать барку и высадить женщин.

Проклятье! У этой Тинни нет никакой жалости.

Я решил, что она мне нравится.

В этот момент на пристань притрусил старик Тейт, но успел лишь прокричать нам слова прощания.

– Капитан Арбанос, где бы вы могли притормозить, чтобы высадить на берег этих дам? – проорал я как можно громче, чтобы донести мое желание до папаши Тейта.

– В Лейфмолде.

В Лейфмолде. В самом конце нашего пути к побережью.

Он остался непреклонен и глух к предложениям денег. У него, видите ли, репутация, расписание и прилив, и он не пожертвует ничем ради жалкой суммы, которую я способен ему предложить.

Пока мы препирались, губы Розы не покидала нехорошая улыбка.

Улыбка Тинни обещала более приятные перспективы.

Главное, на этой проклятой посудине негде было уединиться. Если вы, поглаживая ручку, начинали нашептывать на ушко нежные слова, тут же откуда ни возьмись появлялись Дорис, Марша, Дожанго или кто-то из команды и начинали пялиться на вас. Мы с Морли едва не спятили. Роза явно желала поддерживать с ним весьма дружественные отношения. Надо сказать, у него дьявольское обаяние.

Видимо, в вегетарианской диете все же есть какая-то польза.

До Лейфмолда не так уж далеко. При первой возможности я отвел Морли в сторонку и спросил:

- Как мы сплавим эту парочку?
- Выбирай слова, Гаррет. Хотя я могу понять твое угнетенное состояние. Имеют ли наши работодатели надежные связи в Лейфмолде?
- Не знаю.
- Почему не знаешь?
- Не было причин интересоваться.
- Скверно. Придется использовать все наши чары, чтобы получить надежную информацию от девочек.

Я не услышал оптимистичных ноток.

Роза рассмеялась нам в лицо, когда мы попытались что-нибудь выведать. Тинни просто прикинулась глухой.

Мы с Морли отправились на корму поразмышлять вместе.

– Мы не можем позволить себе этого, – пробурчал он после продолжительной паузы.

– Хм... – выступил я.

– Абсолютно не можем.

– Хм...

– Юбки в Кантарде. Хуже, чем яд, насколько мне известно. Если мы отправимся туда с дамами, мы покойники. На все сто.

– Знаю. Но мы не можем просто взять и убежать от них.

Он внимательно посмотрел на меня и произнес:

– Если бы это не повредило нашим деловым отношениям, я сказал бы, что ты излишне романтичен. Багаж есть багаж. И в них нет ничего такого, чего нельзя получить от других.

На реке царило оживление. Все захотели воспользоваться приливом. Большинство судов были быстрее, чем «Цехин Бинки». Но какое-то похожее на яхту судно, казалось, вело нас на поводке.

– Не знаю, как ты, имея такие взгляды, исхитрился до сих пор остаться в живых, – талдычил свое Морли.

Яхта могла гордиться изящными обводами и полосатыми красно-желтыми парусами. От нее так и разило богатством вкупе с властью. Красавица тащилась сзади, хотя без всякого труда могла нас обойти.

– Они обожают, когда с ними так обращаются, Гаррет. Если ты не относишься к ним как к крысам, они начинают счи-

тать, что сами отвечают за свое поведение. Ты же знаешь женщин. Они ни за что не согласятся признать, что получают удовольствие, суя нос в чужие дела.

– А что, если мы попробуем... если на это пойдет капитан Арбанос?

– Я весь внимание.

– Перед самым входом в порт мы девиц свяжем. На время выгрузки и погрузки шкипер их куда-нибудь спрячет, а затем доставит назад в Танфер как часть своего груза.

– Звучит прекрасно. Когда будешь с ним говорить, не забудь спросить об этом корыте с полосатыми парусами.

А я-то думал, он ничего не заметил.

Шкипер Арбанос согласился с моей идеей, но повел себя как настоящий морской разбойник. Я был между молотом и наковальней, и он это знал. Пришлось заплатить. В конце концов, все траты пойдут из кармана Тейта.

Я поинтересовался яхтой с полосатыми парусами.

Он посмотрел на меня как на слабоумного, но все же ответил:

– Простите, я забыл, что вы человек сухопутный. Позади нас идет «Тайфун» – личный корабль штурмлорда Громоголового. На реке всем это известно. Он постоянно ходит между Танфером и Лейфмолдом под флагом штурмлорда.

– Ничего себе, – пробормотал я.

– Правда, самого штурмлорда на яхте не бывает. Ею командует некто женского пола из племени картов – сука с нра-

вом бездомной кошки. Сумела поцапаться со всеми. Поговаривают, что иногда по ночам она спускает цветные паруса и поднимает черные.

– Что это значит?

– Это значит, что, когда никто не видит, она становится речным пиратом.

– Просто слухи? Или же в сплетнях есть доля истины?

Попасть в лапы пиратов, находясь на мирной речной барке! Классическое проявление моей «удачи». Среди богов наверняка есть парень, который занимается лишь тем, что чинит мне неприятности.

– Кто знает? Вообще-то, пираты существуют. Однажды я даже видел их.

– И?..

Шкипер очень хотел, чтобы его просили продолжать.

– Они не оставляют свидетелей. Поэтому я никогда не принимаю на борт груз, который может показаться им привлекательным.

У меня в голове со скрипом, как в механизме водяных часов, начали вращаться шестеренки. Боюсь, эти часы шли чересчур медленно. Какой груз мог привлечь внимание пиратского судна, принадлежащего одному из штурмлордов? И вообще, что все это может означать для меня?

Серебро. Милое, милое серебро. Топливо для локомотивов чародейства.

Неужели еще одно осложнение?

Наверное, так и есть, дьявол его поberi! Все остальные трудности вроде бы позади.

Я отвалил шкиперу Арбаносу щедрую порцию сладостного металла, и он заверил, что все мои желания насчет женщин будут выполнены неукоснительно. К ним будут относиться как к членам королевской семьи, а после прихода «Цехин Бинки» в Танфер он, капитан Арбанос, лично доставит девиц старику Тейту.

Большого невозможно было желать.

Экипаж шкипера Арбаноса (все – его родственники) вступил в дело ночью, перед приходом в Лейфмолд. Они захватили барышень спящими.

Такого кошачьего концерта, такого потока непристойностей мне слышать не доводилось. Я ждал, что Роза окажется не слишком любезной. Но Тинни я считал наполовину леди. Она орала гораздо сильнее.

Но в целом операция прошла гладко.

Слева от нас открывалось море. В миле справа на высокие холмы карабкался Лейфмолд. Мы ждали лоцмана, его знания были необходимы, чтобы «Цехин Бинки» избежала многочисленных ловушек, расставленных против венагетских рейдеров.

Морли убивал время на баке.

– Подойди-ка, – сказал он, лениво махнув рукой.

Он грыз сырую картофелину, похищенную из груза шкипера Арбаноса.

Я посмотрел на него с отвращением.

– Не так уж и плохо, если немного присолить, – пояснил Морли.

– Ну да, и полезно для здоровья.

– Несомненно. Взгляни-ка на эту гусыню. Там, в гавани.

Я посмотрел и понял, что он имел в виду.

Яхта с цветными парусами уже ошвартовалась у пирса. Она обогнала нас ночью и получила первого свободного лоцмана.

– Да, за ней надо бы последить, – сказал я.

– Ты читал записи Денни? Он упоминал где-нибудь о штурмлорде Громоголовом?

– Нет, но один-два других чародея назывались. Стоило бы поискать косвенные связи.

Когда вы подозреваете, что в ваше дело вовлечены чародеи, самое разумное – исходить из худшего.

Не исключено, конечно, что полосатые паруса не имеют к нам никакого отношения. Но я не желаю рисковать, и пусть думают, что у меня мания преследования.

Когда мы швартовались, женщины вопили на все голоса, но никто не обратил на это внимания. Морли, Дорис, Марша и я сошли на причал и отправились на поиски каботажников, которых порекомендовал шкипер Арбанос. Дожанго

оставили для наблюдения за яхтой штурмлорда. Даже если они задумали недоброе, узнать Дожанго они не могли.

На сей раз фортуна нам улыбнулась. Мы нашли посудину под названием «Золоченая леди», которая собиралась отчалить следующим утром. Капитан был настолько мил, что согласился принять плату за проезд. Физиономия Морли начала приобретать сероватый оттенок.

– Ты же прекрасно выдержал путешествие по реке.

– На реках, Гаррет, не бывает волн. Здесь же они накатывают на берег, а мы пойдем вдоль валов. – Его глаза округлились. – Знаешь, давай не будем об этом толковать. Найдем местечко подзаправиться и отправимся в город. Я знаю одно заведение, которое даже лучше, чем мое, – только не говори никому об этом, – и там ты сможешь наконец попробовать...

– У меня что-то нет аппетита на корешки и орехи, Морли. Перед долгим путешествием я предпочел бы нечто более телесное.

– Телесное? Ты совершенно не заботишься о своем теле! Обещаю, тебе понравится это заведение. Порадуй свой организм чем-нибудь новеньким. Эта мясная пища в конце концов убьет тебя.

– Раз уж ты поднял этот вопрос, Морли, давай-ка посчитаем. Кто умрет раньше? Я – питаюсь чем хочу, или ты – путаясь с чужими женами?

– Ты смешиваешь яблоки с апельсинами, приятель.

– Не смешиваю и говорю вполне серьезно.

Секунд пятнадцать он молчал, а затем проговорил:

– Зато я умру счастливым.

– Я тоже, Морли. Но без ореховой скорлупы, застрявшей между зубами.

– Сдаюсь, – сказал он. – Валяй, совершай медленное самоубийство, отравляя себя.

– Именно это я и намерен сделать, – сказал я, заметив на берегу таверну. Путешествуя по реке, мы не выпили ни капли, и я добавил: – Сначала хорошенько промочу глотку.

Дорис и Марша тоже заметили забегаловку. Они заметили, что-то бормоча. Морли тоже перешел на их тарбарщину.

Бог мой! Неужели вся тройня не в ладах с алкоголем?

Вслух я произнес:

– Как только найдем крышу над головой, надо будет сказать Дожанго, где нас искать.

Морли, кажется, нашел компромисс с Дорисом и Маршей.

– Они могут получить по ведру на брата. И все.

– Ведру?

– Они же крупные ребята, Гаррет.

– Это я заметил.

Мы отправились в таверну. Еще было рано, и она оказалась полупустой. Тем не менее, едва мы переступили через порог, наступила тишина. И такая глубокая, что я понял: мы здесь нежеланные гости.

Они думают, что это меня остановит. Я бросил на стойку

бара монетку:

– Кружку пива для меня и по ведру для больших ребятишек. Для моего третьего приятеля сойдет любое варево, приготовленное из пастернака.

Холодный взгляд. Ледяные слова:

– Их породу мы здесь не обслуживаем.

– Что ж, ваше счастье, что они не очень хорошо понимают по-карептийски. Посмотрите на них, они пока улыбаются. Их улыбки исчезнут, как только я переведу им ваши слова. Вы знаете, какими становятся гролли, если рассердятся.

Хозяин взвесил аргументы. Возможно, он вступил бы в спор, если бы чувствовал за собой поддержку сорока–пятидесяти человек. Но Дорис и Марша начали улавливать, откуда ветер дует. Улыбки исчезли, и на мордах зловеще зашевелились складки.

– Нам нужно пиво, – добавил я, – а не ваши бабы.

Хозяин не рассмеялся. Он направился к бочонку. В мире мало сыщется идиотов, готовых разозлить гролля.

– Пиво недурственное, – заметил я, осушая третью кружку, пока Дорис и Марша возились со своими молочными бутылочками. – И то, что вы нам его налили, не повредило вашему здоровью?

Бармен не был расположен к светской беседе.

Большая часть посетителей оставила заведение.

Мы последовали их примеру.

На улице толпилось полсотни мрачного вида мужчин.

– Нам следует осмотрительнее выбирать места для прогулок, – заметил я.

– Мне нравится твой образ мыслей, Гаррет.

В нашу сторону полетела половинка кирпича, брошенная типом по имени Некто. Дорис – а может, Марша – вытянул лапу и схватил метательный снаряд. Бросив на него взгляд, он сжал пальцы. На землю посыпался прах от раздавленного кирпича.

Это произвело сильное впечатление на меня, но не на толпу.

Тогда одному из тройняшек пришлось вырвать столб, на котором болталась вывеска таверны, сорвать ее и замахнуться столбиком.

На этот раз до них дошло. Толпа начала испаряться.

– Скажи, мог бы мул совершить такое? – спросил Морли.

Мы были крайне осмотрительны, выбирая место для ночлега.

– Куда он, к дьяволу, запропастился? – сурово спросил я. От Дожанго не было ни слуху ни духу.

Морли выглядел страшно унылым. Он унывал уже так долго, что я даже подумал, не стоит ли прикупить ему пучок морковки или чего-нибудь в этом роде.

– Наверное, придется прочесать все пивнушки и прилегающие к ним проулки, – пробурчал он.

– Я хочу взглянуть на ту яхту. Найди меня на пирсе, когда обнаружишь его.

Морли что-то сказал двум оставшимся близнецам. Те хрюкнули в ответ и отбыли. Я отправился туда, откуда можно было хорошо рассмотреть судно с полосатыми парусами.

Признаться, смотреть было не на что. Несколько человек лениво тащили груз с борта, потом поднимали другой груз на борт. Легко понять, почему Дожанго решил смыться. Наблюдение – скучное занятие. Только очень терпеливый парень смог бы заработать этим себе на жизнь.

Вдруг на юте возник какой-то тип, он облокотился на фальшборт, зевнул и сплюнул в воду.

Любопытно. Это был Большой, которого я видел в заведении Морли и на пирсе.

Как будто услышав меня, он принялся внимательно изучать побережье. Затем, пожав плечами, Большой исчез в ка-

юте.

Забавно.

Может, Дожанго не оставил бы свой пост, если бы тоже видел этого парня раньше.

Я расслабился в тенечке, мечтая о бочонке пива и гадая, почему так сильно задерживается Морли. Больше ничего не произошло, не считая того, что грузчики закончили работу.

Позади я слышал шарканье. Может быть, наконец...

Но, оглянувшись, я узрел перед собой Большого. Вид у него был явно недружелюбный.

Я скатился со своей кипы хлопка. Неужели придется воспользоваться смертоносным оружием?

Он приблизился и врезал короткой дубинкой по тому месту, где я только что находился. Никаких обвинений. Никаких вопросов. Чисто деловой подход. Чуть уклонившись в сторону, я двинул ему в солнечное сплетение.

Ну да, с тем же успехом можно нокаутировать бочку солонины.

Этой дубинкой, успел я ужаснуться, собираются разбить всмятку мои мозги. Я выхватил нож.

Воспользоваться им не пришлось. Кавалерия в лице Дориса и Марши, как и положено, вовремя прискакала на помощь. Гроль схватил Большого за руку и приподнял, словно куклу. Зеленая морда медленно расползлась в широкой ухмылке. Затем гроль небрежно швырнул свою жертву через тюки в воды гавани.

Большой за все это время так и не издал ни звука.

Мою же ругань, думаю, можно было услышать и за пятьдесят миль.

Дорис – а может, Марша – жестом пригласил меня следовать за ними. Я повиновался, ворча:

– Я бы и сам его уделал.

Примерно так, как я уделал Плоскомордого: колотясь башкой о дубинку, пока та не сломалась бы.

Не скажу, что все это повысило мою самооценку.

Дожанго не упился до бессознательного состояния. Он накачался до состояния, в котором воют на луну и лезут на стены. Марша удерживал его, пока Дорис рассказывал, что произошло в порту. Или наоборот – Дорис удерживал, а Марша рассказывал. Различать их – выше моих сил.

– Плохо дело, – сказал Морли. Чувство юмора явно покинуло его.

Действительно, дело плохо. Мне и раньше приходилось схватываться с чародеями. Их можно одолеть, если у вас быстрые ноги. Они хуже уличной шпаны. Их мораль крива, как куриная нога. Если вы слышите о дурнопахнущей заварушке, знайте – в ней замешан чародей. При этом для публики они стремятся сохранить видимость порядочности. Поэтому носите в дорожной сумке немного дегтя – припугнуть при случае носителей магической мудрости.

– Завтра мы уже исчезнем отсюда, и тревоги будут позади.

– Тревоги будут позади, когда я научусь выигрывать на бегах Д’Гуни.

– То есть никогда?

– Или чуть позже.

– Я начинаю подумывать, не пересмотреть ли твою диету, Морли. Судя по твоему неизбывному пессимизму, возник дефицит существенных элементов.

– Единственный дефицит, который меня беспокоит, – нехватка удачи, средств и женского общества.

– Я думал, что ты и Роза...

– Как ты однажды тонко подметил, она стремится получить что-то ни за что. Перед ней открылась единственная в жизни возможность обогатиться незабываемым опытом, а она решила продать себя! Как будто в ней есть что-то особенное. Женщина с таким характером никогда не разовьет свои таланты. Я никогда не понимал вас, людей. То, что вы творите со своими женщинами...

– Мое обращение с ними ничем не отличается от твоего. Проблемы Розы – это ее проблемы. И вообще, мне не нравится, когда кое-кто начинает валить свои грехи на других.

– Стоп, Гаррет. Слезай с пьедестала.

– Прости. Я просто представил, какой мне завтра предстоит денек.

– Какой?

– Весь день выслушивать стоны и вопли Дожанго и наблюдать, как он выворачивает потроха за борт, возлагая от-

ветственность за свое пагубное пристрастие на матушку или кого-нибудь еще.

Морли осклабился в ответ.

Дожанго, судорожно схватившись за поручни и издавая ужасные звуки, приносил жертву богам моря. Затем последовало жалобное стенание.

– О чем я говорил? – Я не удержался.

Мы находились в двадцати футах от пристани.

Морли и сам слегка позеленел. В предвидении предстоящего главным образом. Судно лишь едва заметно покачивалось.

К нам подошел капитан. Теперь, когда корабль вышел в судоходный канал, у него появилось время для пассажиров.

– Утром я разговаривал с начальником порта, – начал он. – Военная обстановка – спокойная. Путь свободен до самого Фулл-Харбора; и если хотите, можете оставаться на судне до самого конца.

– Конечно хотим.

Морли застонал. Дожанго проскрипел, что прыгнет сейчас за борт и разом покончит со всеми страданиями.

Я ухмыльнулся и начал торговаться с капитаном о размерах дополнительной платы.

Где-то на полпути по каналу гролли что-то забормотали, обращаясь к Морли. Мы подошли узнать, в чем дело, и увидели, что проходим мимо «Цехин Бинки». Девицы Тейт дышали воздухом на палубе. Они нас заметили, когда мы пы-

тались улизнуть по правому борту.

– Сдается мне, они чем-то огорчены, – произнес Морли. Изобразив улыбку, он помахал рукой.

– У женщин отсутствует чувство пропорции, – сказал я, ослабилась и тоже послал привет ручкой. – Слегка вильнут хвостом в вашу сторону и считают, что после этого вы обязаны есть из их рук.

Я взглянул на Тинни и подумал, что это, быть может, не так уж и плохо.

Пока девицы сотрясали воздух, я подумал, не вклеить ли в счет Тейту принесенные ради него жертвы.

Проскочив мимо «Цехин Бинки», мы выскользнули из канала. Когда «Золоченая леди» начала разворот к югу, судно шкипера Арбаноса уже превратилось в далекое темное пятнышко.

– Будь я проклят!

Это было утро встреч старинных друзей. В лейфмолдский канал втягивалась речная шаланда, неся на своем борту Васко и его приятелей.

– Чтоб ты сдох, Покойник! – пробормотал я. – Надеюсь, ты хоть помолотил их слегка.

Они нас не заметили. Я заставил всех убраться с палубы, так, на всякий случай.

Я надеялся, что Покойник задержит их гораздо дольше, и теперь начал беспокоиться, не придется ли жалеть о том, что сделано.

– За этими пиратами нужен глаз да глаз, – ворчал Морли. – Они могут нас умертвить ночью, когда мы будем болтаться в подвесной койке и портить во сне воздух в кубрике, где и без того дышать нечем.

Судно закончило поворот и шло теперь в прибрежных водах.

Морли напрасно волновался. Команда относилась к нам превосходно. Путешествие прошло без приключений. Лишь однажды яхта штурмлорда обогнала нас, взлетая и проваливаясь на морских волнах, для которых не была создана. Мы, похоже, ее не заинтересовали. В первом порту, куда мы зашли, ее не оказалось.

Один раз мы заметили королевский военный корабль, да марсовый на грот-мачте как-то прокричал, что видит на горизонте парус венагетов. Обе встречи ни к чему не привели. Через восемь дней после отплытия из Лейфмолда мы вошли в порт Фулл-Харбора. И там полосатого паруса не оказалось.

Для разнообразия во мне пробудился некоторый оптимизм.

– Прибыли, – ворчал на следующее утро Морли. – Что теперь?

Он давился печеными кактусами с жирной подливой. Из всего меню это блюдо более всего напоминало вегетарианский завтрак.

– Теперь я попытаюсь отыскать след женщины. Ее родичи должны находиться здесь. Возможно, они что-нибудь знают.

Даже для меня это звучало слишком просто. Но иногда ведь получается именно так, как вы задумываете. Вот будет здорово, если она вдруг обнаружится в доме папочки. Я произнесу нужные слова и отбуду восвояси, унося с собой ее «да» или «нет».

Фулл-Харбор изменился и в то же время остался прежним. Новые здания. Новые верфи. Новые улицы, проложенные после расчистки развалин, возникших в результате набега венагетов три года назад. Но все те же старые проститутки, жральни, ломбарды, сверхдорогие ночлежки и портные, наживающиеся на мальчишках – солдатах и моряках, вырванных из дома и брошенных в объятия смерти. Только боги знают, сколько я убил времени и истратил денег в подобных местах. Всякие реформаторы выступают с призывами положить конец притонам похоти и прочим подозрительным заведениям. Ничего не получится. Ребятам просто

негде будет проводить время.

Я ждал ядовитых комментариев Морли Дотса, но он приятно разочаровал меня:

– Вы, люди, несчастные существа, и здесь сосредоточено все самое лучшее, о чем только может мечтать солдат.

Наверное, в нем заговорила его человеческая ипостась.

Мы – единственная раса на планете, которая постоянно ведет крупные войны. Остальные, особенно эльфы и гномы, время от времени затевают свары – редко больше одной за поколение. Происходит одна схватка с минимумом волшебства. Победитель получает все.

Многие из них участвуют в наших деяниях. Они могут оказаться полезными, но на них нельзя полагаться. У них напрочь отсутствует понятие о дисциплине.

– Ты прав. Итак, ищем себе базу и приступаем к работе.

Мы, как лица гражданские, привлекали к себе всеобщее внимание. Мне это вовсе не нравилось. В моем деле лучше оставаться незаметным.

Мы нашли место, где принимали и гражданских, и различных гибридов и при этом не старались обобрать до нитки. Я подкупил хозяина, чтобы он держал алкоголь подальше от тройняшек, и вместе с Морли отправился на улицу.

На карте Фулл-Харбор несколько напоминает омара: голова между двумя клешнями. Город как таковой, порт и инфраструктура расположены на выдающемся в море участке суши. Клешни прикрывают его от самых свирепых штормов.

Город легко защищать. Венагетам лишь дважды удавалось захватить его, потеряв при этом почти всю армию. Чем дальше от моря и военно-морских сооружений, тем «цивилизованнее» становилось поселение. На перешейке полуострова возвышалось несколько пологих, поросших деревьями холмов – прибежище домов самых богатых граждан.

Военачальники в городе не жили. Не желали подвергать риску себя и свою собственность в случае молниеносного, подобного тропическому урагану, нашествия венагетов.

Забавно: те же люди были готовы ради славы и прибыли сражаться в первых рядах кантардской армии, но...

Я понимаю их не больше, чем лягушек. Наверное, эта ущербность – результат моего низкого происхождения.

Папаша моей Кейен был одним из Синдигов и обитал на Холме с женой, четырьмя слугами и восемью детьми. Кейен была старшей.

Нахлынули воспоминания, неся с собой ностальгию. Пока нанятый нами экипаж удалялся от моря, поднимаясь на холмы и вновь спускаясь в долины, картины прошлого становились все ярче.

– На что ты уставился с таким мечтательным видом? – поинтересовался Морли.

Мы оставили тройняшек в гостинице. Меня это сильно смущало, хотя Морли и заверил меня, что у зеленых любителей пива нет ни фартинга.

– Воспоминания о былом. Юношеская любовь. Первая

любовь. Среди этих самых холмов.

Я не стал посвящать его в подробности. В конце концов, телохранителю необязательно знать все пикантные детали.

– Я сам по натуре чувствительный романтик, Гаррет. Но никогда не подозревал, что этим страдаешь и ты.

– Я? Рыцарь в заржавленных доспехах, всегда готовый спасти недостойную девицу или сразиться с драконом, рожденным бредом сумасшедшего? Неужели я не вписываюсь в этот образ?

– Вот видишь? Романтические образы... Ты готов работать на психа, если у него водятся деньги. Ты понимаешь, что одержимого можно ободрать как липку, высосать его, как паук муху.

– Я никогда так не поступаю.

– Знаю. Ты действительно жаждешь спасти девиц и сторонников гиблого дела – пока получаешь достаточно смазки для ржавых шарниров своих лат.

– А еще я люблю пиво.

– Ты начисто лишен честолюбия, Гаррет. В этом твоя главная беда.

– Знаешь, напиши-ка ты книгу обо всех моих недостатках, обнаруженных Морли Дотсом.

– Я лучше займусь сочинением о твоих достоинствах. Потребуется гораздо меньше труда. Миленькая, коротенькая сказка. «Он любил свою маму. Не бил жену. Его детки никогда не бегали босиком по снегу».

– Ты не в духе сегодня?

– Непривычная диета. Долго мы еще будем здесь болтать-ся, высматривая призраки того, что могло бы быть?

Я решил, что пора признаться:

– Я не романтик, Морли. Я просто потерял дорогу.

– Заблудился? А я-то думал, что ты знаешь эти места как свои пять пальцев.

– Знал. Но с тех пор многое изменилось. Деревья и кусты, которые служили ориентирами, теперь выросли, либо срублены, либо...

– Значит, остается только спросить кого-нибудь. Эй! – завопил он, стараясь привлечь внимание садовника, подстригающего живую изгородь. – Гаррет, как зовут парня, которого мы ищем?

Садовник прекратил работу и посмотрел на нас рыбьими глазами. У него была располагающая улыбка.

– Кляус Кронк.

Имя произносилось мягко: «Кляус», но Морли решил, что это всего лишь прозвище. Спустившись с повозки, он приблизился к садовнику:

– Скажи мне, добрый человек, где мы можем найти Синдика Клауса Кронка?

Добрый человек обратил к нему изумленное лицо. Изумление сменилось издевкой.

– Покажи-ка мне вначале, какого цвета твои монеты, черномазый.

Морли спокойно приподнял шутника и перебросил через живую изгородь, перепрыгнув через кусты, перебросил обратно, легонько наступил на него, слегка вывернул руку и произнес:

– Скажи мне, добрый человек, где мы можем найти Синдика Клауса Кронка?

И он даже не запыхался.

Садовник решил, что по крайней мере один из нас – псих, и поспешил объяснить направление.

– Благодарю тебя, – сказал Морли, – ты был чрезвычайно вежлив и очень нам помог.

Он вложил в ладонь несчастного пару монет, сжал его пальцы в кулак и занял место в экипаже рядом со мной.

– Первый поворот налево и затем прямо до самой вершины холма, – пояснил он.

Я оглянулся на садовника, который все еще сидел у обочины дороги. В его припухших глазах мелькнул огонек злорадства.

– Ты считаешь, Морли, разумно наживать себе здесь врагов?

– От него нам не будет никаких неприятностей. Парень считает, что я буйнопомешанный.

– Не понимаю, как можно так о тебе подумать, Морли.

Мы свернули налево. С обеих сторон тянулось кладбище.

– Теперь ты наверняка знаешь, где мы, – заметил Морли. –

Ориентир вроде этого забыть невозможно.

– Я помню его лучше, чем ты думаешь. Но мне кажется, наш приятель-садовник здорово посмеялся над нами. Увидим через минуту.

Я проехал между двумя колоннами из красного гранита, обозначавшими границу семейного участка Кронков.

– Так он умер?

– Сейчас выясним.

Папа Кронк действительно ушел в мир иной. Его имя было выбито последним на каменном обелиске в центре участка.

– Судя по дате, помер во время последнего вторжения ве-
нагетов, – заметил я. – Очень на него похоже, насколько я помню его характер. Папаша был готов биться за Каренту до конца.

– Что будем делать?

– Стоит поискать остальных членов семьи. Он один нашел здесь приют.

Морли удивленно поднял брови.

– Отсюда я могу найти дорогу. Мы с Кейен пробирались сюда ночами, чтобы...

– На кладбище?!

– Ничто лучше надгробий не напоминает о бренности всего земного и о том, сколь мало времени отпущено нам для радостей.

– Вы, люди, загадочные существа. Если тебе, Гаррет, по-

надобится возбуждающее средство, имей в виду: племя сидхов в бассейне реки Бенесель производит отличную вещь из клубней похожего на картофель растения. Твой солдат много часов будет стоять по стойке смирно. И это не все. Оно гарантирует, что ты не станешь папой.

Вегетарианское возбуждающее? По любому пути можно зайти слишком далеко.

От кладбища я добрался до жилища Кронков довольно легко, ошибившись всего лишь раз. С улицы соседнее здание показалось мне более похожим на то, что мы ищем, чем настоящий дом моей бывшей возлюбленной. Мы уже почти миновали въездные тумбы, когда я заметил вольеры для павлинов.

– Кругом и налево! – заявил я. – Недолет на один дом.

Я вспомнил, какой адский вопль в шесть глоток учиняли эти многоцветные дьяволы, если Кейен не удавалось бесшумно выскользнуть из дома. Правда, это не срывало наших тайных встреч. Старик, хоть и понимал, что к чему, не мог угнаться за дочерью. У моей Кейен были быстрые ноги.

Я все объяснил Морли, и мы вернулись на улицу.

– Как случилось, что такой недотепа, как ты, сумел подцепить цыпленка из столь роскошного курятника?

– Мы встретились на вечеринке, которую устроил адмирал для холостых офицеров. Там собрались все более или менее заметные юные леди на выданье.

Он одарил меня полным недоверия взглядом.

Пришлось признаться:

– Я обслуживал столы.

– Наверное, это проявление животного магнетизма, чувства опасности и вкуса запретного плода, таящихся в связи

с представителем низшего класса, — заявил он невозмутимо.

Я не мог решить, обижаться или нет.

— Чем бы оно ни было, это величайшее событие моей юности. Ничего подобного со мной больше не происходило.

— Я же говорил, что ты романтик.

И он оставил эту тему.

— С тех пор здесь многое изменилось, — сказал я. — Дом полностью перестроен.

— Ты уверен, что это именно тот?

— Да.

Память твердила — здесь. По этой земле мы ходили под бдительным взглядом любящей мамыши, которая считала наши чувства мимолетным эпизодом в жизни дочери и не поверила бы своим глазам, если бы догадалась пробраться за нами на кладбище.

Морли поверил мне на слово.

Мы были еще в пятидесяти футах от дома, когда вышел человек в ливрее и двинулся к нам навстречу.

— Вижу, он не очень рад, что мы решили заглянуть на огонек. Он не похож на обычного швейцара, — пробурчал Морли.

И точно. Он смахивал на Плоскомордого Тарпа, оставившего позади свои лучшие годы, но по-прежнему весьма опасного.

— Чем могу служить, джентльмены?

Надеясь на удачу, я решил идти напрямую, не сильно уда-

ляясь от правды:

– Не знаю. Мы прибыли сюда из Танфера в поисках Кляуса Кронка.

Похоже, с этой стороны он удара не ожидал:

– А я-то думал, что уже слышал все идиотские шутки.

– Мы только сейчас узнали, что он умер.

– Ну и отправляйтесь туда, откуда явились, раз парень, которого вы ищете, откинул копыта.

– Я желал побеседовать с ним лишь с целью выяснить, где я могу найти его старшую дочь. Я знаю, что она вышла замуж, но не знаю за кого. Я рассчитывал, что ее мать или кто-то из родственников еще живет здесь и сможет подсказать мне нужное направление поисков. Остался ли кто-нибудь из них в этом доме?

Он выглядел так, будто все это для него слишком сложно.

– Вы, наверное, толкуете о людях, которые здесь жили раньше? Так они съехали пару лет назад.

Изменения в доме казались свежими, что подтверждало слова ливрейного Тарпа.

– Вам неизвестно, где она может находиться?

– Откуда? Я даже не знал ее имени, пока вы мне не сказали.

– Благодарю вас за ваше внимание и потраченное на нас время. Попытаемся отыскать ее как-нибудь еще.

– Для чего вам потребовалась эта мачушка?

Пока я обдумывал ответ, Морли выпалил:

– Чтобы бросить ее в болото и посмотреть, как запрыгают лягушки.

– Мы представляем интересы душеприказчиков в завещании, по которому она является основной наследницей.

– Обожаю, когда ты изъясняешься юридическими непристойностями. – Морли перевел нашему новому приятелю: – Она унаследовала кучу денег. – Почти превратившись в чревоушателя, он прошипел мне: – Врежь ему цифрой, посмотрим, как он вытаращит глаза.

– Это составит примерно сто тысяч марок, за вычетом гонора душеприказчиков.

Глаза он не вытаращил. Даже не мигнул. Наш друг просто сказал:

– А я-то думал, что уже слышал все идиотские шутки.

Я тоже повторил:

– Благодарю вас за ваше внимание и потраченное на нас время, – и направился в сторону улицы.

– Куда дальше? – поинтересовался Морли.

– Поспрашиваем в домах на противоположной стороне. Те, кто там живет, знали это семейство. Может, что-нибудь подскажут.

– Если они тоже не съехали. Сделал выводы об этом парне?

– Пока воздержусь, надо побеседовать с другими людьми.

В следующем доме у нас состоялась не такая воинствен-

ная, но такая же бесполезная беседа. Живущие там люди переехали в этот район всего год назад и знали о Кронках лишь то, что Кляус был убит во время последнего вторжения венагетов.

– И что ты об этом думаешь? – спросил я, развернув экипаж и направив его назад, в сторону обиталища павлинов.

– О чем?

– Они сказали, что Кронк был убит «во время последнего вторжения венагетов», а не «убит венагетами».

– Неточность, проистекающая из лени ума. Без сомнения.

– Не исключено. Но это тот нюанс, который стоит принять во внимание. Именно из таких деталей создается полная картина. Они подобны отдельным мазкам кисти художника.

Павлины засекли нас и теперь орали в тринадцать дьявольских глоток. Они вопили так, словно у них много лет не было повода покричать.

– Господи, – прошептал я, – да она вовсе не изменилась!

– Она всегда была такой старой уродиной? – спросил Морли, уставясь на женщину на балконе, которая следила за нашим приближением.

– Не изменила даже одежду. Будь с ней осторожен. Она наполовину халдер и что-то вроде ведьмы.

Маленький человечек в зеленом сюртуке и длинном колпаке перебежал нам дорогу. Он что-то верещал на непонятном мне языке. Морли поднял камень, чтобы запустить им в

человечка, но я его остановил:

– Что ты делаешь?

– Это же паразиты, Гаррет. Пусть они бегают на задних лапах и издают звуки, напоминающие речь, но они всего лишь паразиты. Не лучше крыс.

Но камень он все же выронил.

У меня свое отношение к крысам, которые бегают на задних лапах, говорят и даже занимаются общественно полезной деятельностью. Я понимал настроение Морли, хотя и не разделял его предрассудка.

Старая Ведьма (я не слышал, чтобы ее звали иначе), скалясь, пялилась на нас сверху. Это был классический беззубый оскал. Она выглядела точно как ведьмы в детских сказках. Я ничуть не сомневался, что она сознательно выработала для себя этот образ.

До нас донеслось безумное хихиканье. Павлины ответили на него новым воплем.

– Страшно, – сказал Морли.

– Таков ее образ. Своего рода игра. Вообще-то, она безвредна.

– Это ты так говоришь.

– Так считали все, когда я был здесь. Безумна, как гном, накурившийся «травки», но абсолютно безвредна.

– Тот, кто дает убежище этим крошечным ядовитым гадам, не может быть безвредным. Или невинным. Как только вы позволяете им приютиться в вашем саду, они начинают

размножаться как кролики, и скоро вы обнаруживаете, что все приличные люди, раздраженные их грязными трюками, бегут от вас.

Мы уже находились под самым балконом. Я воздержался, не стал упоминать о его реакции на расизм садовника. Это не принесло бы пользы. Каждый почему-то склонен полагать, что его собственный расизм – проявление божественного вдохновения и не подлежит сомнению.

Разумеется, моя личная нелюбовь к крысиному народцу – исключение из этого нелогичного образа мышления.

Старая Ведьма снова захихикала, ее поддержал мощный хор павлинов. Затем она прокричала:

– А ведь его убили!

– Кого? – спросил я.

– Человека, которого ты ищешь, рядовой Гаррет. Синдика Кляуса. Они думают, что об этом никто не знает. Но они ошибаются. Их видели. Не так ли, мои милые крошки?

– Откуда вы?..

– Неужели ты думаешь, что вы с той девчонкой могли незамеченными убегать по ночам на кладбище, чтобы удовлетворить свою похоть? Маленький народец все видит и рассказывает мне. А я никогда не забываю имен и лиц.

– Что я тебе говорил? Настоящие паразиты. Прятались в тени надгробий, выслеживая тебя. И, думаю, хохотали в глубине своих маленьких черных душонок, потому что нет зрелища более смешного, чем совокупляющиеся люди.

Я постарался проигнорировать его слова, но слегка покраснел.

– Кто его убил, – спросил я, – и почему?

– Мы могли бы назвать некоторые имена, не так ли, мои милые крошки? Но зачем? В этом нет теперь никакого смысла.

– Но не могли бы вы, по крайней мере, сказать, почему он был убит?

– Он узнал нечто, оказавшееся опасным для его здоровья. – Она вновь хихикнула. Павлины приветствовали ее ором. Видимо, это была удачная шутка. – Не так ли, мои милые крошки? Слишком много знал.

– Что это могло быть?

Радость исчезла с ее лица. Глаза посуровели.

– От меня ты ничего не узнаешь. Может быть, этой мачушке Кейен что-нибудь известно. Спроси ее, когда отыщешь. Скорее всего, и она ничего не знает. А мне плевать на всю эту историю.

Во второй раз за короткое время я услышал, как Кейен называют «мачушкой», и во второй раз я слышал это слово, после того как ушел из морской пехоты и убрался из Кантарда. Это было особенно грязное словцо из уличного сленга венагетов. Так называют женщину человеческой расы, путающуюся с существами иных видов. В нашем языке есть что-то подобное: «кобольдоложец» или «гроллесексуалист».

– Вы знаете, где она?

– Нет. Не знаю.

– Не подскажете ли вы мне, где можно найти ее родственников?

– Не знаю. Может быть, они все присоединились к ней. Может быть, бежали куда-нибудь, чтобы скрыться от позора.

Она хихикнула, но явно не от всего сердца. Павлины поддержали ее тоже не очень искренне. Это был не чистосердечный вопль, а скорее из милости.

– Можете ли вы мне хоть чем-нибудь помочь?

– Могу дать тебе совет.

Я обратился в слух.

– Будь осторожен, когда затеешь с кем-нибудь игры меж могильных камней. Особенно это относится к Кейен. Она может показать тебе могильную плиту, на которой начертано ее имя.

– Пора сматываться, – сказал я. – Больше ничего не увидим.

Морли согласился. Я поблагодарил Старую Ведьму, и мы отступили. Она тщетно пыталась продлить приятную беседу.

– Ну что, стоило с ней болтать?

– Безусловно.

Перед нами возник человечек в зеленом и красном. Он стащил шапочку, поклонился и поприветствовал Морли весьма красноречивым непристойным жестом. Хихикая, малютка скрылся в кустах.

На этот раз я не остановил Морли, когда он швырнул ка-

мень. Подглядывать из-за могильных камней?!

Хихиканье прервалось кратким: «Ой-ой!»

– Надеюсь, мне удалось проломить ему черепушку, – проворчал Морли. – Что будем делать?

– Вернемся в гостиницу и подкрепимся. Проведаем тройняшек. Выпьем пивка. Подумаем. А после попробуем полистать приходские книги и муниципальные записи.

– Зачем?

– Узнать, за кого она вышла замуж, если бракосочетание состоялось здесь. Она была правоверная девочка. Ее бракосочетание должно было быть красочным представлением. Может, удастся найти ее через мужа, если выясним его имя.

– Не хочу тебя огорчать, Гаррет, но боюсь, что женщина, которую мы найдем, окажется вовсе не той девушкой, которую ты так трогательно ищешь.

И мной владели те же грустные предчувствия.

– Куда, черт побери, они делись? – орал Морли на хозяина гостиницы.

– Откуда, черт побери, я могу знать! – орал в ответ хозяин, явно привыкший пререкаться с постояльцами. – Вы просили не давать им спиртного. Но вы и слова не сказали о том, что я должен состоять при них нянькой и следить, чтобы они не болтались по улицам. Если вас интересует мое мнение, я скажу: они уже достаточно большие мальчики и могут играть самостоятельно.

– Он прав, Морли. Отстань.

Мне не хотелось, чтобы он перевозбудился и для успокоения отправился в пробежку миль на десять. Гораздо лучше, думал я, нам держаться как можно ближе друг к другу. Если верить карканью Старой Ведьмы, где-то поблизости болтался убийца, которому может не нравиться, что мы всюду суем свой нос.

– Остынь и пораскинь мозгами, – повторил я. – Ты их знаешь. Чем они могли заняться?

– Да чем угодно! – прорычал он. – Поэтому я и не могу остыть.

Он все же последовал моему совету и развалился на стуле:

– Мне требуется приличная пища. Или что-нибудь женского пола. Видишь, что со мной.

Я не успел внести даже грошового вклада в продолжение беседы. В помещение, пританцовывая, вошел Дожанго. Выглядел он как петух на параде – руки глубоко в карманах, плечи горделиво отведены назад, гарцующая походка.

– Спокойно, – предупредил я Морли.

Шкура на мордах Марши и Дориса выглядела побитой, как кожа заношенных туфель, но они тоже лыбились до ушей. Принять горделивый вид, как Дожанго, они не могли – до потолка было всего двенадцать футов.

Морли вел себя прекрасно и ограничился вопросом:

– В чем дело, Дожанго?

– Мы вышли погулять и сцепились с матросней. Двадцать рыл. И смели их с улицы.

– Спокойно, – сказал я Морли, придерживая за плечо.

Судя по виду Дожанго – в сравнении с братцами, – его участие в битве было условным.

– Может быть, лучше начать сначала? – предложил Морли. – Например, с того, какого черта вас понесло на улицу?

– О... Мы решили прогуляться по гавани и посмотреть, не появилось ли там чего интересного. Ну, парней с яхты с полосатыми парусами, или тех парней, что захватили подружек Гаррета, или даже самих девиц.

У Морли хватило ума прикинуться заинтересованным.

– И?... – произнес он.

– Мы возвращались назад, когда наткнулись на матросов.

Дорис – а может, Марша – пробормотал что-то. Морли

перевел:

– Говорит, что они всячески обзывали их. – И с каменным лицом продолжил: – Что-нибудь полезное вы совершили, кроме очистки улиц от хулиганствующих и оскорбляющих вас моряков?

– Мы видели, как в порт вошло судно с полосатыми парусами. Один парень – тот, которого Марша скинул в воду, – сошел на берег. Он взял рикшу. Мы решили, что он заметит, если мы последуем за ним. Поэтому даже и не пытались. Но мы подобралась поближе и слышали, как он приказал рикше доставить его к гражданской мэрии.

В Фулл-Харборе существуют две администрации – военная и гражданская. Их постоянная вражда делает городскую жизнь весьма интересной.

– Прекрасная работа, – брюзгливо буркнул Морли.

– Наверное, она даже стоит пива? – спросил Дожанго.

Морли посмотрел на меня. Я пожал плечами. Тройняшки – его проблема.

– Хорошо, – произнес он.

– Как насчет двойной порции?

– Здесь вам что, аукцион?

Мы с Морли влезли в коляску. Морли спросил:

– Куда теперь, несравненный детектив?

– Я думал, что мы сначала обратимся в гражданскую администрацию, но Дожанго заставил меня изменить решение.

Пока можно, я постараюсь избегать новой встречи с тем парнем.

– Такая предусмотрительность заслуживает всяческих похвал, на тебя это совсем не похоже. А сейчас разуй глаза и поищи место, где можно прилично поесть.

– Разуйте глаза, ребята, – произнес я, обращаясь к лошадям. – Найдите полянку, где Морли мог бы попасться.

Я недоумевал. Мы вошли в церковь, а там ничего не происходило. У правоверных, как я думал раньше, каждый день был днем какого-нибудь торжества.

Священник лет двадцати, чье лицо еще не нуждалось в бритве, спросил нас:

– Чем могу вам помочь, джентльмены?

Он явно нервничал. Пройдя лишь несколько шагов под сводами церкви, мы каким-то непостижимым образом показали, что мы язычники. Наверное, забыли преклонить колени или что-то в этом роде.

Я собирался действовать прямо через церковь, естественно не посвящая ее служителей во все подробности. Поэтому я сказал клирику, что мы ищем бывшую прихожанку Кей-ен Кронк, которая унаследовала весьма крупное состояние в Танфере.

– Я рассчитываю, что кто-нибудь из работающих здесь или ваши книги помогут нам напасть на ее след. Не могли бы мы побеседовать с вашим боссом?

Он поморщился, но произнес:

– Я доложу ему о цели вашего визита.

Едва дождавшись, пока парнишка отойдет, Морли прошипел:

– Раз уж ты решил вести с ними переговоры, тебе следовало хотя бы прикинуться верующим.

– Как? Я не имею ни малейшего представления, с чего начинать.

– Мне помнится, ты говорил, что посещал со своей девицей службы.

– Я же неверующий и большую часть церемоний проводил в дреме. Кстати, венагеты во время вторжения храм не разорили.

– Почему ты так решил?

– Взгляни на все это золото и серебро. Среди венагетов почти нет правоверных, они должны были бы все ободрать и отослать добычу домой с первым же судном.

Труся рысцой, вернулся священник:

– Сейр Ложда сказал, что уделит вам пять минут, чтобы вы смогли изложить дело.

Когда мы двинулись вслед за ним, он добавил:

– Сейр привык иметь дело с неверующими, но даже от них он ждет уважения и почтения к своему сану.

– Будьте уверены, я не стану хлопать его по спине и предлагать хлебнуть пивка, – отвечивал я.

Первым делом Сейр пожелал удостовериться в моих полномочиях. Я передал бумаги, и он их придирчиво изучил. Обещанных пяти минут нам предоставлено не было. Едва я раскрыл рот, как он прервал меня:

– Вам следует встретиться с отцом Райном. Он был исповедником Кронков и их духовным наставником. Майк, проводи джентльменов к отцу Райну.

– Что тебя так развеселило? – спросил я у Морли, как только мы вышли от Сейра Ложды.

– Когда ты видел служителя церкви, который потратил бы меньше трех часов, чтобы пожелать тебе доброго пути?

– О...

– Он похож на маленькое гнилое деревце, исклеванное дятлами.

– Думай, что болтаешь, Морли.

Он был прав. Мне лицо Сейра Ложды показалось похожим на гнилой персик, который полгода сушили под ярким солнцем пустыни.

Отец Райн по-своему тоже оказался замечательной личностью. Пяти футов ростом и примерно столько же в ширину. Лыс как колено, но на затылке и из-за ушей росло столько волос, что их хватило бы на полсотни голых черепов. Он был гол по пояс и предавался физическим упражнениям. Мне в жизни не доводилось видеть такой густой и длинной поросли на лице и торсе.

– Еще пару минут, ребята.

Он продолжил свои труды, истекая потом.

– Отлично. Брось-ка полотенце, Майк. Хочу скинуть десятка два фунтов, – объяснил он нам.

Я снова с самого начала пропел свою песню, не пропустив ни единого куплета.

Немного подумав, отец Райн произнес:

– Майк, приготовь для джентльменов что-нибудь освежающее. Мне принеси пива.

– Мне тоже! – прощепетал я.

– О! Еще один знаток и любитель. Этот джентльмен мне явно по душе.

Морли забурчал, что пивоварение – бесполезный перевод зерна, из которого после помола каменными жерновами можно было бы выпечь обогащенный клетчаткой хлеб, столь необходимый для улучшения диеты тысяч и тысяч людей.

Отец Райн и отец Майк смотрели на него как на безумца. Я решил не рассеивать их подозрений. Вместо этого я сказал отцу Майку:

– Попробуйте отловить крупную брюкву. Если она не будет слишком злобной, выдавите из нее пинту крови и дайте ему.

– Достаточно стакана чистой ключевой воды, – вмешался Морли.

Сказал он это холодно и жестко. Я решил обращаться с ним помягче.

Когда наш гид покинул комнату, отец Райн признался:

– Я хотел, чтобы Майк ненадолго нас оставил. Он любитель посплетничать. Вы же не желаете распространяться о своих делах на всю округу. Итак, вы ищете Кейен Кронк. Но почему именно здесь?

– Кронки были очень религиозны. Это их приход. Я знаю, что несколько лет назад она вышла замуж, но мне неизвестно даже имя мужа. Шумное церковное бракосочетание было бы в ее характере. В таком случае оно произошло бы в этой церкви и имя жениха значилось бы в книгах.

– Нет, в церкви она не венчалась. Ни в этом приходе, ни в каком другом.

Он произнес это как-то странно и даже зловеще.

– Не могли бы вы слегка намекнуть, где бы я мог найти ее или хотя бы родственников, готовых помочь в розыске?

С полминуты он смотрел на меня.

– Вы, похоже, честный парень, хотя и не слишком открытый. Но наше ремесло в этом отношении сходно. Вы понравились Сейру, а у него орлиный глаз, когда требуется распознать характер человека. Я постараюсь помочь, насколько позволяет тайна исповеди.

– Хорошо. И как же вы мне поможет?

– Не знаю. Во всяком случае, не могу сказать, где ее можно найти.

– Тайна исповеди?

– Нет. Просто не знаю.

– А как насчет имени парня, за которого она вышла?

– Этого я тоже не могу сказать.

– Тайна? Или не знаете?

– Шесть частей первого и полдюжины частей второго.

– Хорошо. Тогда скажите мне, где я могу встретиться с кем-нибудь из ее родственников?

– Нет. – Прежде чем я открыл рот, он жестом остановил меня. – Тайны исповеди здесь нет. Последний раз я слышал о Кронках два года назад. Ее брат Кейет был награжден и произведен в кавалерийские майоры за участие в битве у Мертвого источника.

Морли обеспокоенно задвигался. Естественно. Еще один кавалерист. Это могло иметь значение, но необязательно. Кейет был моложе Кейен, а значит, намного моложе меня и Денни. То есть время их службы не могло совпадать.

Идиот! Им необязательно было служить вместе, чтобы встретиться! Ведь Денни стал ее любовником после меня.

– Вы не припоминаете, в какой части он служил?

– Нет.

– Не важно. Это несложно установить. Когда вы в последний раз видели Кейен?

Он задумался. Я подумал, что он не может припомнить, но ошибся. На самом деле отец Райн размышлял о том, как лучше сформулировать свой ответ. Он назвал точное время и дату чуть больше шести лет назад и добавил:

– В этот момент в глазах церкви она перестала существовать.

– Что это значит?

– А то, Гаррет, что ее отлучили, – вмешался Морли. Отец Райн согласно кивнул.

– За что?

– Причины отлучения известны лишь душе, отрешенной от милости Божией.

– Подождите, – растерялся я. – Мы говорим об одной и той же женщине?

– Не волнуйся, Гаррет, – сказал Морли. – Отлучение вовсе не обязательно означает, что она стала разбойницей, нарушившей все церковные заповеди. Они отлучат тебя, если не смогут вытянуть все твое состояние. Что касается женщин, то их отлучают, если они не поддаются божественным домогательствам.

Это была сознательная провокация. Однако отец Райн воспринял ее лучше, чем я мог ожидать.

– Я слышал, что на севере такие вещи случаются. Но не здесь. В нашем епископстве воинствующая церковь. Любого ее служителя, если он решится на подобную низость, ждет участь вампира. Его проткнут кольями. Причины отлучения Кейен полностью находятся в рамках церковных законов.

Я вмешался до того, как Морли успел изложить свое мнение об этих законах, которые объявляли его лишенным души, а посему лишенным их бесценной защиты.

– Это не совсем та информация, которая могла бы мне помочь, святой отец. Если, конечно, причины отлучения не

связаны с тем местом, где она сейчас находится.

Отец Райн покачал головой, но не совсем уверенно, давая понять, что такая связь не исключена.

– Моя цель, моя единственная цель состоит в том, чтобы найти эту женщину и сообщить ей, что она унаследовала сто тысяч марок. После этого я должен спросить ее, желает ли она принять наследство. Если согласна, то я препровожу ее в Танфер, так как она обязана востребовать наследство лично. В случае отказа я потребую от нее юридически заверенный документ, чтобы следующие по линии наследования могли воспользоваться своим правом. Вот так. И это все.

– Тем не менее у вас есть и личная заинтересованность.

Видно, не зря меня прозвали Гаррет Стекло́нная Дверь. Как ни старайся, все видно насквозь.

– Завещатель был моим хорошим другом. Мне хочется посмотреть, какая женщина побудила его оставить ей все состояние, хотя он семь лет не видел ее...

Легкая улыбка скользнула по губам отца Райна. Я умолк в замешательстве.

– ...в тени надгробных камней, – вставил Морли.

Это все поставило на свои места. Отец Райн был ее исповедником. Он не проронил ни слова, но помнил ее признания в грехах, включая и морского пехотинца по имени Гаррет.

– Хорошо. По крайней мере, прояснились позиции каждого. Вам известно, в чем суть моей работы. Я считаю, что

задал вполне уместные вопросы – хотя некоторые и могли оказаться не к месту, – и вы на них честно ответили. Не припомните ли что-нибудь еще, для нас полезное?

– Ну-ка, Гаррет, помолчи немного, – произнес Морли, беззвучно, как облачко, подплыл к двери и резко распахнул ее.

Отец Майк едва устоял на ногах.

А я-то удивлялся, почему он так долго не появляется.

– О! Вот наконец и наше пиво! – На лице отца Райна засияла широкая радостная улыбка, но глаза остались холодными. – Оставь поднос, Майк, и отправляйся по своим делам. Я поговорю с тобой позже.

Отец Майк удалился, надеясь, что это «позже» никогда не наступит.

Райн решил притвориться, что все нормально и ничего не произошло. Он разлил пиво из чудовищной величины кувшина в столь же гигантские глиняные кружки. Воду для Морли налили в стеклянный сосуд примерно таких же размеров. Я едва успел сделать первый глоток, а отец Райн уже оторвался от своей кружки, протонав: «А-а-ах!» Он вытер губы мохнатым предплечьем, громогласно рыгнул и стал наполнять свою посудину по новой.

Прежде чем поднести ее к губам, он произнес:

– Что еще я могу подсказать? Ну, во-первых, в Фулл-Харборе вы ее не найдете. Во-вторых, ступайте очень осторожно. Я почти уверен, что найдутся люди, не желающие, чтобы

вы ее отыскиали. В-третьих, советую вам забыть образ, обитающий в вашем сердце. Ту вам никогда уже не найти.

– Благодарю, отец Райн. Пиво превосходное.

– Мы сами его варим. Что-нибудь еще?

– Нет... Впрочем, есть вопрос с потолка. Я слышал, что ее отца убили. Что вы об этом скажете?

Он отвел глаза в сторону:

– Возможно.

По его лицу я прочитал, что, кроме этого неопределенного заявления, мы не услышим ни слова.

Я поставил кружку на поднос. Морли последовал моему примеру. Он проявил любовь к воде, выдув ее столько, что хватило бы спустить небольшую шлюпку. Мы направились к выходу.

– Спасибо за все, – сказал я.

– Не стоит. Если вы найдете Кейен, скажите – мы не перестали любить ее, хотя и не можем простить. Это может помочь.

Наши взгляды скрестились. Я понял, кого имел в виду этот клубок шерсти, произнося «мы», и понял, что его чувства так же чисты, как у рыцаря из старинного романа к своей даме сердца.

– Я скажу, как вы просите, святой отец.

– Еще один, – произнес Морли, когда мы вышли на улицу. – Мне необходимо взглянуть на эту женщину.

В его голосе не было ни капли сарказма.

– Мы продвинулись хоть немного? – спросил Морли, взбираясь в экипаж.

– Конечно. Избавились от бесполезного хождения по церковным приходам Фулл-Харбора. Зато нам надо посетить военную администрацию и выяснить, как нам найти майора Кейета Кронка.

Честно говоря, мне не очень-то хотелось туда идти. Не исключено, что вояки примут нас за венагетских шпионов.

– А что сейчас?

– Попробуем заглянуть в мэрию. Хотя, думаю, там мы мало что найдем. Можно, конечно, вернуться в гостиницу. Тогда я завалюсь на кровать и стану размышлять о том, что должна была сотворить молодая, в здравом уме женщина, чтобы оказаться отлученной от церкви.

– Это не слишком продуктивно. А бодание с военными, даже чтобы услышать приказ убираться и оставить их в покое, займет целый день.

– Тогда остается мэрия.

Мы поднимались по ступеням, когда сзади раздалось:

– Эй! Вы двое!

Мы обернулись. Около экипажа топтался городской служащий из тех, что таскают на себе оружие и предположи-

тельно призваны охранять граждан от злодеев. Занимаются они в основном тем, что набивают свои карманы и защищают интересы могущественных и богатых.

– Это ваша телега?

– Да.

– Здесь оставлять запрещено. Нам не надо, чтобы лошадиные яблоки растаскивались по всей мэрии.

Несмотря на «дружелюбный» тон, в словах присутствовал определенный смысл. Я вернулся:

– Быть может, вы подскажете, как поступить с экипажем?

Этот тип не знал, кто мы. Мы приехали в прекрасной коляске. Хорошо одеты. Морли несколько напоминает телохранителя. Я выгляжу невинно, словно херувим. В его башке медленно ворочалось подозрение. Я задал ему прямой вопрос. Он обсасывал его, как лапу, засунутую в пасть. Сделаем так, чтоб он ею и подавился.

– Обычно мы просим посетителей оставлять их транспортные средства во дворе суда, за мэрией, сэр. Я могу перевести ваш экипаж туда, если желаете.

– Вы весьма любезны. Премного благодарен.

Я выудил из кармана чаевые. Они были раза в полтора больше, чем причиталось за подобную услугу. Достаточная сумма, чтобы произвести впечатление, но слишком маленькая, чтобы вызвать протест или подозрение.

– Большое спасибо, сэр.

Мы следили, как он провел коляску в узкий проход между

зданием мэрии и городской тюрьмой.

– Скользкий Гаррет.

– Что?

– Тебе следовало бы стать аферистом. Ты купил его, используя лишь интонацию, осанку и жесты. Скользкий, одним словом.

– Это был всего только эксперимент. Если бы у него была хоть пара унций мозгов и умей он использовать обе унции одновременно, мой трюк не сработал бы.

– Если бы у него была хоть пара унций мозгов, он зарабатывал бы на жизнь честным способом.

Похоже, Морли относился к так называемым гражданским служащим так же цинично, как и я.

Следующий гражданский служащий, которого мы встретили, имел две унции мозгов. Но не более.

Копаясь в документах, которые изображали собой данные о населении Фулл-Харбора, я обнаружил, что ни один из четырех детей Кронка там не значится. Морли по своей инициативе принялся просматривать папки с бумагами о передаче собственности. Вытащив оттуда один листок, он уселся на пол и увлекся чтением.

В этот момент из ниоткуда возник Двухунцевый и проорал:

– Какого дьявола вы здесь расселись?

– Исследовательская работа, – объяснил я своим самым

миролюбивым тоном.

– Убирайтесь немедленно!

– Но почему? – все еще миролюбиво поинтересовался я.

На какое-то мгновение вопрос поставил его в тупик. Обе унции споткнулись обо что-то. Видимо, искали более веский аргумент вместо привычного для мелкого служащего: «Потому что я так сказал».

В дело вступил Морли:

– Это официальные данные, по закону доступные для общественности.

Двухунцевый не знал, насколько утверждение Морли соответствует действительности, и ему оставалось только одно:

– Я позову охрану, и она вышвырнет вас отсюда.

– В этом нет необходимости. – Морли закрыл папку. – Не надо сцен. Дело потерпит до ваших объяснений в суде завтра утром.

– В суде? Каком еще суде?

– В том, где судья задаст вам вопрос, почему два исследователя из Танфера не могут изучать документы, к которым имеет доступ любой уличный бродяга Фулл-Харбора.

Он прошел к полкам, чтобы поставить на место папку. Двухунцевый смотрел на меня, но, казалось, не видел ничего, кроме грозящей катастрофы. Нет существа более незащищенного, чем мелкий чиновник, наслаждавшийся в течение многих лет своей синекурой. Он так долго ничего не делал, что вообще разучился что-либо делать. Потеря места

была бы для него смертельна.

– Ты готов? – спросил Морли, вернувшись.

– Жду тебя.

– В таком случае идем. До завтра, приятель.

Чиновник отрешенно смотрел нам вслед. Судя по нему, яд наших слов уже возымел действие.

Ненависть и жажда власти руководят поступками лжецов, которые утверждают, что служат народу.

– Как я выступил? – с самодовольной ухмылкой спросил Морли, распахивая дверь на улицу.

– Неплохо. Если и переборщил, то самую малость.

Он хотел поспорить, но я его опередил:

– Узнал что-нибудь?

– Ничего, если не считать, что мадам Кронк продала дом вскоре после появления надписи на обелиске. Собственность была приобретена типом с невыносимым именем Зек Зак по разумной рыночной цене. Когда-нибудь слышал о таком?

– Нет.

– А ты что выяснил?

– Только то, что городское управление отвратительно следит за рожденьями и смертями своих сограждан.

– О... Если так поступают с выдающимися семействами вроде Кронков, то как же обращаются с простыми людьми?

Я пожал плечами:

– Придется перевернуть камни, чтобы напасть на след. Интересно, где тот клоун, что увел наш экипаж?

– В ближайшей тошниловке. Пропивает чаевые.

– Мы уже большие мальчики и можем сами забрать коляску. Думаю, справимся.

Пришлось свернуть в проход между зданием мэрии и

тюрьмой. Там было на удивление чисто, но ввиду позднего часа мрачновато.

– Мы могли бы подкупить судью, чтобы он поддержал наше заявление, – предложил Морли.

– Боюсь, старик Тейт взбунтуется, если мы предъявим к оплате эти расходы.

Что-то очень большое шагнуло из тени стены футах в двенадцати от нас. Смутный силуэт в скудном вечернем свете.

– Сзади! – бросил Морли, а сам, издав боевой клич, ринулся вперед.

Я повернулся, резко пригнувшись. Вовремя. Дубинка рассекла воздух там, где только что была моя голова. Я пнул парня в корень его фантазий, а когда он молитвенно склонился, врезал по щеке. За ним оказался еще один, удивленный еще больше меня. Я прыгнул, захватил его руку и попробовал ударить коленом. Он пытался вытащить нож, с неподдельным ужасом глядя через мое плечо.

Я понял, что Морли вот-вот закончит свою работу.

Мой противник старался достать меня коленом, я пытался ударить коленом его. Пока мы так танцевали, парень решил, что лучше закончить бал. Вырвавшись из моих рук, он припустил прочь.

Я был удовлетворен и оглянулся.

Противник Морли валялся в нокауте. Сам Морли привалился к стене, сложившись пополам. Его выворачивало наизнанку. Похоже, ему достался достойный противник.

Мой первый враг бился в конвульсиях, издавая булькающие звуки.

– Что ты с ним сделал? – прохрипел Морли.

– Пнул ногой.

– Может, он подавился языком? – предположил Морли, осторожно опускаясь на одно колено.

Тип у моих ног дернулся в последний раз и затих навсегда.

Морли провел кончиками пальцев по щеке трупа. Царапина от моего перстня. Весьма зловещего цвета.

Я посмотрел на свою руку. Морли тоже. Капсула с ядом на одном из перстней вскрылась от удара.

– Надо от него избавляться, – сказал Морли.

– И быстро. Пока никто сюда не забрел.

– Я приведу коляску. Оттащи-ка их обоих в сторонку, чтобы ненароком не переехать.

С этими словами он поспешил за экипажем.

Интересно, увижу ли я его снова? В этой ситуации он должен бы не оглядываясь дуть прямо в порт.

Морли вернулся, но прошло, как мне показалось, часов двадцать. Он закрепил постромки и вскарабкался в коляску:

– Поднимай его сюда.

Я поднял. Морли потянул. Когда труп оказался наверху, Морли посадил его спиной к месту возницы.

– Его же увидят.

– Твое дело править лошадьми. Его я беру на себя. Не впервой.

На этот раз мне пришлось изрядно поработать вожжами. Обычно, когда лошади в упряжи, между нами устанавливается вооруженное перемирие. Но сейчас представители дьявольского племени не могли упустить благоприятный момент и перешли к открытым военным действиям.

– Возьми поводья! – взмолился я.

– Я останусь здесь, а ты пошевеливайся, пока нас никто не застукал. Мы – тройка подгулявших городских парней. Не спеши, но езжай побыстрее.

– Так не спешить или побыстрее? – саркастически поинтересовался я, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

Усевшись рядом с трупом и обняв его за плечи, Морли начал ему что-то тихо нашептывать. До меня доносились лишь отдельные слова. Потом он принялся отчитывать жмурика, что бессовестно так нажираться до захода солнца:

– Стыдись! Что я скажу твоей старухе? Думаешь, нам приятно тащить тебя в таком виде?

Несколько позже, когда мы оказались в округе, где экипаж с пьяными встречался так же редко, как яйцо под курицей-несушкой, Морли прекратил причитать и спросил:

– Кто, по-твоему, были эти ребята, Гаррет?

– Понятия не имею.

– Может, просто попытка грабежа?

– Сам знаешь, что это не так. Место, время, поведение чиновника, исчезновение стража порядка – все говорит об обратном.

– Ребята из-под полосатого паруса? Один из них заходил в мэрию и...

– Сомневаюсь. Только местные обитатели смогли бы все так быстро организовать. Мы явно наступили кому-то на мозоль.

– Ты так думаешь?

– Мне кажется, предполагалась предупредительная порка. Работа в стиле Плоскомордого. Затем нам посоветовали бы отправляться домой на ближайшем судне. Но мы взорвались у них в руках.

– Согласен. Но остаются главные вопросы: кто их послал и почему мы заставляем его нервничать?

– Его?

– Не думаю, что за этим стоит Старая Ведьма.

– Нет, не она. И не церковники. Пожалуй, стоит выяснить, что за тип этот Зек Зак.

– Жаль, что нельзя спросить у нашего приятеля.

– Ты его осмотрел?

– Мертвее не бывает. Настало время подумать, как лучше закончить вечеринку.

– Мы не можем его просто выбросить. По ночам патрули морской пехоты прочесывают все побережье в поисках вендетских шпионов. Они никогда никого не ловят, но это не снижает их бдительности.

Я тоже внес свою лепту в это бесплодное занятие. Я был очень юн тогда и относился к патрулированию со всей се-

рьезностью.

Те, кто пришел после меня, столь же юны и не менее серьезны.

– Найди самую грязную и самую переполненную тошнеловку. Мы ввалимся туда вдрызг пьяными, наш друг будет волочиться между нами. Отыщем темный угол, присядем, закажем выпивку на троих и попросим мадам не беспокоить нашего приятеля, так как он в стельку пьян. Затем по одному выпьем у стойки и слиняем. Они не тронут его, пока посетители не начнут расходиться. К тому времени о нас забудут, и жмурик станет их проблемой.

– А если наткнемся на кого-нибудь из его знакомых?

– Во всяком деле есть доля риска. Если мы бросим парня здесь, те, кто его послал, поймут, что произошло. А если сделаем по-моему, они останутся в полном недоумении. Кстати, у тебя в перстне был блокшауш?

Это слово из языка эльфов. Мы называем этот яд «черный соус».

– Да.

– Хорошо. Пока босс его найдет, даже мастер-чародей уже не сможет установить, что парень был отравлен.

Последние слова он произнес весьма задумчиво. Я знал, о чем Морли размышляет. Пытается догадаться, какие еще нетипичные для меня сюрпризы я держу в рукаве. И думает о том, что я приятельствую с Покойником и в результате обзавелся ядом. Сейчас он старается угадать, сколько и какие

именно советы дал мне Покойник.

Я решил, что легкое беспокойство пойдет ему только на пользу. Оно отвлечет его на некоторое время от мыслей о желудке.

Мы избавились от нашего друга способом Морли. Я боялся, что вокруг шастают шайки его приятелей, но все прошло как нельзя лучше. Босс никогда не догадается, что приключилось с его парнем.

Но кто этот босс и почему он старается отбить у меня охоту заниматься этим делом?

Я упаковал ланч, предвидя, что мне предстоит длинный день в стенах военной администрации. Военные ни за что не пропустили бы к себе Морли, и я предложил ему заняться личностью Зек Зака. А тройняшек послал в порт следить за прибывающими судами.

– Будь осторожен, – предупредил я Дожанго, – они могут вас арестовать и допросить – как венагетских шпионов.

– По правде говоря, мы и вчера думали об этом, – ответил Дожанго. – Нам так долго приходилось существовать на грани закона, что мы теперь чувствуем, когда начинаем чересчур испытывать судьбу.

Возможно. Возможно.

Подхватив корзинку для пикника, я отправился на службу.

Сначала был клерк, затем старший клерк, затем разнообразные сержанты, за ними последовала пара лейтенантов, которые передали меня капитану, который признал, что не уверен, добьюсь ли я своего без встречи с майором. Каждый из них проверял мои полномочия. А некоторые по два раза.

Все это время я хранил на роже улыбку, был вежлив и держал язык на коротком поводке. Когда надо, я умею играть по правилам.

Я подумал, что честно заслужил каждую марку, которую

получу от Тейта за этот день. Кроме того, все мои действия были частью общего плана.

Взять негодяев измором.

В майоре сохранилось нечто человеческое. Даже казалось, что он не совсем еще утратил чувство юмора. Он извинился за задержку, а я предложил разделить со мной ланч.

– Вы прихватили с собой ланч?

– Естественно. Мне и раньше приходилось иметь отношения с армией. Если бы дело было более сложным, я принес бы с собой одеяло или спальный мешок. Я знаю, что надо забраться в брюхо системы и чинить ей постоянное беспокойство, пока в конце концов не сыщется тот, кто возьмет на себя смелость и либо сообщит вам, что требуется, либо распорядится вышвырнуть вас вон, чтобы вы не путались под ногами. Мне настолько щедро платят, что я готов и на это.

На мгновение мне показалось, что я в нем ошибся. Ему мои слова не понравились. Своего рода безусловный рефлекс. Что ж, не будем спешить с выводами.

Он задумался, затем произнес:

– Вы циник.

– Профессиональная болезнь. Люди, с которыми мне приходится сталкиваться, не улучшают моего отношения к человеческой природе.

– Хорошо. Начнем все сначала и предположим, что я как раз тот самый человек, который разрешит все ваши проблемы, либо ответив на вопросы, либо вышвырнув вас коленом

под зад. Итак, чего вы хотите?

– Найти способ встретиться с кавалерийским майором Кейетом Кронком, единственным членом семьи, о существовании которого мне известно. Я намерен спросить, не скажет ли он, где я могу найти его сестру. Я считаю, что армия могла бы сообщить мне, что майор приписан к такому-то форту. Я бы отправился туда и задал ему вопрос. Но боюсь, не получится. Армия будет действовать, исходя из совершенно справедливого предположения, что весь Военный совет венгетов много лет мечтает, коллективно затаив дыхание, выяснить место службы майора. Поэтому моя связь с ним будет установлена самым сложным способом.

– Вы все-таки циник.

– Разве я не прав?

– Возможно. Так какой же сложный способ вы предлагаете?

– Я пишу ему длинное письмо, обрисовываю положение и прошу его встретиться со мной здесь или, если это невозможно, ответить на ряд подготовленных письменно вопросов. Слабая сторона этого предложения в том, что дело полностью в руках армии. Приходится доверить ей доставку моего письма и ответа Кронка. Циник, сидящий во мне, подсказывает, что это вряд ли будет сделано.

Майор смотрел на меня с каменным выражением лица. Чутье подсказывало офицеру, что я готовлю какую-то ловушку, и он изо всех сил напрягал извилины, пытаясь по-

нять, в чем она состоит и каким образом я постараюсь его туда загнать.

– Да, пожалуй, это самое лучшее, что вы могли бы сделать. Вообще-то, армия здесь ни при чем. Но мы, когда можем, всегда помогаем нашим людям в семейных вопросах.

– Я буду очень благодарен за любую помощь, даже если вам она покажется незначительной.

Майор пока ничего не решил, что выдавало его слабое знакомство с механизмом штабной работы. После очередной фазы раздумья он сказал:

– Я проконсультируюсь с начальством. Зайдите ко мне завтра утром. На всякий случай принесите с собой письмо. Незапечатанное, но готовое к отправке.

На этом закончилась видимая часть моей игры с армией. Я рассчитал, что болтаюсь в штабе уже довольно долго и объяснил свою проблему достаточному количеству людей, чтобы слухи обо мне расползлись по всему зданию. Я поблагодарил майора, пожал ему руку и заявил, что иду напрямиком в гостиницу. Не желает ли он, чтобы я оставил ему остатки ланча? Нет.

Я отправился в путь по бесконечным коридорам, замедляя шаги на каждом углу. Наконец он нашел меня. Этот парень, видимо, решил, что я не агент венагетов и не представляю угрозы для безопасности Каренты. Поэтому он не видел ничего зазорного в том, чтобы несколько укрепить свое материальное положение, подсказав, где я могу найти того ти-

па.

На этом и строился весь мой расчет.

– Форт Каприз? – переспросил я, опуская в его ладонь серебро.

Он кивнул, и мы расстались.

Я был разочарован: майор Кронк, по крайней мере сейчас, не служит в части, в которой служили Денни и его приятели.

Дожанго и его братишки вернулись в гостиницу раньше меня. Когда я прибыл, они предавались обжорству с таким азартом, будто решили до конца недели растратить все мои наличные средства.

– Сообщить, по правде говоря, нечего, – приступил к докладу Дожанго. – Сегодня ничего не происходило. Но мы дали взятку смотрителю причала, чтобы завтра утром он пропустил нас встречать родственников. Большая удача, так я считаю, по правде говоря.

– Огромная, – согласился я.

И решил не интересоваться, откуда у тройняшек взялись деньги для подкупа смотрителя пирса. Эти ребята ничем не могли удивить меня. А ведь я не рассказал и о половине их трюков.

Морли вернулся через час после меня.

– Отловил что-нибудь, Гаррет?

– Я узнал, где служит брат. А ты?

– Кое-что.

– Зек Зак?

– Прелюбопытный тип. Кажется, что вокруг него нет никакой тайны. Его все знают. Никаких явных связей с Кронами. Он кентавр, ветеран вспомогательных войск, получил гражданство за свою службу. Сейчас выполняет роль посредника между племенами кентавров и торговцами Фулл-Харбора. Самые мрачные слухи о нем касаются его ночных игрищ. Зек Зак любит побаловаться с женщинами из племени людей. Чем дама больше и толще – тем лучше.

– Я не стал бы вешать парня за подобные штуки, – решил я продемонстрировать широту своих взглядов.

– Значит, мне повезло.

Поведение Морли и его приятелей подтверждает, что межрасовые связи слишком популярный вид спорта, чтобы можно было линчевать всех игроков.

– Он действительно владеет домом, – продолжал Морли, – но там не бывает, так как не бывает в городе.

– Но это не все?

– О...

– Тебя выдает блеск в глазах.

– Это потому, что я наконец-то обнаружил место, где можно прилично поесть, и подкрепился достойной пищей.

– Нет. Весь твой вид говорит: «А я кое-что знаю!»

Я пригрозил ему новым путешествием по морю. Тогда он признался.

– Хорошо, – начал он. – Вчера кто-то решил, что мы слишком любознательны и заслуживаем выволочки. Этих парней натравили на нас еще до того, как мы выехали из гостиницы. Мы явно наступили на чью-то болезненную мозоль. Если это, конечно, не наши друзья с яхты под полосатыми парусами.

– ...или Васко прибыл в город без нашего ведома, – добавил я.

– Возможно. Но я все же решил начать расследование с людей, с которыми мы уже говорили, – с того соседа и Старой Ведьмы. Ничего. К парню из дома Зек Зака я не обращался, от него все равно не было бы никакой пользы. Я подкупил одного из маленьких паразитов, чтобы следил за домом. Что скажешь?

– Не отвлекайся! Ты отправился в церковь?

– Прежде чем пойти туда, я поспрашивал в округе. Помнишь, ты толковал о золоте и серебре?

– Да.

– Церковь находилась в руках венагетов тринадцать дней. Все восхваляли Сейра за то, что он уговорил врагов не грабить ее. Затем он и его паства убедили армию совершить столь же благородный жест и отпустить сто двадцать пленных венагетов. Все считают его великим человеком, снисходительным к врагам и преисполненным любовью к церкви.

Я уже все понял, но ему очень хотелось, чтобы я расспрашивал дальше. Пришлось продолжить:

– Но ты выяснил, что это вовсе не так? Морли, рассказы-

вай же, что тебе стало известно.

– Примерно треть отпущенных солдат-пехотинцев были офицерами, за которых можно было бы получить выкуп или хорошенько допросить. Они сдались в помещении церкви, натянув мундиры убитых солдат. По приказу главного венагетского шпиона в Фулл-Харборе.

– Сейра?

– Вот видишь, ты сам все понял.

– Ты говоришь так, словно сам при этом присутствовал.

– Нет, я беседовал с человеком, который там был.

Я приподнял бровь. Мне это очень хорошо удастся. Один из моих выдающихся талантов.

– Пришлось пригласить на прогулку отца Майка. Он мне все рассказал, когда я заверил его, что не интересуюсь политикой и не использую сведения против него. Майк – личный помощник старика.

– Все клирики замешаны в этом деле?

– Нет, только эти двое. Остальных при приближении врагов Сейр услали в безопасное место. Понимаешь почему?

– Меньше свидетелей. Итак, старик натравил на нас псов, потому что мы могли его скомпрометировать?

– Нет.

– Постой...

– Отец Майк уверен в этом.

– Но кто же, если мы устранили все возможности?

– Всегда сыщется место еще для одного игрока. С волоса-

тым попом я не беседовал. Остальные, с кем мы говорили, никому о нас не рассказывали. Исключение – дом Старой Ведьмы. Припомни, один из этих паразитов нас подслушивал. Мы ведь не знаем, кому он докладывает.

– Да. – Это следовало обмозговать. – Но блеск в твоём взоре все еще не угас. Сдается, ты сегодня был энергичен, как ураган.

– Мы, полукровки, можем двигаться быстро, если надо. Энергия гибридов.

– Итак?

– Твой друг Кронк умер в церкви в тот день, когда она была освобождена. Отец Майк весьма туманно изъяснялся на этот счет. Кронк был одним из десятка партизан, захваченных в плен венагетами. Отец Майк не думает, что он знал о нем и Сейре, но может ошибаться. Он считает, что Кронк был убит, когда венагеты уже не контролировали церковь. Тело обнаружили через шесть часов после вступления нашей армии. В то же время погибли еще два пленника. У меня есть имена выживших – на случай, если ты решишь провести дальнейшее расследование в этом направлении.

– Я здесь не для этого. Но я буду иметь их в виду. Вдруг какое-нибудь из них всплывет на нашем пути. Теперь я вижу, что сияние во взоре угасло. Родник иссяк?

– Да. Что теперь?

– Сейчас я составлю письмо майору Кронку, чтобы утешить другого майора. Тем временем информация настоится.

– Хочешь сказать, замаринуется. Уверен, ты собираешься залить мозги парой галлонов пива.

У меня не было настроения соревноваться в остроумии. Слишком многое предстояло переварить.

– Завтра утром я встречусь со своим майором. Затем возьмем еще парочку интервью. Если не нападем на что-нибудь горяченькое, то послезавтра отправимся в Кантард.

– Может, подкупить кого-то из священников, чтобы он помолился об успехе? – спросил Морли. – Я не дрожу от восторга при мысли о предстоящем путешествии.

– Думаешь, я дрожу?

Достижения у нас были. Но они, как говорится, носили неоднозначный характер.

Я отправился к майору сразу после завтрака: яичница из трех яиц на сале из полуфунта первоклассного бекона, который приятно хрустел на зубах, и гора лепешек, обильно намазанных сливочным маслом и политых клубничным джемом. Морли впал в уныние. Он беспокоился о моем здоровье.

Пока я наслаждался завтраком, он отправился за добычей: кореньями, ягодой, клубнями и салатом. Это займет его долго.

Тройняшки поспешили в порт встречать родственников. Я искренне надеялся, что таковых поблизости не объявится, но помнил о своей невезучести и опасался, что на меня, как на ступени церкви, свалится взвод сироток-гроллей.

Майор не заставил меня долго ждать под дверью. Я воспрянул духом.

После небрежного приветствия он взял мое послание, пробежал его глазами и сказал:

– Приемлемо. Пойдет с первым фельдъегерем, отправляющимся в нужном направлении.

– И вы не станете проверять, нет ли в нем надписей симпатическими чернилами?

Он одарил меня одним из тех взглядов, которые вояки отработывают перед зеркалом, пока подбрасывают себе виски. Я никак не отреагировал.

– Вы сегодня в воинственном настроении.

– Я провел пять лет на службе. К ней трудно относиться серьезно после того, как избавишься от аркана на шее.

– Вы действительно хотите, чтобы ваше письмо было доставлено адресату?

Я не стал говорить, что, как я понимаю, адресатом окажется ближайшая мусорная корзина. Майор, примирительно потрепав меня по плечу, произнес:

– Больше нас не беспокойте. Мы вас известим, когда поступит ответ.

Я, в свою очередь, не стал извещать его, что появился у него с письмом только ради приличия.

Думаю, он и сам сможет сообразить.

– Вижу, вас не очень заботит судьба письма. Очевидно, кто-то из сотрудников вас пожалел и помог... за теплую благодарностью подходящих размеров.

Я промолчал.

– Понимаю, – протянул он. – Я так и думал. Удивляться тут нечему. Некоторые из нас не только умеют думать, но даже могут – главным образом майоры и полковники – самостоятельно зашнуровать ботинки по утрам. Я не стану спрашивать, кто назвал место службы Кронка, если вы ответите на несколько других вопросов.

– С какой стати?

– Ну, скажем, мне нужна свежая, независимая точка зрения на некоторые проблемы.

– Идет.

– Я начну с перечня имен. Если услышите знакомое, скажите, что вам известно о нем или о ней.

– И это все?

– Пока все.

– Валяйте.

Я набрал три с половиной очка примерно из тридцати возможных. Одно – Зек Зак. Второй – командир венагетов, сражавшийся против моей части на островах и позже принимавший участие в атаке на Фулл-Харбор. Третьим стал один умник из гномов, которого казнили за кражу, мошенничество и извлечение незаконной прибыли: то есть он что-то украл у армии, не отвалив части прибыли нужному офицеру. Пол-очка мне причиталось за то, что я узнал имя, но не мог вспомнить, где, когда и при каких обстоятельствах встречал этого человека. Насколько я знал, из всех троих лишь Зек Зак пока оставался в живых.

Я решил не говорить о том, что узнал еще одно имя. Имя человека, тоже находившегося в плену у венагетов в день смерти Кляуса Кронка.

– Это все?

Я не мог уловить никакой связи между именами в списке. Вполне возможно, никакой связи и не существовало. Или

она могла оказаться очевидной лишь для человека, знавшего всех этих людей.

– Почти. По-видимому, вы тот, за кого себя выдаете. В последнее время вы здесь активно занимались вынюхиванием. Не встретилось ли вам чего-нибудь такого, что могло бы представлять интерес для человека в моем положении?

Майор считал, что я знаю, каково его положение. Теперь я знал.

– Нет, – соврал я.

Наверное, как патриот, я должен был доложить о Сейре. Но, прибыв к майору, я бессознательно решил не затрагивать эту тему.

– Не желаете ли немного поработать на Каренту, занимаясь своим основным делом? Это не потребует много времени и не заставит вас свернуть с маршрута.

– Нет.

Он был готов вступить в спор.

– Я выполнил свой так называемый патриотический долг, – объявил я. – Пять лет моей жизни ушло на то, чтобы не позволить их шайке воров прихватить шайку наших воров. Ничто не заставит меня снова влезть в эту чертову мельницу.

Тут меня осенило. Иногда такое случается. Майор заметил, как в моих глазах сверкнула искра:

– Что?

– Мы могли бы совершить взаимовыгодную сделку, – у

меня был для обмена священник, — если бы вы сообщили мне, где находится Кейен Кронк.

— Не можем.

— ?..

— Я впервые услышал о ней во время вашего вчерашнего визита. Она не относится к кругу лиц, которыми когда-либо интересовалась наша служба.

— Что ж, нет так нет. Благодарю вас за внимание и за потраченное на меня время. — Я направился к двери.

— Гаррет, заскочите, когда будете возвращаться из форта...

Он взглянул на меня так, словно я хитростью чуть было не заставил его проболтаться.

— Заскочите, когда будете возвращаться. Возможно, у нас отыщется пара-другая сюжетов, которыми мы могли бы обмениваться.

— Хорошо. — Я поторопился выйти, пока он снова не остановил меня.

Утро выдалось великолепным. Слишком хорошим, чтобы заходить в гостиницу за Морли и отправляться с ним еще раз в мэрию. Такие замечательные дни создаются специально, чтобы предаваться ничегонеделанию, вдыхая полной грудью свежий бриз. Я направил свои стопы в порт.

Вдруг тройняшки нуждаются в помощи для встречи родственников?

Я застал их за тем занятием, о котором мечтал сам. Близ-

нецы наслаждались солнцем, развалившись на горе армейских мешков с дерном, ожидающих отправки в Кантард. Со стороны пирса их совсем не было видно. Я забрался к ним, нежно прижимая к себе бочонок с холодным пивом. Прежде чем приступить к беседе, я пустил его по кругу.

– Как дела, Дожанго? Родственников пока не видно?

Когда бочонок вернулся ко мне, он весил вполовину меньше. Пришлось приложиться к нему как следует, прежде чем отправить его дальше.

– По правде говоря, Гаррет, вы явились вовремя, точка в точку. – Он не пошевелился, пока не отпил из бочонка.

Тройняшки переложили несколько мешков, образовав своего рода парапёт. Они могли наблюдать за пирсом, оставаясь незамеченными, а если кто-то вдруг стал бы задавать нескромные вопросы, братья объяснили бы, что используют мешки в качестве подушек.

– Кто-нибудь из ваших кузенов?

– По правде говоря, да.

Старое, потрепанное каботажное судно находилось с подветренной стороны футах в тридцати от единственного свободного у причала места. Подветренная сторона – очень точно сказано. Довольно сильный бриз отгонял корыто обратно в море. Человек пятьдесят держались за швартовы, пытаясь подтянуть судно к причалу. Оно отказывалось повиноваться и даже побеждало в перетягивании каната.

– Почему бы не обменять пустой бочонок на полный? –

спросил Дожанго.

– Почему бы и нет? – Я отсчитал для него несколько монет.

У каждого, кто наблюдал за этими безрезультатными усилиями полусотни парней, сама собой развивалась сильная жажда.

Каботажник вызывал интерес: на его палубе нетерпеливо топтались Васко, Куинн и еще несколько старых знакомых.

Я решил было оставить идею посетить форт Каприз и последить за этими приятелями, в надежде, что они выведут меня на Кейен. Но, рассмотрев этот вариант со всех сторон, я в конечном итоге отверг его. Эти ребята явились в Фулл-Харбор не для того, чтобы встретиться с Кейен. Они прибыли, чтобы помешать мне встретиться с ней.

Несколько минут я посвятил изучению яхты с полосатыми парусами. Она казалась пустынной. Лишь какое-то короткое и широкое существо дремало в тени невысокой кормовой надстройки.

Прибыл Дожанго с бочонком. Но скоро и этот пал под нашим могучим напором. У Дожанго хватило наглости предложить сбежать за новым подкреплением.

– Как это ни печально, но нам предстоит работа. Твои кузены знакомы с твоими братьями?

– Никогда не видели, по правде говоря. Но им известно, что вы путешествуете в сопровождении гроллей.

– Они не единственные гролли в нашем мире.

Пока мы сползали с горы мешков, я объяснял Дожанго, что хочу сделать.

— По правде говоря, я думаю, что это безумное предприятие. Но посмотреть со стороны будет забавно.

Во всей операции ему отводилась роль наблюдателя и хранителя ценностей.

— Скажи ребятам.

Там, внизу, на судно налетел шквал, и оно накренилось. Тянувшие за перлинь взревели. Четверо или пятеро из них свалились в воду.

— Они знают свои роли.

— Пошли.

Я вышел из-за кучи мешков. Дорис и Марша топали следом, с широкими придурковатыми ухмылками гроллей на рожках. Они захватили пару канатов и принялись тянуть. Я взялся за третий. Мне хотелось, чтобы именно мои усилия оказались решающими.

Каботажник сопротивлялся, как престарелая форель на удочке, но был пойман.

Васко и Куинн обратили внимание на разыгранную мной сцену. Они заметили меня в тот момент, когда береговая команда, толпясь вокруг Марши и Дориса, восторженно хлопала их по спинам. Кто-то закричал. Люди начали прыгать с борта на пирс. Изобразив на лице ужас, я бросился наутек.

Пробегая мимо горы мешков, я не заметил на ее вершине Дожанго. Это означало, что на яхте с полосатыми парусами

ничего не изменилось. Я помчался в ее сторону, слыша за собой топот множества ног.

Резко изменив направление, я вбежал на трап. Короткий-Широкий-Ужасный открыл глаза и вскочил на ноги. Я пересек палубу, прежде чем чудовище успело меня перехватить. Заметив преследующую меня стаю, оно сделало стойку.

А я, не останавливаясь, перемахнул через фальшборт на противоположной стороне палубы. Уже в полете я охнул. Вода оказалась настолько густой от грязи, что мне еще повезло, что я не отскочил от ее поверхности, как мячик.

Мы воссоединились в гостинице. Я заказал боценок, чтобы отпраздновать событие, и Дожанго рассказал, как все происходило.

Васко, Куинн и еще четверо бросились за мной вдогонку. Об этом мне можно было и не говорить. Они начали подниматься по трапу, но тут же увидели Короткого-Широкого-Ужасного. Замерев на секунду, мои преследователи разбежались, как тараканы, на которых неожиданно упал луч яркого света.

– Они даже не вернулись к себе в каюты забрать барахло, – сказал Дожанго. Рассмеявшись, он отхлебнул пива.

– А страшилище на яхте? Он-то что сделал?

– Вбежал в надстройку.

– И?

– По правде говоря, ничего больше не произошло.

– Значит, произойдет, – тоном пророка изрек я.

Поджидая Морли, мы успели прикончить еще один бочонок.

Морли не объявлялся довольно долго. Он вошел, немного запыхавшись, но я знал, что если он и убегал от кого-то, то только от себя. Больше он никого не боялся.

– Небольшая пробежка после еды? – поинтересовался я.

– Да, вроде того. Я вернулся, но вас не застал и решил сделать миль пять–десять, пока есть время. Я не тренировался со времени нашего отплытия из Танфера.

Для Морли Дотса он выглядел чересчур бледным.

– Что-нибудь случилось? Влип в историю?

– Не совсем. Дай мне отдышаться и поведай о ваших успехах.

Я поведал. Мне показалось, что сцена на пирсе его немного развеселила.

– Теперь твоя очередь.

– Вначале вывод, а затем пара фактов в его поддержку. А вывод такой: ты, Гаррет, взялся за дело, которое превосходит наши возможности. Похоже, на мозоль мы наступили какой-то большой шишке. И она начинает на это реагировать.

– Выкладывай факты.

– Моя пробежка привела меня в знакомые места, и я решил проверить, какие результаты принесла моя подачка одному из этих паразитов-грызунов. Случилось чудо из чудес: я получил кое-какие сведения. Зек Зак вернулся в город. Он

появился сегодня ранним утром. Часом позже к нему пошли визитеры. Я выдал паразиту премию и приказал не спускать глаз с Зек Зака.

– Это одна группа фактов, Морли. Как насчет тех фактиков, которые нагнали на тебя страху?

Он не вступил в спор, а это доказывало, что он действительно нервничает.

– Я решил заскочить к отцу Райну. Чтобы никого не беспокоить, прошел через черный ход. В главном зале шла какая-то служба.

Он все никак не хотел добраться до сути. Это означало, что суть ему совсем не нравилась.

– Гаррет, Райн умер. Он сидел за своим письменным столом, мертвый как колода. Еще не успел остыть.

– Убит?

– Не знаю. Ран я не видел. Но есть и другие способы.

Способов множество: и колдовство, и яд.

– Он не похож на человека, который кончает с собой только потому, что не сумел ответить на вопросы пары незнакомцев. Особенно если учесть, что его босс и отец Майк стали призраками.

Морли хотел сказать, что они исчезли.

– Когда?

– Вскоре после завтрака. На первое подавали сливы. Отец Майк за завтраком присутствовал. Когда я сообщил службе, что отец Райн выглядит не вполне здоровым, ни Сейра, ни

Майка найти не удалось. Никто не заметил, когда они ушли.

– Может, они просто решили избежать встречи с таким болтуном, как ты?

– Может быть. Отец Райн, умирая, попытался оставить записку. Я не понимаю, что это значит, но прихватил ее с собой, поскольку ты ищешь замужнюю женщину.

Он передал мне скомканный клочок бумаги. Я расправил его на столе. Всего лишь два слова, начертанные дрожащей рукой крупными печатными буквами:

ВЕНЧАНИЕ КРОВЬЮ.

– Венчание кровью? Что это может значить?

– Не представляю, Гаррет. Я знаю лишь одно: отец Райн – четвертый. Они мрут вокруг нас как мухи.

Морли был прав. Четыре смерти. Три казались непредумышленными: грабитель в жилище Денни, дядюшка Лестер и налетчик рядом с мэрией. Теперь еще одно убийство при невыясненных обстоятельствах.

– Похоже на то, Морли.

– Мы меняем планы?

– Нет. Пойдем поболтаем с парнями в мэрии.

Серебряная монета подхлестнула память охранника, и парень честно признался, что ему щедро заплатили за то, чтобы он на час оставил свой пост. Он дал нам превосходное описание ничем не примечательной личности, совершившей эту сделку. Видимо, это был тот самый тип, который не пережил нашей встречи.

Клерк не был рад снова нас видеть. Он даже вдруг попытался покинуть вверенный ему участок, но Морли набросился на него, как волк на кролика. Вновь образованный комитет отправился в пустой зал провести небольшую конференцию.

Чиновник помог нам не больше, чем охранник. Но он сказал, что они появлялись снова, чтобы еще раз расспросить о нас. Как я понял, уже после того, как мы блестяще отбили атаку в проулке. Клерк уверял, что после разговора эти типы решили, что мы вовсе не те, кого они ждали, и что ошиблись, заподозрив не тех людей.

– Кто же, черт побери, мы такие?

Их обескуражили слова «исследователи из Танфера».

Отпустив чиновника, мы двинулись в гостиницу.

– Этот парень был не совсем откровенен, – заметил я.

– Он у кого-то на заметке. И испуган так, что нам не напугать его сильнее.

Помещение, которое мы занимали, с большой натяжкой можно было назвать комнатой. Это было превращенное в жилье стойло, вплотную примыкавшее к гостинице. В нем было не слишком уютно, и мы проводили много времени в общем зале. Но это оказалось единственным местом, где гролли могли разместиться более или менее комфортно.

В этот вечер мы отправились к себе раньше обычного, у нас не было настроения давиться в толпе посетителей. Все приходили сюда, чтобы хлебнуть немного и обменяться свежими небылицами. К тому же я собирался подняться с восходом солнца.

Я должен был вернуть экипаж владельцам и подыскать верховых лошадей. Остальное снаряжение, не гоняясь за химерами, мы уже прикупили в разных местах.

Это был спокойный вечер. Даже Дожанго почти не болтал. Он страдал от похмелья, а Морли не позволил ему ни капли для облегчения мук.

Гибриды отвратительно переносят алкоголь.

В шуме, доносящемся из общего зала, вдруг появилось что-то необычное, хотя я и не смог бы определенно сказать, что именно. Морли тоже наострил уши и, помрачнев, распорядился:

– Дожанго, взгляни, что там происходит.

Дожанго исчез, но уже через секунду возник снова:

– Шестеро парней допрашивают хозяина. По правде говоря, им нужны вы и Гаррет. На вид они очень крутые ребята, Морли. Плохо дело.

Морли заворчал. Затем замычал, зарычал, захрюкал и залаял на языке гроллей. Дорис и Марша тут же расположились по обе стороны двери. Дожанго скрылся за спиной Морли. Мне Морли сказал:

– Отойдем как можно дальше от дверей. Предоставим им побольше пространства, если они пожелают войти.

Шкура гроллей начала менять окраску. Они сливались с ландшафтом.

– Не знал, что они способны на такое.

– Гролли предпочитают этим не хвастать. Как ты там, Дожанго?

– По правде говоря, мне надо выпить. Очень надо.

– Не дрейфь, все будет в порядке.

Бабах! Сорванная с петель дверь влетела в комнату, а следом за ней и пара типов, сильно смахивающих на Плоскомордого Тарпа. За ними следовал их бесстрашный лидер. Арьергард сил вторжения прикрывали еще три глыбы мышц. Штурмовая группа расступилась, чтобы босс мог нас лицезреть.

Босс замер. То, что он узрел, явно пришлось ему не по вкусу. Выяснилось, что мы его ждали.

Морли бросил несколько слов. Марша и Дорис что-то про-

рычали в ответ. Наши гости оглянулись, и один из них произнес:

– О... похоже, мы влезли в дерьмо.

Морли улыбнулся командиру отряда и спросил:

– Что же, может быть, вы желаете приступить к делу?

– Мм... мы заглянули передать вам одно сообщение.

– Как мило с вашей стороны, – заметил я. – И что, оно такое длинное, что каждому из вас пришлось запомнить по целому слову? И не находите ли вы, ребята, обременительными те дубинки и железки, что таскаете с собой?

– На улицах по ночам небезопасно.

– Держу пари, вы правы. И столь же небезопасными могут оказаться некоторые помещения.

– Не перебарщивай, – сказал мне Морли.

– В чем суть послания?

– Сомневаюсь, что его целесообразно излагать при сложившихся обстоятельствах.

– Однако я настаиваю. Представляете, я прибываю в незнакомый город, где, как мне кажется, никого не знаю, и вдруг кто-то шлет мне привет. Я взволнован и заинтригован. Дожанго, сходи за бочонком и кружками, чтобы мы могли достойно принять гостей.

Дожанго, покидая комнату, обошел наших гостей стороной. И после его ухода они не двинулись с места. Видимо, их не вдохновило изменение в соотношении сил.

Из вещевого мешка я извлек маленький бумажный паке-

тик.

– Так в чем же суть послания?

Внезапно севшим голосом вожак произнес:

– Убирайтесь из Фулл-Харбора. Если ему еще раз доведется встретиться с вами, можете считать себя покойниками.

– Ну уж это совсем не по-соседски. Таинственный «он» даже не находит нужным назвать себя и объяснить, почему его так заботит состояние моего здоровья. Почему бы ему не просветить нас, чем мы так его обидели?

Несмотря на незавидность своего положения, наш гость начал дымиться. Пожалуй, я все же немного переборщил. Совсем чуть-чуть. Морли был прав.

Вернулся Дожанго с бочонком и кружками.

– Разливай, – распорядился я и, обращаясь к гостю, продолжил: – Послушайте, дружище, мне очень хочется побеседовать о человеке, который настолько заинтересовался мною, что прислал вас. Хотя бы узнать, в чем причина визита. Кто вас послал?

Он сжал зубы. Такой реакции я и ожидал. Я открыл бумажный пакетик и высыпал часть содержимого в заполненные Дожанго кружки:

– Не волнуйтесь. Это всего лишь безвредное вещество, которое вырубает слона на десять часов, а человека – на двадцать четыре.

Я подал знак.

Дожанго набрался мужества и поднес полную кружку че-

ловеку, стоявшему ближе всего к гроллям. Тот отказался принять напиток. Морли что-то пролаял, и Марша – а может, Дорис, – сграбастав кружку и гостя, перелил ее содержимое в его глотку. Ему это составило труда не больше, чем матери, поящей молоком несмышленища-ползунка. Затем он раздел посетителя догола и выбросил из единственного окна комнаты.

Если у парня имелась хоть капля рассудка, ему следовало бы отыскать себе укрытие до того, как наркотик начнет действовать. Народ в Фулл-Харборе весьма отрицательно относится к появлению голых в общественных местах. Обнаруженные в столь непристойном виде вполне могли окончить свои дни, трудясь в поте лица на рудниках Кантарда.

Остальные обладатели крепких мышц решили, что настало время удалиться. Один из гроллей держал оборону в дверях, пока братец не пришел ему на подмогу. Когда все успокоились, я спросил:

– Кто вас послал?

– Можете считать себя покойником.

– Пусть мысль об этом утешает и согревает вас все долгие годы на рудниках. – Я передал Дожанго вторую кружку. На этот раз кормящей матерью стал второй гроль. – Мы будем продолжать процедуру до тех пор, пока вы не назовете имя. Вы будете последним. Если очередь до вас дойдет, вы получите дозу поменьше. В самый раз, чтобы забыть, кто вы и где находитесь, но недостаточную, чтобы перестать держать-

ся на ногах. Так что проблем вам не избежать.

– Ради бога, Швиц, – взмолился один из громил, когда я вручил Дожанго следующую кружку. – За это нам не платили. Этот гад держит нас за яйца.

– Заткнись. Все будет улажено.

– Чушь дерьмовая! Ты же знаешь, что он и пальцем для нас не пошевелит. Скажет, что мы этого заслуживаем. Да если и захочет, у него не хватит влияния, чтобы нас выручить.

– Заткнись!

Один из гроллей схватил недовольного.

– Черт, подождите! – заорал тот. – Нас послал Зек Зак.

Я изумился, но скрыл истинную причину изумления, спросив:

– Кто такой, дьявол его побери, этот Зек Зак?

Бесстрашный лидер застонал.

Морли дал сигнал. Гролли уложили свою добычу на пол, но остались стоять рядом.

– Мы не станем отправлять вас на рудники, – сказал я. – Но мне необходимо, чтобы вы хорошенько поспали. Устраивайтесь поудобнее, кто где хочет, а мы тем временем обслужим вас пивком.

– Считай, Траск, что ты уже сдох, – произнес лидер.

– Бьюсь об заклад, что проживу дольше тебя, – ответил Траск.

Пока они препирались, я все устроил наилучшим образом. Троим дали выпить пива. Затем мы уселись послушать

нашу певчую птичку.

– Одно условие, – сказал Траск. – Тот парень, которого вы выбросили первым, – мой брат. Вы принесете его сюда, или я не скажу ни слова.

– Морли?

Морли откомандировал Дожанго и Дориса.

Траск не сказал нам почти ничего, чего бы мы уже не знали. Он не имел понятия, почему Зек Зак желал нас измолотить и выставить из города. Лично он не видел кентавра. С ним встречался и разговаривал Швиц. Парень даже не знал, находится ли кентавр в городе.

Я задал массу вопросов, но ничего интересного не добился. Зек Зак позаботился, чтобы его войско как можно меньше знало о нем.

– Что ж, ты со своей стороны выполнил наш договор, который включал статью в пользу твоего брата. – (Брат уже оказался в помещении и даже был кое-как приодет.) – Теперь я выполню ту статью соглашения, которая призвана пойти на пользу мне. Дожанго свяжет тебя достаточно крепко, чтобы на освобождение ушло не меньше двух часов. Когда освободишься, можешь забрать брата и исчезнуть.

Дожанго с честью выполнил почетное задание. Он постоянно прикладывался к бочонку и с каждой минутой все больше храбрел.

– Недурно для импровизации, – сказал Морли.

– Да. Я тоже так думаю.

– Что теперь?

– Мы разденем трех остальных и бросим там, где их наверняка обнаружат. Затем отправимся на встречу с кентавром по имени Зек Зак.

Морли эта идея пришлась не по душе. Но он согласился. Ведь он получал от меня приличные бабки и оставался недосягаем для своих кредиторов. Чего тут еще желать? Капусты и «кошачьих хвостов»?

Морли вел нас старой тропинкой от кладбища к дому. Я тоже знал тропинку, зато он умел видеть в темноте. Через каждые пятьдесят шагов Морли останавливался и звал в темноту:

– Хорнбакл?

Ответа не было, пока мы не приблизились к зоне слышимости павлинов.

Я не переставал удивляться гроллям. Несмотря на свой рост и массу, они двигались через заросли гораздо тише, чем люди.

– Сядьте, – приказал Морли, когда в ответ на очередной призыв раздался слабый писк.

Мы присели.

Вокруг нас и между нами зашмыгали крошечные существа. Каждому из них Морли дал по кусочку сахара. Для маленького народца нет лучшей подачи. Крошки потребовали еще. Он обещал. Если... Малютки выслушали и рассыпались в разные стороны дозором.

Готов держать пари – в этот момент Морли ненавидел самого себя.

– И мы можем им доверять? – спросил я.

– Не очень. Но им хочется получить остатки сахара. Я сохранию запас, пока мы не уйдем отсюда.

Мы замолчали и стали ждать. У меня зачесалось между лопатками, такое бывает, когда за вами кто-то тайно наблюдает. Или вам кажется, что наблюдает.

Наконец перед нами возник прохвост Хорнбакл и издевательски отрапортовал Морли.

– Сколько их?

– Четверо. Два человека. Очень нервничают. Один кентавр. Обеспокоен и зол. И еще один... одно... Они ждут от кого-то сообщения, и этот кто-то запаздывает. Где сахар?

– Пока рано. Задействованы ли там охранительные заклинания, системы тревоги или ловушки? Опасные сторожевые животные?

– Нет.

– Чего еще нам стоит опасаться?

– Кентавры очень злобны. Это все.

– Заставь молчать павлинов, когда мы будем проходить мимо.

– А сахар?

– Я отдам весь сахар, когда мы будем уходить.

– Но вы можете вообще не уйти отсюда.

– Почему?

– Да потому, что они злобные существа. Очень злобные. Особенно одно из них, – хихикая, ответил маленький негодяй.

– Хорошо. – Морли протянул ему сахар. – Кусок тебе и по полкуса твоим друзьям. Остальное получите, когда мы бу-

дем уходить. Теперь покажи, как нам лучше до них добратся.

Мы поступили с ними так же, как поступил с нами их парень по имени Швиц.

Бабах! Гролли один за другим ворвались через разбитую дверь в обширный зал. За ними вбежал Морли, следом за Морли я. В качестве арьергарда выступил Дожанго.

С их стороны было очень мило собраться в единственном помещении, где гролли могли обладать свободой маневра. Потолки в этом зале были не ниже восемнадцати футов.

Они бросились врассыпную, как мыши при виде кота.

Дорис и Марша захватили двоих мужчин – по одному на брата. Морли пробежал между ними, преследуя нечто, тенью скользнувшее к окну у дальней стены зала и скрывшееся во тьме ночи.

Где же кентавр?

Вот он, изготовившийся к лихой кавалерийской атаке силой в одну полулошадь. Я ухитрился выбросить вперед ногу. Удар пришелся ему в основание шеи – не знаю, как это называется у лошадей. Кентавр бил копытами, нанося непоправимый ущерб ковра. На этот вандализм было больно смотреть.

Сильный толчок швырнул меня на что-то массивное и очень твердое – по-видимому, из черного дерева. От удара я выдохнул, наверное, литров сорок воздуха. Кто-то орал истошным голосом:

– Морли! Морли, помоги! Я его держу!

Я с трудом поднялся на ноги.

Дожанго действительно держал кентавра.

Зек Зак обладал средним для представителей его племени ростом, то есть был размером с небольшого пони. Он не мог тащить на спине сто тридцать фунтов живого веса. К тому же Дожанго сумел обвить руками и ногами худощавый торс человеколошади. Зек Зак был не в силах вдохнуть. Он брел, пошатываясь и натыкаясь на мебель. Еще немного – и он упал на колени передних ног.

Я накинул ему на шею удавку, помог Дожанго разжать клещи и огляделся по сторонам.

Гролли уже усадили своих противников. Морли возвращался от окна с пустыми руками и изумленным видом.

Я перевел дыхание, привел в порядок одежду и вывел Зек Зака на освещенное место. Морли обыскал его: оружие или другие смертельные сюрпризы были нам ни к чему. Кентавр стоял неподвижно, с остекленевшим взглядом.

– Что случилось? – спросил я у Морли.

– Не знаю. Я был там через три секунды после того, как оно юркнуло в окно. Но за окном ничего не оказалось. Никаких следов.

– Что это было?

– Понятия не имею. Даже не удалось как следует рассмотреть.

Гролли принесли свою добычу и сложили рядом на пол.

После событий в гостинице они пребывали в игривом расположении духа.

– Морли, ты видел меня? – бубнил Дожанго. – Нет, скажи, по правде говоря, ты меня видел? Я завалил эту проклятую лошадь. Ты это видел, Морли?

– Да. Видел. Заткнись, Дожанго.

Казалось, Морли был чем-то серьезно встревожен.

Он не сводил глаз с распахнутого окна.

– Итак, ты захомутил его, Гаррет. Что ты намерен с ним сделать?

– Да-а-а... – протянул я. – Конечно. – И, посмотрев на кентавра, произнес: – Я столкнулся с небольшой проблемой, мистер Зек. – (Кентавры, отдавая дань предкам, ставят фамилию впереди имени.) – Все стараются меня высечь, а я не могу понять за что.

Зек Зак промолчал, хотя, несомненно, слышал меня.

– Хорошо. В таком случае я поведаю вам одну историю. Затем будет ваша очередь. Если ваш рассказ мне понравится, мы расстанемся друзьями.

По-прежнему никакой реакции. Я понял, что мне попался крепкий орешек, который уже бывал в подобных переделках.

– Когда-то, не очень давно, далеко на севере умер один молодой человек. Все свое состояние он завещал девице, которую знал еще в те времена, когда служил в армии. Его отец нанял меня, чтобы я нашел девицу и выяснил, желает ли она вступить в права наследства. Очень простая работа. Мне

постоянно приходится заниматься подобными делами. Но в этот раз на меня нападают какие-то типы, кто-то посылает головорезов измолотить меня, и при этом никто не желает дать мне прямой ответ. Должен сказать, что я от этого слегка нервничаю.

Я сделал паузу, чтобы кентавр мог высказаться. Он продолжал хранить молчание.

– Все стремятся обидеть меня, и мне, увы, приходится отвечать тем же. Я задам вопросы и буду ждать немедленных ответов. Вы согласны? Итак, что же такое есть в Кейен Кронк, ради чего стоит снимать головы?

Он ничего не ответил.

– Вы готовы умереть ради этого?

На этот раз реакция последовала: легкое дрожание век. Он считает, что я не очень похож на убийцу. Но не уверен до конца.

– Гаррет, похоже, лошадь начинает прислушиваться, – заметил Морли. – Однако мы должны перенести сеанс убеждения в другое место. То, что скрылось, может привести подкрепление.

– Я думаю, сахар послужит хорошим средством предупреждения об опасности. Ты понимаешь что-нибудь в кентаврах? Я никогда не имел с ними дело.

– Немного. Они тщеславны, алчны и способны на любую низость. Достоинства назвать затрудняюсь. Да, забыл еще упомянуть, что большинство из них – воры и лгуны.

– Их уязвимые места?

– Разве я не назвал трусость? Ты избрал правильный путь, накинув ему на шею удавку. Слегка придуши его, и он станет покладистым.

– Я не хочу действовать жестоко. Пока мы еще никому не причинили зла. Я предпочитаю вести переговоры, чтобы добиться соглашения, перестать тузить друг друга и объединить усилия в поисках женщины. Я устал. Слишком многие начали интересоваться нашей деятельностью, и я не знаю почему.

Зек Зак, похоже, заглотнул приманку. Я чуть не расхохотался, услышав его писклявый голос:

– Вы можете доказать, что вы именно тот, за кого себя выдаете? Если то, что вы говорите, – правда, в отношениях между нами не возникнет никаких сложностей.

Первый шаг сделан!

Морли приказал Дожанго:

– Свяжи этих двух парней, чтобы Дорис и Марша освободились.

Гролли, покончив с обязанностями нянек, помогли нам образовать кольцо вокруг Зек Зака. Я вручил кентавру все имеющиеся в моем распоряжении документы, которые он принялся внимательно изучать. Морли сидел как на иголках.

– Все это настолько глупо, что действительно похоже на правду, – заключил Зек Зак. – Все сомнения я решил толковать в вашу пользу. На данный момент.

– Гаррет, у нас нет времени, – вмешался Морли. – Лучше придуши его слегка.

– Это вам ничего не даст. Я могу рассказать вам много интересного, но в этих рассказах будет для вас мало пользы. Я постоянно нахожусь на виду, поэтому мне не позволено знать ничего важного. Я верю, что вы тот, кем себя называете.

Я молча ждал продолжения.

– Мне известен некто, знающий человека, способного свести нас с этой женщиной.

– Вот как?

– Упоминал ли я вероломство среди их качеств? – поинтересовался Морли.

– Я хочу подвергнуть вас еще одной проверке, – продолжал Зек Зак. – Я назову ряд имен, названий мест, произнесу некоторые слова. Вы же скажете, что из этого вам приходилось слышать. У меня прекрасный слух на ложь.

Мне успешно и неоднократно доводилось врать людям, утверждавшим то же самое.

– Валяйте, – бросил я.

На сей раз я выбил всего лишь половину очка. Те же самые пол-очка, которые присутствовали в армейском наборе имен. Зек Зак был изумлен и, взглянув искоса на меня, процедил:

– Похоже, вы говорите правду... Да... Может быть, в этом даже есть какой-то смысл... Думаю, теперь я знаю, что про-

исходит. Надо проверить.

Он принялся думать. Все остальные принялись ждать, причем Морли с большой неохотой.

Наконец Зек Зак спросил:

– Где я мог бы оставить для вас известие?

Я использовал свой коронный номер, подняв бровь.

– Не доверяя мне, вы, естественно, смените место обитания. Мне теперь не хватит людских ресурсов, чтобы снова быстро вас отыскать. Я постараюсь организовать для вас возможность встретиться с той женщиной и завершить вашу миссию. Если мне это удастся, я должен буду подать вам весть.

Я был почти уверен, что он собирается сделать то, о чем говорит, но отнюдь не для того, чтобы облегчить мне жизнь. У него были скрытые мотивы, которых я не мог уловить. Похоже, они имелись у всех, кроме меня.

– Обратитесь к хозяину гостиницы. Мы постараемся оставить у него приятные воспоминания о себе. – Сняв удавку с его шеи, я продолжил: – Полагаясь на свою интуицию, я решил рискнуть и довериться тебе, кентавр. Возможно, это не интуиция, а отчаяние. Но если ты посадишь меня в дерьмо, нарушив обязательства, или опять нашьлешь на меня своих головорезов, тебя ждут кру-у-упные неприятности.

– Понимаю. Как я сказал, я весь на виду. И весьма уязвим, как вы блестяще продемонстрировали это сегодня вечером.

Я решил, что именно на этой ноте нам следует удалиться.

Морли, уже давно страстно желавший эвакуироваться отсюда, будет теперь ворчать, что мы бездарно потеряли половину ночи.

– Пошли, Морли, время позднее.

Мы сидели на полоске травы неподалеку от дома Старой Ведьмы. Нас окружали представители маленького народца, уже изрядно забалдевшие от сахара. Двое или трое из них оставались трезвыми настолько, чтобы время от времени слабо хихикать.

Морли перешел от дискуссии к размышлениям:

– Знаешь, что самое интересное в этом деле, Гаррет? Список. Шестнадцать пунктов. Но шесть из них – это одно и то же понятие в переводе на шесть разных языков. Любопытно. Особенно если учесть, что это вовсе не имя и никто из нас не мог бы узнать его ни в какой из шести форм.

– Что же это?

Он повторил слово, на котором я наверняка бы сломал язык.

– Я мог бы перевести слово на карентийский, но оно не будет иметь никакого смысла.

– Все же попробуйся. Кроме карентийского, я никаким не владею.

– Есть два возможных варианта перевода: «Рассвет после Ночи Милосердия» и «Рассвет после Ночи Безумия».

– Это же бессмыслица.

– А о чем я тебе толковал?

– На каком языке для понятий «милосердие» и «безумие»

используется одно и то же слово?

– На языке темных эльфов.

– О...

Я посмотрел в сторону жилища кентавра. Со времени нашего ухода там ничего не изменилось. Я перевел взгляд на дом ведьмы. В одном из окон верхнего этажа горел свет. Его не было, когда мы крались по тропе.

– Почему бы вам, ребята, не пройти на кладбище. Я скоро к вам присоединюсь. Мне надо кое-что проверить.

Я думал, Морли пустится в спор. Но нет. Что-то проворчав, он встал на ноги, поднял тройняшек, и они исчезли в ночи.

Кто-то крошечный, но с широкой улыбкой нежно прислонился ко мне, что-то пища. Я мягко отстранил его, слегка потрепал по плечу, поднялся на ноги и направился в сторону дома, вглядываясь в окна.

– Рядовой Гаррет, я здесь, наверху.

– Отлично. Я как раз хотел поговорить с вами, но не желал будить.

Я все еще не мог ее видеть.

Ведьма рассмеялась. В смехе преобладало простое веселье, но можно было уловить и издевательские нотки. Она мне не поверила. И знала, что я на это и не рассчитывал.

– Чем я могу помочь тебе, рядовой Гаррет?

– Начните с того, что перестаньте величать меня «рядовой

Гаррет». Покинув ряды морской пехоты, я тотчас забыл о ней. Затем вы могли бы сказать мне, известно ли вам о некоем существе по имени «Рассвет после Ночи Милосердия» или «Рассвет после Ночи Безумия»?

Старая Ведьма надолго замолчала, и я решил, что она оставила меня в одиночестве. Затем до меня донеслось: «Гобблуот» – то слово, которое произносил Морли на языке темных эльфов. В голосе старухи слышался вопрос.

– Точно.

– «Гобблуот», мистер Гаррет, вовсе не существо. Это пророчество, и при этом крайне неприятное, если взглянуть на него вашими глазами. Слово «гобблуот» принадлежит языку темных эльфов, но пророчество к ним не относится. Это всего лишь эхо, отголосок дыхания глубокой ночи.

Она была верна себе и продекламировала эти слова как текст высокой драмы, а затем замолчала, оставив меня в прежнем неведении.

Я попытался задавать вопросы. Но это оказалось пустой тратой времени. Она покончила с проблемой «гобблуот». Тема была полностью закрыта, когда старуха произнесла:

– Я говорила под влиянием минуты. Что тебе по-настоящему от меня надо?

Продолжать было бессмысленно.

– Вы еще не отошли от дел? Мне надо бы купить кое-что из вашего товара.

Она издала классический смешок ведьмы. Это действи-

тельно было смешно. Я улыбнулся от уха до уха. Даже павлины и те вступили в действие, хотя их вопль мог бы быть дружнее.

– Ступай за угол к парадной двери, – сказала Старая Ведьма. – Она не заперта.

Когда я присоединился к Морли и тройняшкам, у меня было пять плотно сложенных листов бумаги. Я их тщательно спрятал. Каждый листок нес на себе мощное заклинание. Про себя я повторял инструкции, полученные от ведьмы. В основном от меня требовалось лишь развернуть листок в подходящий момент, хотя в паре случаев нужно было успеть прошептать необходимые слова.

– Итак, ты нашел дорогу, – сказал Морли, – а я уже собрался на поиски. Что теперь?

– Идем в гостиницу, поспим сколько удастся. Рано утром в путь. В форт Каприз.

– А я думал, ты доверишь кентавру вести для тебя поиск.

– Напротив. Я не доверяю ему ни на йоту. Если у него что-то получится – прекрасно. А я продолжу поиски самостоятельно. Он ждет, что мы от него спрячемся. Я не знаю для этой цели места лучше, чем Кантард. Убиваем двух зайцев одним выстрелом.

– Должен же я был уточнить.

Путешествие в форт Каприз кончилось пшиком.

Он лежал в четырех днях пути от Фулл-Харбора. Каждому нашему шагу в Кантарде сопутствовала удача гораздо большая, чем того заслуживали пятеро идиотов. Мы не только не повстречались со своими карентийскими патрулями, но даже не наткнулись на рейнджеров венагетов или на представителей многочисленных племен Кантарда. Эти племена всегда каким-то боком вовлечены в войну, и их лояльность определяется успехами сторон. Они меняют свои привязанности быстрее, чем хамелеон – цвет кожи.

Форт Каприз не лежал в сердце серебряной страны. Основные копи находились в сотнях миль к югу от него. Майор Кейет Кронк, несмотря на свой нежный возраст (двадцать шесть лет), оказался полковником Кронком. Я не стал напоминать ему о наших прежних встречах, хотя и уверен, что он вспомнил меня еще до окончания краткой беседы. Я сказал, что разыскиваю его сестру Кейен, и объяснил почему. Он ответил, что у него нет сестры по имени Кейен.

Вот, собственно, и все. Я попробовал настаивать, но он еще крепче стоял на своем. Наконец, рассердившись, полковник приказал паре солдат выпроводить меня на свежий воздух. Мы поболтались среди обитателей форта Каприз, но узнали только, кто из трактирщиков развлекает вино и кто

из женщин наградит вас тем, чего вы до нее не имели. Поэтому нам ничего не оставалось, как отправиться в четырехдневный путь назад, в Фулл-Харбор. И на обратном пути нам опять сопутствовала удача дураков.

Мы с большой пользой провели время, совершив вылазку в Кантард.

Оставалось надеяться, что кентавр сдержит свое обещание и второй раз этого делать не придется.

Хотя это значило бы хотеть от судьбы слишком многого.

Мы отсутствовали в Фулл-Харборе девять дней.

Майор из военной администрации поджидал нас у ворот городской стены. В этом не было никакой магии, и без помощи волшебства он знал, сколько времени занимает путь в форт Каприз и обратно. Он выхватил меня из стада.

– Ну как, удачно съездили? – спросил он.

– Нет. Ноль. Зеро. Что вам от меня надо?

– У меня есть еще один список имен.

– И моя реакция на них настолько важна, что вы торчите здесь, встречая меня?

– Не исключено.

– Выстреливайте.

Он начал чтение.

На этот раз я выбил пять из двенадцати. Отец Майк. Отец Райн. Сейр Ложда. Мартелло Куинн и Абен Курц из приятелей Денни. Я отметил, что знаю последних двух как друзей друга и что они, кажется, связаны с судоходным бизнесом. Затем я спросил:

– В чем дело? Какая между ними связь?

– Все эти люди плюс еще трое, имен которых мы не знаем, умерли или исчезли за последние одиннадцать дней. Я уверен, что вы узнали бы еще нескольких, если бы увидели их. Имело Кларк был стражником у мэрии, а Еган Руст служил там клерком. Вы с ними беседовали. Я не был уверен, что

вы связаны с Куинном и Курцем. Но раз это так, могу предположить, что какая-то связь существует также между вами и Лафтом и еще тремя неизвестными, которые прибыли на яхте из Танфера.

– Что вы, черт побери, хотите этим сказать?

– Не ерепеньтесь, Гаррет. С моей стороны вам ничего не грозит. Во время переполоха вас в городе не было. Вы были, конечно, рядом с отцом Райном в критический момент. Но я удовлетворен показанием вашего помощника, что он лишь обнаружил труп.

Я промолчал. Мои мысли разбегались по двадцати направлениям. Что, черт побери, здесь происходит?

– Для меня ясно, что во всех случаях кто-то проводил зачистку, идя по вашему следу. Удивительно, что вы сами еще не ушли в мир иной.

– Меня пытались туда отправить пару раз, – бездумно проболтался я.

Ему тотчас потребовались подробности. Он желал знать детали. Я кое-что рассказал, не упоминая о кентавре, об убитом мною человеке или еще о чем-то, что могло ему действительно помочь. Он заявил, что мы здорово придумали отправить одну из групп на серебряные копии.

– У меня такое чувство, что вы многого мне не рассказываете, как бы тактично я ни ставил вопросы. Например, какое место во всей этой истории занимают другие пришельцы из Танфера, – заметил он.

– Я бы сказал не раздумывая, если бы знал сам. Что с ними случилось?

Курц и Куинн, оказывается, погибли вечером того же дня, когда мы покинули Фулл-Харбор. Их нашли в темной аллее на южной окраине города, с первого взгляда казалось, что они стали жертвой грабительского нападения. Лафт, которого опознали по его робе – на ней были вышиты его имя и название яхты, – умер той же ночью на кладбище, служившем местом игр для меня и Кейен, когда мы были молодыми. Почти в то же самое время на яхте произошел сильный взрыв, и она загорелась. Неизвестно, сколько человек погибло на борту. Несгоревшие останки судна затонули. Только чудо спасло от пожара пирсы.

– Круто, – заметил я. – Ставки в игре, наверное, до небес. Я не хочу прослыть настырным тупицей, но каковы ваши интересы во всей этой истории? Мне кажется, что это дело гражданских властей. Разве нет?

– Война – единственная причина существования Фулл-Харбора. Все, что здесь происходит, может повлиять на военную ситуацию. Гаррет, я убежден, что вам известны факты, которые я хочу знать. Но я не стану на вас давить. Когда у вас возникнет потребность облегчить душу, заходите. И я обменяю ваши сведения на имя человека, ставшего ее мужем. До тех пор я использую вас как прикрытие.

– Хорошо.

Я сделал ему ручкой. Однако сердце у меня было не на

месте: следовало хорошенько пораскинуть мозгами и разобраться, что он мне подбросил – каштан или кусок конского дерьма.

Морли и тройняшки присоединились ко мне.

– Кто это? – спросил Морли.

Я объяснил.

– Он хотел сообщить что-нибудь интересное?

Пришлось пересказать услышанное.

– Война бандитских шак и вампиры, – задумчиво про-
бормотал Морли. – Ну и городок!

– Вампиры?

– Несколько человек утверждают, что на них на этой неде-
ле нападали упыри. Пока все из области разговоров. Знаешь,
как это бывает. Через месяц они начнут видеть вампиров в
каждой тени.

Мы заночевали в той же гостинице. Другие места не сулили большей безопасности, к тому же старое помещение хорошо подходило для гроллей.

У хозяина оказалось для нас пять посланий. Все они были от Зек Зака, приходили подряд каждый день и с каждым разом становились все более резкими. Создавалось впечатление, что он действительно жаждет встречи со мной.

– Подождет до завтра, – сказал я Морли. – Сегодня вечером я намерен валяться здесь, размышлять и тянуть пиво, прополаскивая глотку от пыли Кантарда. Пока я все так же далек от этой женщины, но, кажется, начинают вырисовываться контуры другой аферы. И она, по-моему, не имеет отношения к серебру. Похоже, заварилось три или четыре интриги с разными или частично совпадающими целями. Скорее всего, женщина служит для них общим звеном. Не думаю, что мы единственные, кто блуждает здесь в темноте. Кто, к дьяволу, эти другие? Чего они хотят?

Здесь я замолчал. Морли, если пожелает, может попытаться раскинуть мозгами самостоятельно. Я принялся за пиво, стараясь полностью освободиться от мыслей.

Кто-нибудь мог бы сказать, что я отлыниваю от работы.

Зек Зак объявился на следующий день и начал с выясне-

ния отношений.

– Разве я работаю на вас? – удивился я.

Он огляделся. На него смотрело несколько недружелюбных физиономий. Кентавры не пользуются популярностью, что, видимо, объясняло стремление Зек Зака проводить как можно больше времени вне города. Он притих, продолжая кипеть негодованием, и вручил мне запечатанное письмо:

– Здесь ваши инструкции. Вам следует прибыть одному.

– Вы перекурили «травки»?

– Что?

– Я с места не двинусь в одиночестве. В этом городе слишком высок уровень смертности. Четверо скончались рядом с вашим домом.

– Вы пойдете один, или вам не позволят встретиться с нею.

– Что ж. В таком случае буду искать другой путь.

Тут вошел Морли, возвратившийся со своих лугов. Шлепнув Зака по крупу (этот унизительный и фамильярный жест привел кентавра в ярость), Морли произнес:

– Прошлой ночью, Гаррет, в городе появлялся еще один вампир. Похоже, на этот раз подлинный.

– Напомни мне надеть водолазку, когда я вечером отправлюсь по барам.

Его плотно сжатые губы говорили, что есть еще сообщение, которое он не намерен выкладывать в присутствии кентавра.

– Теперь вы видите, насколько опасно в одиночестве бродить по улицам, – сказал я Зек Заку.

– Я им все передам. Боюсь, что они очень рассердятся на нас обоих. Им пришлось приложить огромные усилия, чтобы доставить женщину. Но возможно, учитывая новые обстоятельства, они пойдут навстречу вашей просьбе.

Я провел свой любимый трюк с бровью. Моей просьбе?

– Что ж, хорошо. Проверьте. Вы знаете, где меня можно найти.

– Инструкции. – Он протянул руку. – Они, скорее всего, потребуют изменения.

Я вернул пакет, и он убрался, одарив меня парочкой мрачных взглядов.

– Он хотел, чтобы я появился у «них» в одиночестве, – пояснил я Морли. – Встретился лицом к лицу с «ними», кто бы эти «они» ни были.

– Кто бы они ни были, им удалось заставить кентавра от страха полить кипятком свои копыта. А ведь у него репутация очень крутого негодяя.

– Я заметил, что ты нервничаешь. Выкладывай.

– За нами ведется наблюдение. Кто-то следовал за мной по пятам туда и обратно. Я не разглядел хорошенько, кто это: не хотел показывать, что заметил слежку. И видел еще двоих. Думаю, это всего лишь вершина айсберга.

– Черт возьми! Они работают целой командой! Теперь они знают, что я веду дела с Зек Заком.

– Не убереглись! Кто это может быть, как думаешь?

– Армейская скотина. Правда, не пойму, с какой целью. У Васко или людей с яхты нет таких людских ресурсов. Кентавру незачем следить за каждым нашим вздохом. Он считает, что держит нас на крючке.

– Может, майору хочется рассмотреть тебя вблизи?

– Возможно, хотя мне даже неизвестно его имя. Да и не желаю узнавать. Мне бы поскорее разделаться с той работой, за которую я получаю деньги.

– Похлебка заваривается все гуще, – произнес Морли. – Я и сам иногда ловлю себя на том, что мечтаю о возвращении домой.

– Придется денек побродить туда-сюда, посмотрим, насколько они хороши в деле, – сказал я, наклонившись поближе к Морли. – Надо создать впечатление, будто мы опять готовимся к путешествию за пределы города. Поесть сможем по пути домой, если дела пойдут так, как надо, и я узнаю то, что хочу.

– Надо будет заодно продумать возможные способы избавления от слежки.

– Да, дело, похоже, не станет сложнее, даже если нанять трех чародеев, чтобы специально запутать его.

Само собой, я ошибся. Дело могло осложниться. И оно осложнилось.

Мы все бегали целый день как затравленные, разрабатывая способы избавления от слежки, хотя, похоже, их было человек двадцать и они наблюдали за нами двадцать четыре часа в сутки. Но стряхнуть со своего следа ищеек не так уж и трудно, особенно в таком безумном городе, как Фулл-Харбор.

Морли отправился поужинать. Я решил перекусить вместе с Дожанго в общем зале. Его братишки оставались в комнате, где чувствовали себя вполне комфортно.

Если быть снисходительным, то с Дожанго можно провести время совсем неплохо. Он знал пикантных историй больше, чем любой из моих знакомых, хотя рассказывал их отвратительно. По правде говоря.

Дальнейшее осложнение нашего дела ввалилось через дверь.

– Плоскомордый Тарп, – простонал я.

– Превалет-Позвоночник. – Дожанго имел в виду парня, замыкающего группу из четырех человек.

– Дорис! Марша! – завопил он.

Когда Дожанго хотел, он мог пользоваться голосом. Вопль перекрыл шум общего зала.

Двое, идущие посередине, не нуждались в представлении. Мои старинные подружки, мои любимые Тинни и Роза. Тинни топала вслед за Плоскомордым, который окинул взглядом гроллей. Их вид ему явно пришелся не по душе.

– Вижу, что венагеты вас не захватили. А ведь говорят, у их моряков наметанный глаз на драгоценности, – сказал я.

Роза замерла, расставив ноги и уперев кулаки в бедра:

– Вы, Гаррет, настоящий сукин сын! Знаете вы это?

– Да. До меня доходили разговоры об этом. И это правда, так что не думайте, что вы мне льстите. Как прошло путешествие? Давно ли прибыли?

Я не сводил глаз с Розы, которая смотрела так злобно, какстая волков, окружившая добычу. Плоскомордый и Позвоночник, которых никакие чувства не обуревали, сунули руки в карманы и предусмотрительно не вынимали их оттуда.

– Еще не ужинали? Присаживайтесь. Я угощаю. Здесь, конечно, не «Гамбит единорога», но пища все же в желудке удерживается.

– Вы!.. Вы!.. – верещала Тинни. – Он сидит с таким видом, будто ничего не случилось! Ведите себя со мной прилично, а не так, как вы привыкли обращаться со своими армейскими приятелями, негодяй!

Пламя в ее глазах потихоньку угасало. Она уловила окружающее нас молчание и поймала несколько насмешливых взглядов.

– Вы ведете себя неподобающим для леди образом, – за-

метил я. – Присаживайтесь, моя единственная настоящая любовь. Позвольте мне поднести вам еду и питье.

– За деньги дяди Уилларда?

– Естественно. Это законные деловые расходы.

Несмотря на всю решимость оставаться сердитой, она не удержалась от улыбки и плюхнулась на стул, который обычно занимал Морли.

– Дожанго, принеси еще стульев, чтобы все наши гости смогли разместиться.

Дожанго посмотрел на меня как на безумца, но просьбу выполнил.

– Вам, друзья, повезло, что вы явились именно сейчас. Через час здесь будет столько народу, что пришлось бы стоять. Привет, Плоскомордый. Я заплатил по твоему счету в забегаловке Морли. Ты доволен?

– Да. Конечно. На это я и рассчитывал. Как поживаешь, Гаррет?

Он был явно смущен тем, что оказался в компании двух женщин. Что станет с его репутацией?

– Не очень-то здорово. Оказался в центре такой заварухи, какой еще ни разу не видывал.

Цивилизованное поведение порождает цивилизованную реакцию. Роза, включившись в игру, вела себя как настоящая леди, когда Дожанго предложил ей стул.

– Роза, – сказал я, – вы выглядите еще прекраснее, чем обычно.

– Должно быть, морской воздух. И диета.

– Надеюсь, не корни и ягоды? – спросил я, глядя на Тинни.

Та недоуменно мигнула.

Я обратился к Превалету-Позвоночнику:

– Мистер Превалет, я много слышал о вас, но, по-моему, раньше мы не встречались.

– Нет, Гаррет, мы не встречались. Но я тоже о тебе слышал.

За весь вечер он больше не произнес ни слова. Но и сказанного было достаточно, чтобы держать ухо востро. Голос звучал нейтрально, но от него веяло могильным холодом.

Если Плоскомордый и Морли считались лучшими в своей профессии, то Позвоночник по меньшей мере не уступал ни одному из них, а по моему мнению – даже превосходил обоих. При этом поговаривали, что он был не столь разборчив и щепетилен в выборе работы.

Явился хозяин заведения лично принять наш заказ. Люди вроде него обладают шестым чувством. Он хотел оценить масштабы конфликта прежде, чем он возникнет. Я широко ему улыбнулся.

– У вас были сложности? – с надеждой спросила Роза.

– Небольшие. Точнее, я сам их создал. Все, с кем я встречался, оказались вскоре мертвыми.

Это их заинтересовало, и я дал отредактированный и прошедший строгую цензуру отчет о наших приключениях. Я

забыл упомянуть о Зек Заке.

Я все еще вел беседу, стараясь придумать, как избавиться от них при появлении кентавра, когда в зал вошел Морли.

Мой друг не стал тратить времени зря. Подойдя сзади к Розе, он нежно провел пальцем по ее шее и произнес:

– Чудо! Я готов был поклясться, что пираты...

Его оборвала Тинни:

– Гаррет уже выступал на эту тему. Только он говорил о венагетских солдатах.

– В таком случае добавьте плагиат к списку его грехов. – Морли поставил на стол передо мной небольшую коробку. – Четвероногий кулинар прислал тебе салат из морской капусты. Раз ты уже поел, оставь его на поздний ужин.

Невзирая на предупреждение, я приподнял крышку и заглянул внутрь. Салат из водорослей.

– Он дал его тебе?

– Чтобы я доставил его сюда. Кулинар знал, что у тебя компания, и не хотел беспокоить.

– Я не очень люблю морскую капусту, но раз он проявил заботу...

Морли продолжал поглаживать шею и плечи Розы. Войдя, он кивнул Тинни, но совершенно проигнорировал Плоскомордого и Позвоночника.

В салате наверняка спрятаны инструкции для предстоящей встречи. Что же делать?

– Вам удалось подкупить шкипера Арбаноса? – спросил

я у Тинни.

– Эту водяную крысу? Он сделал, как обещал вам. Лично, из рук в руки, передал нас дяде Уилларду.

– Прошу прощения, я совсем запамятовал об этой моей просьбе.

– У вас есть возможность попытаться повторить все сначала.

– Как вы сумели...

– Наш добрый дядюшка Лестер оставил каждой из нас небольшое наследство, – прервала меня Роза.

– Понимаю...

Обычная история. Женщины становятся ужасно независимыми, стоит им обзавестись собственными деньгами.

Коробка с салатом стояла на столе и умоляла, чтобы я ее открыл, а я не представлял, как избавиться от всей этой толпы.

– Но, Тинни, почему здесь оказались вы? Ну, Роза – понятно. Еще бы, сто тысяч марок – лакомый кусок. А вы?

Морли беседовал с гроллями. Оставалось надеяться, что его воображение окажется более плодотворным, чем мое.

– Я приехала свести счета с одним негодяем, который связал меня и отослал назад, как мешок турнепса.

– И это после того, как он мужественно вырвал вас из рук похитителей? Как прикажете поступать при виде столь черной неблагодарности?

У нее хватило совести покраснеть.

Подошел Морли и изысканно вежливо попросил Дожанго уступить ему место рядом с Розой. Тот с недовольным видом повиновался и присоединился к братьям.

Морли послал мне улыбку и принялся очаровывать Розу. Дожанго, юркнув в дверь, отправился в нашу комнату.

Через пяток минут у меня тоже возникла непреодолимая нужда оставить на время компанию. Я взял коробку и пообещал немедленно вернуться. Вставая, я погладил Тинни по волосам. Она шлепнула меня по руке, но это была скорее ласка.

Дожанго ждал меня:

– Через окно. Обычным ночным курсом. Морли советует прочитать инструкции и как можно скорее спустить их куда следует.

На это у меня разума хватало. Мог и не напоминать.

– Кто следующий?

– Морли. Он будет беспокоиться и пойдет посмотреть, что вас так задержало. Затем Дорис, а после я. Марша задержится и не даст им уйти через дверь.

– Звучит прекрасно. Осталось сделать, как задумано.

Я легко шагал по тропе, направляясь к кладбищу.

Рандеву было назначено на участке Кронков. Очень удобно. Зек Зак или его посланец должен был появиться в полночь с другого участка в двухстах ярдах от нас и проводить на встречу.

Я добрался до места, где первый из пришедших должен был залечь в кустах, поджидая остальных.

– Морли, за мной все чисто.

Из темноты возник не Морли, а Дожанго:

– Что вас так задержало?

– За мной тащилось хвостов больше, чем у йогура. Все профи. Пришлось потратить время, чтобы сбить их со следа. Где Морли?

– Раздает сахар.

– Дорис и Марша?

– На участке. Все-таки появились. Они почти забыли обо всем, веселясь при виде людей, пыхтевших за ними в пробежке по городу.

– А как дамы?

– Вам с Морли лучше забыть о них. Безопаснее пинать ногой улей.

– Разозлились?

– В ярости, по правде говоря.

Закончив шушукаться с крошечным народцем, появился Морли:

– Ты как раз вовремя, Гаррет. Надо бы кое-что проверить.

С этими словами он двинулся через кладбище. Подойдя к дряхлому мавзолею, Морли внимательно изучил дверь. Не знаю, что он в ней увидел.

– Хм... – проворчал Морли. – Может, они и не зря болтали. Марша, открой.

Гроль повиновался. Я не услышал звуков ломающихся запоров. Я вообще не услышал ни звука. Любопытно, особенно когда имеешь дело с дверью, которую не открывали десятилетия.

Из склепа донеслось зловоние.

Я хотел сострить насчет кладбища слонов, но передумал – со смертью не шутят.

– Нам нужен свет, Морли, – сказал Дожанго.

– Я это предвидел и попросил камень Люцифера у моего друга Хорнбакла.

Он вынул камень из чехла. Камень был свежий и светил ярко.

Мне совсем не хотелось входить внутрь, но пришлось. Я оставался там ровно столько, на сколько удалось задержать дыхание. Но и этого оказалось достаточно. Останки были в очень плохом состоянии, но я узнал в них отца Майка, Сейра и клерка из мэрии. Кто были двое других, я не имел понятия.

Марша закрыл дверь, и весь путь до участка Кронков мы

проделали в полном молчании.

Наконец Морли произнес:

– Чья-то свалка.

– Кто притащил их сюда?

– Солдаты. «Солдаты не в мундирах», если цитировать Хорнбакла.

– Понимаю.

Я понял многое. Это не имело отношения к моим поискам Кейен, но зато было тесно связано с безымянным майором.

– У меня нет доказательств, но я готов держать пари, что твой майор был в части, освободившей церковь в тот день, когда умер папаша твоей девицы.

– Никаких пари. Даже десять против одного.

Офицер, занимающий такой пост, не стал бы тихо избавляться от венагетского резидента, действующего на вверенной ему территории. Он должен был доставить его в штаб и получить все причитающиеся награды. Майор не сделал бы этого лишь в одном случае: если бы опасался, что агент назовет ненужные имена или выдаст другого агента, внедренного лучше, чем он сам.

– Исследователи из Танфера, так ты сказал? Он решил, что мы люди короля и ведем следствие по его делу. С какой стати нас вдруг заинтересовало семейство по имени Кронк?

– Или люди императора. – Я покачал головой. – Моя бедная, милая, глупенькая Кейен. Она ошиблась, выбрав себе такого отца и таких мужей.

Помрачнев, Морли переспросил:

– Мужей? Ты даже не знаешь, кто ее единственный муж.

– Я знаю, что это тот человек, которого прячут от нас Зек Зак и его хозяйева. Они ведь прячут вовсе не ее. Кейен всего лишь женщина, ведущая с бывшим любовником переписку, приносящую ей прибыль.

– А как насчет твоего майора?

– Ты меня знаешь. Я готов договориться даже с кентавром. После того как я оставил морскую пехоту, я убил всего лишь двух человек – одного из них случайно. Но я считаю, что этой змее, этой гадине надо отрубить башку, пока он не разделался со всеми нами.

Мы тщательно прочесали территорию. Не было никаких признаков того, что кентавр ведет двойную игру. Но в нашем деле никогда нельзя быть уверенным до конца.

Зек Зак явился лично. Это говорило кое-что о характере его взаимоотношений с существами, стоящими за его спиной.

Он начал с обвинений:

– Вы явились слишком рано.

– Вы тоже.

– Я сказал им, что мне необходимо убедиться, что вы ничего не замышляете. На самом деле мне необходимо поговорить с вами.

– Следовательно, вы нам доверяете?

– Доверяю, насколько можно доверять в данных обстоятельствах. Ваши слова получили независимое подтверждение от лиц, которые не стремились облегчить вашу миссию.

– От кого же?

– Насколько я помню, они называли себя Куинном и Курцем.

Итак, мне следовало еще раз пересмотреть свою точку зрения на события той кровавой ночи.

– Мистер Гаррет, ради вас мне пришлось приложить массу усилий. Должен признать, что я рисковал головой в том случае, если бы кое-кто узнал о моих записках вам. В то же время я спас ваши жизни, убедив их, что самый простой способ от вас избавиться – выдать вам заверенный по всем правилам документ. Вы должны также отметить устранение двух ваших смертельных врагов, что еще повышает ваши шансы на выживание.

– Вам что-то от меня надо?

– Простите, сэр, я не совсем вас понимаю.

– Мне кажется, вы пришли сюда не затем, чтобы удовлетворить мое любопытство относительно писем или моей безопасности. Можете назвать это интуицией.

– Да. Я буду говорить прямо. Время у нас еще есть.

– Итак?

– В молодости я совершил один весьма неблагоприятный поступок. Некий джентльмен раздобыл документы, которые, попав в руки моих работодателей или карентийских воен-

ных, поставили бы меня перед лицом чрезвычайно серьезной опасности. Угрожая разоблачением, он вынуждал меня выполнять задания, которые только снижали мои шансы дожить до преклонного возраста. Местонахождение документов известно только ему. Он не позволяет мне напрямую выходить на него. Между тем вы можете это сделать.

– Картина ясна. – Я не был намерен ради него отправлять кого-то на тот свет, но в игру вступил. Следовало сохранять с ним приятельские отношения. – Кто?

Он замялся.

– Бросьте. Я не стану ничего делать, пока не услышу имя. Он давно решил сказать все, если я буду настаивать.

– Священник по имени Сейр Ложда, из церкви у...

– Я его знаю.

Мы с Морли обменялись взглядами. Кентавр не знал, что Сейр уже откинул копыта. Я не настолько уважал дохлого негодяя, чтобы не извлечь пользы из его смерти.

– Договорились, приятель. Считайте, что он уже покойник. Если я увижусь с женщиной и вернусь цел и невредим, вы увидите его труп еще до восхода солнца.

– Договорено?

– Договорено и скреплено подписью.

– Хорошо. Пошли, они, наверное, уже дымятся от нетерпения.

Зек Зак вел нас по тропе, спускавшейся от кладбища к его дому. Павлины бешено орали.

– Когда-нибудь я зажарю всю стаю, – сказал кентавр. – Каждую ночь они будят меня своими воплями.

Он провел нас через черный ход. Когда-то его использовала Кейен, выскальзывая из дома. Затем мы прошли по коридору для слуг, ведущему в парадный вестибюль.

– Темно, как в преисподней, – жаловался Морли. – Что вы имеете против света, кентавр?

Если здесь было темно для него и тройняшек, то каково приходилось Зек Заку и мне – мы и вовсе не обладали ночным зрением.

В вестибюле присутствовал намек на освещение. Туда пробивался лучик из-под двери, ведущей в зал. Света хватало лишь на то, чтобы мы заметили тень ожидавшего нас человека.

– Здесь вы должны оставить ваше оружие, – сказал кентавр. – А также все металлические предметы. Дальше вы пойдете вооруженные лишь тем, чем наградила вас природа.

Я начал разоружаться. Мне казалось, что конец поисков близок, и я решил отбросить опасения и рискнуть довериться Зек Заку.

– Ну и холодина же здесь, – проворчал Дожанго.

Он был прав. А я-то думал, что кладаю зубами от страха остаться лишь с оружием, дарованным мне матушкой-природой.

— Готово, — объявил я.

— Подойдите ближе, мистер Гаррет, и позвольте этому человеку удостовериться, — сказал Зек Зак. При этом он даже и не подумал принести извинения.

Я сделал пару шагов вперед. Передо мной на мгновение мелькнуло одутловатое, серого оттенка лицо. Бесцветные глаза на мгновение встретились с моими. Во взгляде не было никаких эмоций, кроме застарелого чувства безнадежности.

Страж очень ловко ощупал меня в поисках оружия. Быстро и профессионально. Лишь один поступок не соответствовал профессиональной этике.

Он что-то опустил в мой карман.

Это было сделано незаметно. Страж лишь слегка надавил на меня в этот момент, чтобы я обратил внимание. После этого он принялся за Морли.

Зал освещался единственной свечой. Кроме нее, на столе находились лишь гусиное перо и чернильница. Сам же стол (четыре фута в ширину и восемь в длину) расположился в центре помещения; его длинная сторона была обращена ко мне. Точно напротив друг друга стояли два кресла. Я подошел к ближайшему креслу и бросил на стол все документы,

включая и те, что подтверждали мои полномочия. Дрожа от холода, я сунул руки в карманы и стал ждать.

Это не было плодом моей фантазии. Мои пальцы нащупали сложенный листок бумаги.

Я проверил диспозицию своих войск. Морли прикрывал мое слабое место – левый фланг. Он стоял в двух шагах сбоку и чуть сзади. Дожанго занимал такую же позицию справа. Гролли находились за спиной. Нос Морли дернулся три раза. В комнату вошли три существа. Они остановились у противоположной стороны стола.

Из темноты выплыло еще одно создание.

Она была прекрасна. И в ней было что-то еще. «Эфирная», – сказал бы поэт. Я бы сказал: «Призрачная».

Она двигалась настолько легко, что казалась плывущей по воздуху. Свободное одеяние из белоснежной полупрозрачной ткани обвивало ее стан. Бледная кожа почти сливалась с нарядом. Светлые волосы (их называют платиновыми) чуть колыхались при движении. Ее глаза, похожие на голубые льдинки и не отражающие никаких чувств, слегка прищурились, словно свет свечи был для нее слишком ярок. У нее были тонкие губы, слегка фиолетовые от холода. И никаких следов косметики.

– Вы Кейен Кронк? – спросил я, когда она остановилась рядом со своим креслом.

В ответ последовал едва заметный наклон головы.

– В таком случае присядем и покончим с делами.

Она отодвинула кресло и легко опустилась в него.

Усаживаясь, я успел бросить взгляд на Морли и Дожанго. Они напряженно вглядывались в темноту, похожие на занявших стойку выдрессированных волкодавов. Никогда не замечал за Дожанго таких способностей.

Я посмотрел на противоположную сторону стола. Она ждала, скрестив руки на груди.

Мой рассказ занял много времени. Он включал в себя историю гибели Денни, содержание завещания и закончился предложением: либо отправиться в Танфер, чтобы вступить во владение наследством, либо составить письменный и заверенный по всем правилам отказ от всего, что завещал ей Денни Тейт.

Изъясняясь на языке, который Морли называет юридическими непристойностями, я постоянно перекладывал свои бумаги. Под их прикрытием я ухитрился развернуть листок, оказавшийся в моем кармане. Да, это была записка. Она гласила:

Приезжайте и заберите ее. Как можно скорее. Пока еще есть шансы на спасение.

Я задрожал, но постарался убедить себя, что это от холода. Перечитав записку, я, якобы делая заметки, сумел набросать ответ:

Разверните вложенный листок только в ее присутствии. Сделайте это, иначе – никаких надежд.

В записку я завернул одно из заклинаний, приобретенных у Старой Ведьмы. Часовой у двери не изъял у меня этих волшебных бумажек, если вообще их заметил. Засунув послание в карман, я целиком сосредоточился на этой призрачной женщине.

Постаравшись изобразить изумление, я воскликнул:

– Неужели, находясь в здравом уме, вы отказываетесь от ста тысяч марок? За вычетом гонораров, естественно. Сто тысяч серебром!

Она наклонила голову, выражая согласие; мне показалось, что на ее лице мелькнула тень отвращения. За все время нашей беседы – единственное проявление каких-либо эмоций.

– Прекрасно. Я не стану притворяться, будто что-либо понимаю, но тем не менее начну готовить формальный документ, подтверждающий ваш отказ.

Я неторопливо принялся за писанину, добавив:

– Один из моих помощников выступит свидетелем с моей стороны, а кто-то из сопровождающих вас джентльменов – с вашей.

Последовал еще один наклон головы.

Закончив писать и поставив подпись, я сказал:

– Морли, мне нужна твоя закорючка.

Морли приблизился и расписался. Он все еще был напряжен, как отведенная до упора тетива арбалета.

Перебросив документ и передвинув чернильницу к противоположной стороне стола, я спросил:

– Взгляните, вас это удовлетворяет?

Она внимательно изучила бумагу, кивнула, взяла документ, чернильницу и перо, поднялась и уплыла во тьму.

Я, в свою очередь, собрал все бумаги и, встав рядом с креслом, принялся ждать. Очень скоро прекрасное видение приплыло обратно и положило подписанный по всем правилам документ рядом со свечой, избежав таким образом физического контакта, который обязательно возник бы при передаче бумаги из рук в руки. Я взял документ со стола и спрятал в карман.

– Благодарю вас, мадам, за ваше внимание и за то, что вы согласились потратить на нас ваше драгоценное время. Больше я вас не побеспокою.

С этими словами я направился к выходу.

Я обратил внимание, что ни Морли, ни Дожанго, ни гролли, отступая, не повернулись к залу спиной. Бывают случаи, когда отсутствие ночного видения является только благом.

Передать ответную записку не составило никакого труда. Кентавр так жаждал выпроводить нас из своего дома и убраться самому, что просто ничего не замечал. Уже через полминуты (мы едва успели забрать наше оружие) Зек Зак, ругаясь и ворча, тащил нас через темный коридор к черному ходу.

Павлины орали благим матом, будто их окружили дикие псы и спастись можно было, лишь сотрясая воплями небеса. Я их понимал. Совсем недавно я чувствовал себя точно так же. Но если бы я тогда взревел, враги бы догадались, что я все знаю, и непременно напали.

Когда мы приблизились к дому Старой Ведьмы, раздалось хихиканье. Оно слышалось отовсюду и ниоткуда. Затем прозвучал вопрос:

– Как вам понравилось частичное исполнение пророчества, мистер Гаррет?

И снова хихиканье.

Морли и тройняшки, кажется, ничего не услышали. Зек Зак с изумлением посмотрел на дом. Я опустил голову и прошествовал дальше. Мне не хотелось даже думать об этом.

Кентавр, видимо, решил от нас не отлипать. Я ждал, что вот-вот прозвучит имя Сейра Ложды, и Зек Зак меня не разочаровал. Он начал ныть уже на половине пути к кладбищу.

– Подождите, – бросил я и перестал слушать его стенания.

Морли уселся, выбрав местом для привала участок, где мы встретились с Зек Заком. Я последовал его примеру.

– Надо поговорить, – сказал Морли.

– Безусловно, – согласился я.

– Сейчас вы мне заявите, – бубнил Зек Зак, – что не можете выполнить вашу часть договора?

– Нет, – ответил Морли. – Мы выполним ее быстрее, чем вы успеете оглянуться. Дело-то в том, что вы не выполнили своей.

Я вопросительно посмотрел на Морли. Он объяснил:

– Ты передал ей документ вверх ногами; она его не перевернула. Дама не умеет читать. Есть все основания предполагать, что Кейен была грамотной.

– Кейен получила образование. Ты совершенно прав. Это была не она. Ничего общего. Они просто не знали, что я когда-то был с ней знаком.

Зек Зак выглядел подавленным. Я не стал ничего обсуждать, а просто сказал:

– Один вопрос, старый конь. Кому принадлежала идея купить этот дом – вам или священнику?

– Ему.

– Какое неслучайное совпадение! Он нашел то, что, как он опасался, там было спрятано?

– Нет.

– А вы? Уверен, что тоже искали.

К кентавру начало возвращаться утраченное равновесие духа. Осклабившись, он произнес:

– Я разобрал дом по камешку. Мне было необходимо найти средство, чтобы противостоять шантажу с его стороны.

– То есть вы ничего не откопали.

– Нет.

– Гаррет, – спросил Морли, – ты удовлетворишься полученной бумагой? Она принесет тебе твои десять процентов?

– Я вовсе не это обещал старику Тейту. Наследницу я пока еще не нашел.

Морли хмыкнул. В темноте не было видно, но мне показалось, что ответ пришелся ему по душе.

– В таком случае нам надо разработать план действий – что делать и как уберечь свои задницы. – Поднявшись на ноги, он продолжил: – Твой дружок обвел нас вокруг пальца, хотя, возможно, у него не было выбора. Я сказал, что мы выполним нашу часть договора, а его пусть мучает груз неоплаченной благодарности. Следуйте за мной, кентавр.

В его голосе было что-то такое, что мне не очень понравилось.

Не знаю, почему Зек Зак последовал приглашению Морли. Может, он не хотел возвращаться домой. А может, ему собственными глазами хотелось удостовериться в смерти священника.

Морли направился напрямиком к мавзолею:

– Открой его, Марша.

Марша повиновался.

По каким-то признакам Зек Зак заметил, что дверь открывали:

– Вы уже сделали это? Еще до... Бросили труп здесь?

Морли передал кентавру камень Люцифера:

– Взгляните сами. Извините, мы не станем вас сопровождать. Сегодня мы там уже побывали, а у нас, в отличие от вас, желудки не железные.

Их взгляды схлестнулись. Если б Зак мог, то с радостью стер бы Морли в порошок. Но его шансы в этом деле равнялись нулю. Кентавр резко повернулся, поднял светящийся камень и начал спускаться в склеп.

Морли что-то произнес на языке гроллей.

Марша захлопнул дверь.

– Морли!

– Маленькие ночные делишки. Помнишь, я говорил о них, докладывая о кентавре в первый раз. Любовь к женщинам, невинная контрабанда, думал я. Ты понимаешь, чем он их снабжал?

Я знал Морли, пусть не очень хорошо, уже много лет. Мне приходилось видеть его в ярости, но он никогда не терял контроля над собой. И ни разу на моей памяти он не был снедаем такой ненавистью, как сейчас.

– Ты понимаешь, Гаррет, во что мы с тобой вляпались?

– Да уж.

И последнее послание отца Райна, и причины отлучения Кейен от церкви стали обретать новый смысл. И слухи о ночных нападениях – тоже.

– Что-то следовало предпринять. – Морли начал приходить в себя. – Он мог отправиться на рысях к себе и рассказать им, что трюк не удался. Что мы не купились. А с ним

пока ничего не случится. Нам теперь известно, что у него крепкий желудок. Выпустим его позже, если хочешь. Наверняка после нескольких дней, проведенных в склепе, он захочет сказать, где мы можем ее найти.

– Я и так теперь знаю, как ее довольно быстро обнаружить.

Я не стал распространяться на эту тему, несмотря на недоуменный взгляд Морли.

– Ты знаешь, на что идешь? В договоре с Тейтом нет ни слова о том, что ты подрываешься извлечь ее из гнезда Обитателей тьмы.

– Знаю.

Я действительно знал. К тому же природа наградила меня богатым воображением, и я способен был живо представить самые ужасные последствия.

– Если нас схватят, меня и тройняшек можно сразу считать покойниками. Мы им не нужны – в наших жилах очень мало человеческой крови. Но ты...

– Я же сказал, Морли, что все знаю. Оставим эту тему. Сейчас нам следует волноваться по поводу майора. Ему известно, что мы общались с кентавром. Подозреваю, он знал о том, что священник шантажировал Зек Зака. Со смертью Сейра рычаг влияния исчез. Достойный майор может опасаться, что мы, кое-что разнюхав, тоже захотим исчезнуть. Чтобы нас найти, он перероем весь город. На каждом перекрестке будут его люди. Здесь нам оставаться нельзя. С восходом солнца появятся могильщики засеять свои планта-

ции. И вернуться в гостиницу мы не можем: она будет под наблюдением всех заинтересованных сторон.

– Не впадай в панику. Мы укроемся в лесу. Найдем контрабандиста, который знает, как выбраться из города под покровом ночи. Я бы предпочел беспокоиться о наших ночных друзьях в их гнезде, а майор пусть беспокоится о себе сам.

Морли был прав, сам того не подозревая. Чем больше суе-
ты учинит майор, разыскивая нас, тем больше шансов, что начальству захочется выяснить, что же происходит в городе. Он не осмелится привлечь внимание к своей персоне и вызывать подозрение у командиров.

Майор станет действовать крайне осторожно.

Я проснулся от звонкого «харрумп-харрумп» – гролли смеялись. Пришлось открыть глаза. Что-то коричневое и пушистое мелькало перед моим лицом. Чуть поодаль сидел на корточках под кустом представитель малого народца. Я придушил гнев в зародыше, чуть приподнялся и прислонился спиной к стволу дерева. От сна на земле все тело одеревенело.

Морли не преминул бы заметить, что это весьма полезно для моего организма.

– Куда запропастились Морли и Дожанго?

В ответ я получил лишь широченные улыбки гроллей да писк из-под кустов.

– Ладно, пусть так и будет.

– А сахар? – пропищал тоненький голосок.

– Даже если б он у меня был, вы сперли бы его, пока я спал.

– Как же, тут сопрешь... когда вас охраняют эти огромные чудища.

Спорить мне не хотелось. Утром можно лишь предаваться жалости к самому себе. Да и это требует чрезмерных усилий.

– Есть ли кто-нибудь в доме кентавра или поблизости? – Вспомнив, что с этим народцем надо быть точным, я добавил: – Люди или иные существа.

– А сахар?

– Сахара нет.

– Тогда привет.

Что же, обычное дело. Без оплаты нет информации. Проклятые маленькие наемники! Я поразмыслил над тем, не стоит ли спуститься вниз и произвести опустошения в кухне кентавра. Но голод не настолько мучил меня, чтобы рисковать: я не был уверен, что хозяева Зек Зака сразу же ушли, оставив меня с подписанным по форме документом. Да и вообще не хотелось подниматься и что-либо делать.

Я сидел, стараясь в мыслях сопоставить Кейен, которую я знал, с Кейен, обитающей сейчас среди кошмаров. Я перебрал в памяти ее письма Денни. Там не было ничего особенного, кроме редких намеков на то, что она чувствует себя не очень счастливой. Ни слова о местонахождении или окружающей обстановке. Она явно не гордилась собой.

Нет смысла ломать над этим голову – добьешься лишь головной боли и нервного возбуждения. Она сама все объяснит, когда я до нее доберусь.

Морли объявился около полудня. Он сгибался под тяжестью какого-то груза.

– Что это? – спросил я. – Ты планируешь вторжение? И где Дожанго? Что вы задумали?

– Я потратил кучу времени, играя на твою задницу с Васко, Розой и майором. Когда ставки дошли до половины мар-

ки, мне удалось скрыться. А это тебе.

Он сбросил к моим ногам половину груза. Я заметил мешок, в котором, казалось, лежали съестные припасы. Я сразу же развязал его:

– А это что за барахло?

– Сырье. Для изготовления оружия, которое нам потребуется, если мы полезем в их гнездо спасать твою даму сердца. Они чуют металл с расстояния в десять миль. Кстати, ты умеешь делать каменные наконечники для стрел?

– Никогда не пробовал.

– Неужели вас там в морской пехоте не научили ничему полезному? – ехидно поинтересовался он.

– Нас учили трем тысячам способов уничтожения венагетов. Я потребитель оружия, а не его изготовитель.

– Ну вот, опять вся нагрузка ляжет на Маршу и Дориса.

Он забормотал что-то на языке гроллей и передал большим ребятам груз. Через минуту, ворча и пыхтя, они принялись строгать наконечники. Они работали споро и аккуратно, их лапищи двигались, словно лапки мыши.

– Они ужасно недовольны, – пояснил Морли. – Заявляют, что это работа для гномов. Интересуются, почему им нельзя выстругать дубину футов десять длиной, чтобы сокрушать ею черепа. Гролли не всегда сразу разбираются в ситуации.

Я немного умел орудовать ножом и решил смастерить себе меч из дощечки железного дерева. Древесина оказалась очень твердой, и лезвие можно было сделать почти таким же

острым, как стальное. К сожалению, оно быстро тупится. Я не стал его делать обоюдоострым. На тупой стороне я проделал отверстия и загнал в них остроконечные осколки – отходы производства гроллей. Получилось вполне зловещее и грозное оружие.

Время шло. Я пытался в работе утопить свое беспокойство.

– Побойся Бога, Гаррет, неужели ты хочешь выточить и канавки для стока крови?

Я осмотрел меч. Взвесил в руке, проверил балансировку:

– Почти закончил. Еще несколько прикосновений, и отполирую, чтобы уменьшить трение при ударе.

– И ты еще смеешь называть меня кровожадным?

– Для нашего дела лучше подошла бы сабля.

– Обойдешься. Тебе придется ограничиться тем, что имеешь. Заканчивай. Я уже вырезал несколько стрел для арбалета. Надо их заострить и вставить оперение. Потом я обмажу наконечники ядом.

Морли старательно удалял все металлические детали арбалета, заменяя их деревянными. Модернизированное таким образом оружие долго не проработает, но, как он заметил, на один рейд его хватит.

– Старик Тейт позеленеет от ярости, услышав о наших расходах. Но к чему яд? От него не будет никакого толка, – сказал я, заостря арбалетные стрелы и закрепляя оперение.

– Да потому что не все, кого мы встретим, будут иметь к

нему иммунитет.

Верно. Слуги по крови будут яростно сражаться, отстаивая для себя возможность когда-нибудь в будущем вступить в ряды ордена владык.

– Гаррет, ты знаешь что-нибудь об их гнездовьях в Кантарде?

– Кто о них вообще что-нибудь знает?

– Ну да, тот, кто знал, не выжил. Но все же?

– Ходят лишь слухи. Из-за войны Обитатели тьмы в Кантарде не столь скрытны, как в других местах. К тому же здесь изобилие легкой добычи. Никто особенно не беспокоится о пропадающих время от времени солдатах. Поэтому и гнезда здесь должны быть крупнее, чем обычно. Когда я служил, поговаривали о шести гнездовьях. Их стало меньше после того, как однажды карентийские агенты захватили дочь военачальника венагетов и подстроили все так, чтобы ее утащили в одно из гнезд. Военачальник, забыв обо всем на свете, кинулся ее спасать, нашел и разорил притон дотла. В результате его самого тоже убили. Пока его войско охотилось за Обитателями тьмы, наши доблестные части зашли к нему в тыл. Это все, о чем я наслышан. Правда, я знаю, что ночное племя счастливо, видя, сколько серебра уплывает из этой части мира.

– Они, наверное, знают все о серебре, как думаешь?

– Я уверен, они знают все обо всем. Потому-то Кейен так успешно помогла Денни разбогатеть.

Серебро так же смертельно для Обитателей тьмы, как яд кобры – для человека. Оно их убивает быстро и неотвратно. Других столь же эффективных средств нет. Остальные металлы беспокоят их гораздо меньше.

Появился Дожанго, сгибаясь под тяжестью копий, заготовок для луков и прочего снаряжения.

– И сколько глаз ты за собой привел? – поинтересовался Морли.

– Не волнуйся, братец. Я прибыл чистеньким. По правде говоря. Лошади и все необходимое будет ждать нас на заброшенной мельнице в трех милях от места под названием Северный Ручей. Они сказали, что пробудут там до утра, а потом уведут лошадей и вернутся опять к вечеру, если мы не объявимся в первый раз. По правде говоря, ребята побаиваются ждать за городом в глуши.

– Боюсь, нам придется вернуть к жизни кентавра, – заметил Морли и, обращаясь к Дожанго, добавил: – Садись и начинай превращать эти палки в стрелы. Гаррет, ты знаешь этот самый Северный Ручей?

– Да.

Меня все время подмывало спросить, кто здесь главный, но я пересилил себя и промолчал. В конце концов, Морли занимался совершенно необходимыми вещами.

Дожанго принялся за производство стрел. Не прекращая работы, он сказал:

– Когда я уже возвращался, услышал интересные ново-

сти. Вчера вечером, примерно в то время, когда мы лазили в склеп, Слави Дуралейник без чьей-либо поддержки, по правде говоря, атаковал Синие Ключи.

– Синие Ключи? – недоверчиво переспросил я. – Так это миль сто к югу от самой дальней точки, которую когда-нибудь достигала наша армия. И он попытался сделать это без магической поддержки?

– Не только пытался, – сморщил нос Дожанго, – но и сделал, по правде говоря. Застал их спящими. В стремительной атаке убил военачальника Шомадзо-Дзу со всем его штабом и уничтожил половину армии. Остальные бежали в пустыню босиком и в ночных рубашках.

– Хорошая охота для Обитателей тьмы, – пробормотал Морли.

– А также для единорогов, диких псов, хиппогрифов и других тварей, жаждущих человечины, – добавил Дожанго.

– Морли, это грозит нам осложнениями, особенно если мы там задержимся.

– Каким образом?

– Если все это правда, то армия венагетов потерпела беспрецедентное поражение. Когда Слави Дуралейник перешел на нашу сторону, он поклялся отомстить пяти военачальникам венагетов. Много лет он делал из них дураков, заставляя плясать под свою дудку по всему Кантарду. Теперь же он нанес удар по традиционно безопасной территории и раздавил одного из пяти как букашку.

– Ну и что из этого?

– А то, что венагеты станут слепо отмахиваться, как боксер с залитыми кровью глазами. С другой стороны, карентийские войска начнут продвижение, чтобы развить успех. Все племена Кантарда попытаются извлечь из этой неразберихи свою выгоду. Через неделю заварится такая каша, что жизнь там не будет стоить ни гроша, если не быть постоянно начеку.

– В таком случае нам следует выступить как можно скорее.

Я всем сердцем разделял его настроение. Но моя записка, тайно переданная слуге по крови в доме Зек Зака, пока не дала результатов... По моим расчетам, откровение могло произойти лишь через несколько дней. Если произойдет.

Зек Зак был на удивление покладист – общество трупов сделало свое дело. Он не протестовал до тех пор, пока не узнал, что призван под наши знамена и ему предстоит участие в длительном походе. К этому моменту Зек Зак успел вывести нас за городскую стену через прорытый контрабандистами туннель.

Морли, пребывавший в проказливом настроении, выступил с речью.

– Сэр, – начал он, обращаясь к кентавру, – неужели вы не видите, что ваш кошачий концерт не имеет под собой ни малейших оснований. Хорошенько подумав, вы – я в этом убежден – не сможете не признать, что мы правы. Если бы мы, допустим, вас отпустили, на чем вы столь безосновательно настаиваете, вы бросились бы вскачь обратно в город и, не теряя драгоценного времени, предприняли бы действия, способные причинить нам массу неприятностей, воображая нас виновниками всех ваших бед и не задумываясь о том, что корень зла – в вас самом.

Свою армию я построил в форме ромба. Один гролль возглавлял, второй замыкал строй. Дожанго шел справа, Морли – слева. Ничего не видя в ночи, я маршировал в центре, а между мной и Морли, спотыкаясь, плелся Зек Зак.

Кентавр на удивление быстро примирился с неизбежным.

Он проявил еще одну, дотоле неизвестную, черту своего характера и вступил в спор с Морли на таком же цветистом и подчеркнуто вежливом языке.

Вид моего войска потряс поджидавших нас разбойников. До них вдруг дошло, что не удастся, получив деньги, отнять лошадей и припасы, чтобы продать их снова. Вид гроллей убедил их и в том, что не стоит пытаться нас убить с той же целью.

Завершив сделку, мы тотчас расстались. Продавцы придерживались теории, что длительное пребывание ночью на воздухе опасно для жизни. Мы же исходили из гипотезы, что мудрый человек старается убраться подальше от тех, кто хочет его убить.

Но не тут-то было. До лошадей, очевидно, дошел слух обо мне, и они сообразили, что самым разумным будет вообще не трогаться с места.

Их-то ведь никто не хотел убить.

Настроение животных не улучшилось, когда взошло солнце и они сообразили, что мы движемся в сторону Кантарда.

Морли тут же обвинил меня в антропоморфизме и преувеличении естественного нежелания безмозглых тварей топтать по незнакомой местности.

Это говорило только о том, что они его обвели вокруг пальца, точнее, копыта. Эти чудовища весьма изобретательны в своей злобности – единороги в лошадиной шкуре.

Откровение запаздывало, и мне пришлось самому выби-

рать направление движения. Я установил курс точно на запад. Именно в этом направлении лежали граничащие с Кантардой самые пустынные земли Кантарда. В представлении жителей Танфера это были земли романтических сражений с венагетами, земли, заселенные странными народами. Лучшего места для гнездовья Обитателей тьмы не сыскать. Природа в тех краях была настолько негостеприимна, что отпугивала большинство племен. Никаких природных богатств, способных вызвать поток старателей и их телохранителей. Для ночного племени там имелась изобильная добыча – многочисленные зек заки служили загонщиками на охоте.

На второй день путешествия Морли начал подозревать, что я не совсем уверен в правильности избранного направления, и решил приступить к обработке кентавра.

– Бесполезно, Морли, – сказал я. – Они не настолько глупы, чтобы ему доверять.

Позади нас что-то пробормотал Дорис. Я наконец научился различать гроллей, заставив их носить разного цвета шапки.

– В чем дело? – спросил я.

– Он говорит, что нас преследует собака.

– Ох...

– Опасность?

– Возможно. Но чтобы выяснить это, нам следует на нее напасть. Найдите место, где мы окажемся с подветренной стороны.

Не исключено, что все выяснится само собой. Пес может оказаться потерявшимся домашним животным, жаждущим человеческого общества. Но это маловероятно. Возможно, это изгой из диких. Скорее всего, бешеный. Но наиболее вероятное и самое неприятное – что это охотничье животное, специально натасканное на поиски добычи.

В нижней части склона холма, который мы огибали, Марша нашел подходящее скопление валунов. Он двинулся вверх по крутому извилистому проходу между ними, туда, где была тень и откуда долетало до нас звонкое эхо. Морли, Дожанго и я слезли с седел и последовали за ним, таща лошадей и осыпая упирающихся скотов непристойной бранью на нескольких языках.

– Что я тебе говорил о лошадях, Морли?

Дорис залег между скалами и начал менять цвет кожи.

– Не останавливайся, Морли. Они руководствуются не только чутьем, но и зрением. Им надо видеть движение.

Морли что-то проворчал. Марша, не прекращая восхождения, ответил ему ворчанием. Через несколько секунд снизу раздался возмущенный вопль собаки, лишившейся сытного мясного обеда.

Спускались лошади гораздо охотнее. Что за ленивые чудовища!

Дорис вчистую разделался с подлецом. Он стоял над раздавленным псом с такой самодовольной ухмылкой, будто сразил все вражеское войско.

– Да, – заметил я, – похоже на попавшую под колесо крысу. Нам повезло, что цела голова. – Присев, я изучил уши пса. – Проклятье!

– Что такое? – спросил Морли.

– Это был охотничий пес. Хорошо натасканная собака. Видишь дыры в ушах? Это проколы от зубов единорогов. Охотничья команда наверняка всего в нескольких милях от нас. Они идут по следу собаки, если та не возвращается. Это значит, что нам следует подготовить для них как можно больше неприятных сюрпризов. Просто так нам от них не ускокать.

– Сколько обычно их бывает?

– Взрослый самец и все самки гарема – те из них, что не вынашивают или не выкармливают потомства. В табуне может быть и несколько молодых самок, которые пока не отбились. Всего от шести до двенадцати особей. Если они до нас доберутся, концентрируй внимание на старшей самке. Вожак в свалку не полезет. Охоту, как и всю остальную тяжелую работу, он оставляет дамам. Самец-единорог ограничивается тем, что отдает распоряжения, покрывает жен, убивает отпрысков мужского пола, когда те отобьются от матери, и пытается похитить наиболее привлекательных особ из чужого гарема.

– Весьма разумный образ жизни.

– Мне всегда казалось, что ты придерживаешься такого же.

– Может, если убить вожака, гарем разбежится?

– В таком случае, как я слышал, они быются до полного истребления или их, или врага.

– Точно, – вмешался Зек Зак. – Эти единороги – отвратительнейшие чудовища. Один из самых неудачных экспериментов природы. Наступит день, когда мой народ завершит их истребление...

Он заткнулся: понял, что у всех остальных имеется несколько иное мнение по поводу самого неудачного эксперимента природы.

Мы торопливо двинулись в путь. Чуть погодя Зек Зак заговорил снова, но лишь для того, чтобы поведать нам о самых лучших ловушках, которые его народ использует в борьбе с единорогами. Некоторые из них действительно отличались злобной изобретательностью и эффективностью.

До этого Зек Зак занимался только тем, что критиковал нас. Неожиданная помощь с его стороны говорила о том, что единороги неподалеку и страх перед ними заставил кентавра поджать хвост.

Задержавшись у ручья с противной солоноватой водой и набрав топлива для костра, мы в поисках места для лагеря почти ползком преодолели несколько сот футов каменистой осыпи у подножия гигантского, в форме бочки монолита. Хорошее место нашлось в глубокой нише, к которой даже мышь не смогла бы подобраться бесшумно. Отсюда открывался великолепный вид, однако ни один из нас, даже вооружившись биноклем, не заметил в сумраке никаких движущихся объектов.

Мы разожгли небольшой, прикрытый от посторонних взглядов костер. Чтобы поднять настроение, пришлось прибегнуть к помощи крошечного бочонка, в котором пива хватило лишь по хорошему глотку для меня, Зек Зака и Дожанго и по небольшой порции для Дориса и Марши.

– Да, – заявил я, – любовь к выпивке – вторая ошибка моей жизни.

– Мне не хватает смелости спросить, в чем заключалась первая. Подозреваю, что это было твое появление на свет. – Морли ухмыльнулся. – Боюсь, что пиво, поболтавшись по жару во выюке, утратило кое-какие качества.

Мы сидели у костра, наблюдая, как постепенно умирает пламя, время от времени обмениваясь шутками и байками, но в основном выдвигали различные предложения, как луч-

ше разделаться с единорогами, если дело дойдет до схватки. Мой вклад был невелик, так как мысли мои были далеко: меня начало волновать отсутствие откровения.

Здесь что-то не так. По моим расчетам, они уже должны были достичь гнездовья. Неужели слуга по крови чем-то выдал себя? Неужели мое послание с заклинанием обнаружили?

Если так, то дело худо. Мы можем без толку блуждать по Кантарду до глубокой старости.

В какой-то момент я буду вынужден признать поражение и отправиться на север с фальшивым отказом от наследства. Поиски придется прекратить, когда мы настолько истощим наши припасы, что их останется только на сухопутное путешествие до Тилрифа – ближайшего к нам (кроме Фулл-Харбора) порта. Возвращаться отсюда, из пустыни, прямо в лапы майора казалось мне совершенно нелепым.

Один из гроллей что-то весело рассказывал Морли. Тот непрерывно хихикал. Не обращая на них внимания, я стал подремывать.

– Эй, Гаррет. Послушай, что мне рассказал Дорис. Ты лопнешь от смеха.

Я со стоном открыл глаза. Огонь в костре зачах, превратившись в тлеющие угольки, дающие совсем немного света. Но даже при таком скудном освещении я заметил, что радостный тон Морли не вяжется с выражением его лица.

– Еще одна скучнейшая и бессвязнейшая притча о том,

как лис прогнал медведя из ягодника, сам объелся этих ягод, убежал и умер от поноса? – пересказал я самую лучшую из всех слышанных мной притчей гроллей, в которой, впрочем, все равно не было ярко выраженной морали.

– Нет. Эта тебе очень понравится. Но даже если придется не по вкусу, смейся, чтобы не обидеть Дориса.

– Что ж. Раз надо, значит надо.

– Надо. – Он подсел ко мне и тихо произнес: – Притча начинается так. За нами наблюдают двое из ночного племени. Смейся.

Я выдавил из себя смешок, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не оглянуться. Пожалуй, смех прозвучал вполне естественно.

Дорис что-то сказал Марше, а тот ответил брату чистосердечным хохотом гроллей. Как будто они поспорили о моей реакции и Марша выиграл.

– Дорис и Марша готовы напасть на них. Может быть, они совладают с вампирами, а может, и нет. Не оглядывайся. Когда я закончу рассказ, мы встанем и направимся к Дорису. Хихикни и кивни.

– Обойдусь и без твоей режиссуры, – заявил я, хихикая и кивая.

– Когда Дорис двинется, ты последуешь за ним и сделаешь то, что требуется. Я отправлюсь с Маршей.

– А Дожанго? – И, шлепнув себя по колену, я залился хохотом.

– Он останется следить за кентавром.

Зек Зак забился в узкую щель, где никто не мог достать его сзади. Сложив под себя ноги, он, похоже, крепко спал, положив голову на согнутую в локте лапу.

– Готов? – спросил Морли.

Я постарался придать своему лицу геройское выражение, которое означало: я бесстрашный истребитель вампиров, возвращающийся из похода.

– Веди меня, герой. Я следую за тобой.

– Хохочи!

Я разразился смехом, как будто услышал историю о невесте, которая не знала, что курочку, прежде чем жарить, следует ошипать. Морли ухмыльнулся и поднялся. Я последовал его примеру, одновременно пытаюсь размять слегка онемевшие ноги. Мы направились в сторону Дориса.

Дорис и Марша прыгнули с поразительной быстротой. Пробежав всего два шага, я заметил среди камней какую-то возню темных тел. Дитя ночи оказалось в лапах Дориса. Между ними завязалась битва. Второе существо промчалось за моей спиной, я не стал оглядываться.

Когда я подоспел к месту схватки, Дорис сжимал вампира в могучих медвежьих объятиях, отворачивая от чудовища лицо. Его мышцы были напряжены до предела. Несмотря на всю свою силу, гролль с огромным трудом удерживал исчадие ада. Из рассеченного ударом когтей бока Дориса потоком лилась кровь. Запах крови приводил вампира в

неописуемую ярость. Его клыки клацали совсем близко от руки гролля.

Если этот дьявол сумеет укусить, с Дорисом будет покончено. Он получит дозу страшного яда, способного уложить мастодонта. Не зная, что предпринять, я замер: в одной руке нож, в другой – серебряная монета в полмарки. Нога вампира дернулась в мою сторону, и я попытался перерезать ему ахиллесово сухожилие.

Вдруг стало светлее – это Дожанго подбросил в костер топлива.

Дорис сумел зажать между колен лодыжки вампира, а я прыгнул вперед, стараясь вонзить лезвие как можно глубже под колено чудовища. Клинок проник на дюйм, острие ножа уперлось в кость, и я прорезал сверху вниз плоть, которая оказалась тверже копченой колбасы.

Из глубокой раны, длиной в целый фут, выдавилось три капли какой-то жидкости. Вампир издал короткий вопль ярости и боли. Его налитые кровавым огнем глаза обратились ко мне, он старался поймать мой взгляд, чтобы загнипнотизировать меня своим несущим гибель взглядом.

Я успел сунуть серебряную монету в рану, прежде чем она начала затягиваться.

Я сделал это инстинктивно, но настолько умело, быстро и эффективно, что до сих пор не перестаю удивляться своему поступку.

Вампир замер на несколько секунд. Затем мертвые губы

разомкнулись, и раздался вой, способный ужаснуть скалы. Наверное, он был слышен в двадцати милях от нас. Вопль создания, утратившего бессмертие. Я зажал ладонями его рану, чтобы удержать монету. Ночное чудовище задержалось, как человек при последних судорогах столбняка. Оно зашипело, захрипело и содрогнулось с такой силой, что мы едва сумели его удержать.

Плоть под моими ладонями начала размягчаться. Вокруг монеты она превратилась в желеобразную массу и сочилась между пальцами.

Дорис отшвырнул от себя чудовище. На большом зеленом лице гролля, освещенном неровным светом костра, сменяли друг друга отвращение и ненависть. Вампир, шипя, катался меж камней, пытаясь когтями скрюченных пальцев скрепить рану. Нам попался очень крепкий экземпляр. Яд серебра должен был давно прикончить его. Но они, по-видимому, все отличаются чудовищной мощью. Иначе дети ночи не были бы тем, чем являются.

Дорис поднял валун раза в два выше меня и с силой бросил на голову чудовища.

Несколько секунд я следил за тем, как его плоть, превращаясь в желе, стекала с костей. И тут ко мне пришло откровение, словно гибель вампира явилась для него сигналом.

Теперь я знал направление.

Когда наступит день...

Если он наступит. Морли и Марша все еще продолжали

битву. Дорис спешил им на помощь. По дороге он прихватил свое десятитонное оружие. Меня била дрожь, и я не мог никому помочь, кроме самого себя.

Не знаю как, но второму вампиру удалось вырваться. Он ударился о землю и взвился в громадном, на сотни футов, прыжке, том самом, что заставляет невежд верить, что вампиры умеют летать.

И оказался буквально в нескольких футах от меня.

Думаю, это получилось случайно. Скорее всего, он прыгал, ничего не видя, с глазами, застланными пламенем ярости. Но теперь он увидел меня. Его пасть открылась, сверкнули клыки, глаза вспыхнули светом, когти потянулись ко мне...

«Он» или «оно»? При жизни этот вампир был мужчиной. Наверное, он все еще не потерял способность воспроизводить себе подобных.

Дубина Дориса со смачным звуком обрушилась на нелюдь. Вампир отлетел туда, откуда явился, и рухнул прямо к ногам Марши. Марша опустил на него валун прежде, чем вампир пошевелился (если он еще мог шевелиться).

Я не стал смотреть, что будет дальше. Я направился к костру, туда, где хранились наши бочонки: выпить пива, чтобы немного протрезвиться.

Дожанго дрожал сильнее, чем я, но не бросал порученного дела. Одной рукой он подкидывал топливо в костер, а в другой держал направленный на Зек Зака арбалет. Он даже не

оглянулся посмотреть, кто или что приближается к нему.

Еще один ужасный вопль разорвал ночную тьму.

– Всего двенадцать, – сказал я. – Один хромой. Не могу больше пялиться через эти линзы, у меня выскочат глаза.

Морли принял из моих рук бинокль и начал изучать резвящихся у ручья единорогов, старательно делающих вид, что им неизвестно о нашем присутствии.

Морли передал бинокль Дожанго и сказал, обращаясь к Зек Заку:

– Одна из ваших ловушек сработала.

Этим утром кентавр не устаивал нас своей беседой.

Я поднялся повыше для лучшего обзора и стал размышлять о вчерашнем откровении, которое все еще оставалось со мной.

Откровение давало направление, образуя прямую линию, проведенную через меня и Кейен. Но беда в том, что линия проходила сквозь меня, и я не знал, какой луч вел к Кейен, а какой – от нее.

Старая Ведьма не упоминала о такой возможности.

Я бы выбрал путь на юго-запад. В этом случае гнездо оказывалось недалеко от Фулл-Харбора и от зоны военных действий. Кроме того, в том направлении неподалеку от воображаемой линии находилась многообещающая гора.

– Эй! – прокричал я вниз. – Кто-нибудь, принесите мне бинокль!

Морли, ворча, поднялся ко мне.

– Почему ты так долго не мог вчера разделаться с этой нежитью? – поинтересовался я.

– Пытался разговорить его. Мне попался новичок, который еще совсем недавно был слугой по крови. Он не был рожден вампиром. Думал, он расколется. Смотри! Вожак и две самки отделились от табуна.

Это было действительно так. Единороги поскакали по нашему следу, но не к нам, а в противоположную сторону. Оставшаяся часть табуна скрылась за развесистыми деревьями, теснящимися вдоль ручья.

– И тебе удалось узнать что-нибудь полезное?

– Ничего интересного. Что там происходит?

– Кто-то следует точно нашим путем. Еще слишком далеко, чтобы точно сказать – кто. Но кажется, большой отряд.

Он взял у меня бинокль:

– О судьба, ты – беззубая, ухмыляющаяся шлюха! Мы сидим здесь, загнанные в угол единорогами, а оттуда (я готов держать пари) наползает твой лучший друг, майор.

– Пари не принимаю, пока они не приблизятся настолько, что можно будет рассмотреть рожи.

– Ты любишь выигрывать наверняка?

– Во всяком случае, на моей шее никогда не висели крупные проигрыши.

С недовольным видом он вернул мне бинокль.

Единорог-самец вскоре возвратился. Он и его натасканные псы, укрывшись за живой изгородью у ручья, ждали, пока им принесут добычу. Самки отошли примерно на милю и притаились в сухом овраге.

Отвечая на вопрос Морли, я пояснил:

– Самки неожиданно выскочат и попытаются посеять панику среди лошадей. Это не так уж сложно, если лошади специально не тренированы. Затем они нападут на отбившихся, сожрут упавших лошадей, а всадников и всех остальных отгонят к единорогу, не принимавшему участия в нападении. Если же всадники успеют перегруппироваться и контратаковать, то они рассыпятся по сторонам и станут выжидать.

– Думаю, отряд приблизился настолько, что мы сможем их разглядеть.

Я поднес бинокль к глазам. В клубах пыли мелькали отдельные фигурки всадников, но лица были еще неразличимы.

– Пятнадцать всадников и два фургона. Взгляни и скажи, что думаешь по этому поводу.

Он начал вглядываться, бормоча:

– Выправка солдатская. Похоже, мы попадаем из огня да в полымя. Создается впечатление, что в отличие от тебя они знают свой путь.

– Я тоже знаю, куда направляюсь. К той столовой горе.

– Туда, откуда мы прибыли, потратив на это целый день? И когда же тебе явилось столь потрясающее откровение?

Я проигнорировал вопрос. В конце концов, ему вовсе не обязательно знать все.

Всадники миновали укрытие единорогов-самок.

– Нападение готовится с тыла.

Я взял у него бинокль:

– Интересно. Ты хорошо рассмотрел первый фургон?

– Нет.

– А тебе не приходила в голову мысль о двух девицах, болтающихся в Кантарде в сопровождении Плоскомордого Тарпа?

– Не может быть! Ну-ка дай мне эту штуку. – Он поднес бинокль к глазам. – Безумная сучка! Проклятье! Там же и твой друг Васко со своими приятелями. Очередное собрание членов «Общества любителей Гаррета». Похоже, дамы попали в плен. Я насчитал десять солдат и одного офицера.

Наступила моя очередь воспользоваться биноклем. Морли был прав.

– Там мой безымянный майор, и это налагает на меня моральные обязательства.

– Да?

– Я не могу допустить, чтобы женщины пострадали.

– Да девицы сами напросились на неприятности! Как бы они, по-твоему, поступили, поменявшись с нами местами?

Я не успел ответить. Единороги выскочили из оврага. Поначалу казалось, что их тактика далека от совершенства. Всадники мгновенно рассыпались и вдруг разом поверну-

лись, выставив копыта в сторону нападавших.

Две группы сшиблись в схватке. Единороги вышли из нее первыми и поскакали к оврагу. Один солдат и две лошади остались лежать. У единорогов потерь не было, но раненых оказалось достаточно.

Стрела ударила в плечо самой медлительной самке. Та споткнулась и упала на колени. Не успела она вскочить, как в нее вонзилось несколько копий. Безымянный майор прокричал что-то язвительное. Он направил пять человек засыпать стрелами укрывшихся в овраге. Разъяренные единороги выскочили с ужасным ревом. Через несколько мгновений в новой схватке погибли еще один солдат, единорог и две лошади. Безымянный майор, удержав позиции, продолжал издеваться над нападавшими. Солдаты, потерявшие лошадей, компенсировали утрату за счет пленников.

– Мне кажется, что он ненавидит единорогов, – заметил Морли.

– Старшая самка отправилась к хозяину за распоряжениями.

– Я пошел вниз. Подай сигнал, если он прикажет ей использовать собак.

– Ладно.

Майор готовился к битве. Он построил укрепление из фургонов и багажа, снятого с выючных животных. Лишние лошади были укрыты за баррикадами. Пленников тоже вооружили и приказали ждать в фургонах. Интересно, что май-

ор им сказал?

Самец-единорог либо был глуп, либо потерял самую любимую из жен. Они в этом случае становятся весьма импульсивными.

Я просигналил Морли, дав понять, что догадался о его намерениях. Идея мне не нравилась, но иного выхода не было.

Собаки, завывая, неслись к отряду майора. Следом летели единороги. В пыли за клубилась замечательная свалка.

Самец, видимо, не интересовался происходящим и не следил за битвой. В результате Морли удалось пробежать незамеченным от подножия осыпи до самого ручья.

За Морли следом бросился Зек Зак. Не найдется четвероногого быстрее, чем кентавр, влекомый глубокими личными мотивами.

Заслышав топот копыт, единорог обернулся, но было поздно. Зек Зак прыгнул на него и продемонстрировал всем, как в молодые годы он разделялся с единорогами в схватке один на один. Все кончилось очень быстро.

Тем временем я скатился вниз по склону. Пора было подумать об отходе.

Когда я сбежал вниз, все и вся были готовы к отъезду. Я вскарабкался в седло. На сей раз для разнообразия в моей армии царило полное согласие. Мы были командой с единым мозгом. И мозг принял решение – «оставлять следы».

Я возглавил отряд, чтобы показать пример, как это следует делать. Я провел своих людей вокруг подножия монолита, чтобы путь наш снова лежал на восток. Перед нами открывалось поле битвы. Все путешествие заняло полтора часа.

Отряд остановился. Я поднял бинокль. Никакого движения, если не считать нескольких грифов. Отсюда трудно было определить степень катастрофы. Я только видел, что один из фургонов валяется на боку, а на колесе восседает гриф.

– Стоит посмотреть поближе, – сказал я, взглянув на Зек Зака.

Кивнув в ответ и не проронив ни слова, он захватил пару дротиков и ускакал. За это утро с ним произошла удивительная метаморфоза.

– Он вполне мог бы вернуться в армию, – сказал я Морли. Он неопределенно хмыкнул.

– Не забывай, его прошлые заслуги получили настолько высокую оценку, что кентавру даровали карентийское гражданство, – добавил я.

– Важно не прошлое, Гаррет, а настоящее. А этот кентавр

– худшая разновидность ночного торговца. Он продает представителей вашей расы Обитателям тьмы.

Да, Морли был прав.

Зек Зак проскакал несколько раз вокруг места схватки, каждый раз сужая круг. Затем кентавр поднял дротик и послал сигнал, зная, что я наблюдаю за ним в бинокль.

– Поехали.

Зрелище оказалось премерзким. Все собаки валялись мертвыми. Такая же участь постигла большинство единорогов и дюжину лошадей. Но мы не увидели ни единого человеческого трупа.

– Они продолжили путь, – заметил кентавр.

– Для венагета он прекрасно изучил боевую тактику карентийцев, – сказал я Морли. – Атакуй единорогов при первом удобном случае. Уноси с поля боя своих мертвецов. Отравляй мясо убитых животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.